

Московская школа политических исследований

Richard Pipes
COMMUNISM

Ричард Пайпс
КОММУНИЗМ

Москва 2002
Московская школа
политических исследований

ББК 66.1
Р 37

Перевод с английского *Д. Васильева*

Пайпс Р.

Р 37 Коммунизм. — М.: «Московская школа политических исследований». 2002. — 200 с. / Перевод осуществлен по изданию: Richard Pipes. Communism. A history. The Modern Library, 2001.

ISBN 5-93895-038-4

ББК 66.1

«Что более всего вдохновляет в советском режиме, так это его провал. Если бы он преуспел... я бы посчитал, что пределов устрашению и закабалению человека не существует».*

Малькольм Маггеридж

*Издание осуществлено при поддержке
Агентства международного развития США*

ISBN 5-93895-038-4

© «Московская школа
политических исследований»,
перевод, 2002
© R. Pipes, 2001

* *Kitty Muggerridge and Ruth Adam, Beatrice Webb* (New York, 1968), 243. (Написано в 1934 или 1935 году).

Предисловие

Эта книга представляет собой введение в коммунизм и одновременно его некролог. Потому что абсолютно ясно: даже если когда-нибудь возобновятся поиски совершенного социального равенства, идея которого с античных времен двигала борцами за коммунистическую утопию, основой этих поисков уже не будет марксизм-ленинизм. Настолько он исчерпал себя, что даже послесоветские коммунисты в России и других странах подменили его эклектичной социал-демократической платформой, одобренной национализмом. Поэтому сегодня мы имеем возможность подвести итоги движения, которое доминировало на протяжении большей части двадцатого века, и определить, явился ли его крах следствием чьих-то промахов или результатом ущербности, заложенной в самой его природе.

Слово *коммунизм*, родившееся в Париже в 1840-е годы, относится к трем связанным между собой, но разным понятиям: идеалу, программе и режиму, призванному воплотить идеал в жизнь*.

Идеал полного социального равенства в своей крайней форме (например, в некоторых сочинениях Платона) требует растворения личности в сообществе. Поскольку социальное и экономическое неравенство проистекают главным образом из имущественного неравенства, достижение идеала подразумевает отказ от «моего» и «твоего» — иными словами, от частной собственности. Этот идеал имеет глубокие исторические корни и время от времени возникает в истории западной мысли, начиная с седьмого века до н.э. и вплоть до настоящего времени.

Программа восходит к середине девятнадцатого века и ассоциируется, прежде всего, с именами Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В своем *Коммунистическом манифесте* 1848 года Маркс и Энгельс писали, что «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: упразднение частной собственности». Энгельс утверждал, что его друг выработал научную теорию, которая доказала неиз-

бежность крушения обществ, основанных на классовых различиях.

Хотя на протяжении человеческой истории принимались спорадические попытки осуществить коммунистический идеал, первый решительный шаг в этом направлении с использованием всей мощи государства был сделан в России в период с 1917 по 1991 год. Основатель этого *режима*, Владимир Ленин, видел в нем эгалитарное общество без частной собственности, рожденное «диктатурой пролетариата», которая призвана уничтожить частную собственность и проложить дорогу в коммунизм.

Мы проследим историю коммунизма именно в этой последовательности и потому, что это логично, и потому, что так он складывался исторически: сначала идея, затем план ее осуществления и, наконец, воплощение в жизнь. Но главное внимание мы уделим именно воплощению, потому что идеал и программа сами по себе относительно безобидны, тогда как всякая попытка их осуществления, особенно если к этому привлекается вся мощь государства, приводит к невообразимым последствиям.

* Нет четкого различия между «социализмом» и «коммунизмом». Маркс различал две фазы продвижения к полному коммунизму: первая, переходная фаза, в рамках которой сохраняются старые виды неравенства даже при уничтожении их корней; за ней следует вторая, высшая фаза, когда принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» заменит принцип «равной оплаты за равный труд». Первую фазу Ленин определил как социализм, вторую как коммунизм. Однако, придя к власти в России, он сменил название своей партии с «социал-демократической» на «коммунистическую», и мы будем пользоваться термином коммунизм, подразумевая под этим ленинскую теорию и практику. См.: Andrzej Walicki, *Marxism and the Leap to the Kingdom of Freedom* (Stanford, 1995), p. 93.

I

Теория и программа коммунизма

Идея бесклассового общества полного равенства изначально возникла в классической Греции. Древней Греции выпало стать первой страной мира, где признавалась частная собственность на землю, а земля считалась товаром, поэтому она первая столкнулась с социальным неравенством, проистекающим из права собственности. Гесиод, современник Гомера (VII век до н.э.), в поэме *Труды и дни* воспел мифический «Золотой век», когда люди не знали «позорной страсти к наживе», когда было изобилие благ, которыми равно пользовались все, и человечество пребывало в вечном мире. Тема Золотого века снова прозвучала в произведениях римских поэтов Вергилия и Овидия; Овидий писал о временах, когда мир не знал таких понятий, как «пограничные столбы и ограждения».

Самое раннее теоретическое определение этого идеала обрел в произведениях Платона. В *Республике*, вкладывая эти слова в уста Сократа, Платон утверждал, что распри и войны коренятся в обладании имуществом:

Подобные различия возникают обычно из разногласий по поводу таких слов, как «мое» и «не мое», «его» и «не его»... И разве не наилучшим образом устроено то государство, где наибольшее число людей одинаково и по отношению к одним и тем же вещам пользуется такими словами, как «мое» и «не мое»?

В *Законах* Платон провидел не только общество, в котором люди владеют сообща всем, в том числе женами и детьми, но и такое, где

частное и личное исключены из жизни, а вещи, по природе своей личные, скажем, глаза и руки, становятся общими и до некоторой степени видят, слышат и действуют сообща, и все люди возносят хвалу или обвиняют, испытывают радость или грустят по одним и тем же поводам.

Аристотель, ученик Платона, сомневался, что подобная коммунистическая утопия принесет в общество мир, по той причине, что люди, владеющие вещами совместно, более склонны к ссорам, нежели те, что имеют их в частном владении. Более того, утверждал он, корень общественных разногласий не в материальной собственности, но в жажде обладания ею: «уравнивать надо не собственность, а желания людей».

Существует распространенное, но ложное мнение, что социализм и коммунизм представляют собой всего лишь современную, светскую версию хри-

стианства. Но, как отметил Владимир Соловьев, разница в том, что если Иисус призывал своих последователей отказаться от принадлежавшей им собственности, то социалисты и коммунисты хотят лишиться собственности других. Более того, Иисус никогда не звал к нищете, он просто говорил, что она облегчает путь к спасению. Широко известное высказывание Св. Павла о деньгах цитируют, как правило, неверно: он не говорил, что «деньги есть корень всякого зла», корень зла он видел лишь в «любви к деньгам» — иными словами, в алчности. Св. Августин риторически вопрошал: «Что, золото это нехорошая вещь?» — и отвечал: «Нет, хорошая. Но злые используют хорошее золото ради зла, а добрые используют хорошее золото для добра».

Отцы церкви и позднее католические богословы придерживались прагматических взглядов на собственность. Согласно Св. Августину, общество без собственности возможно только в раю — в том самом «Золотом веке», который человечество утратило вследствие первородного греха. Учитывая несовершенство человека, собственность моральна, если ею пользуются мудро и в благотворительных целях. Католическая церковь не только не проповедовала бедность, но и отрекалась от тех, кто это делал, а иногда и преследовала их. Основатели протестантства, особенно Кальвин, считали богатство благом и знаком Божьей милости.

Однако представление о «Золотом веке» никогда не исчезало из сознания европейцев. Ранние мореплаватели пускались в свои путешествия, вдохновляемые не только поисками Эльдорадо и других мифических мест, где золото в изобилии рассыпано под

ногами, как пыль, но также и стремлением найти острова, где расположен земной рай, — легенды о них жили в средневековой Европе. И когда они впервые высадились на Американском континенте и увидели обнаженных индейцев, они были убеждены, что поиски увенчались успехом: разве отсутствие чувства стыда не есть признак жизни до грехопадения? Если туземцы и в самом деле жили в раю, это значит, что они ничего не знают о собственности. По возвращении Колумб сообщил, что аборигены «простодушны» и «если их попросить, никогда не отказываются поделиться тем, что имеют; напротив, они приглашают любого воспользоваться этим». Он не был уверен, известна ли им частная собственность, но заметил: «Тем, что имеет один, пользуются все, особенно, это касается пищи».

Первые наивные впечатления вскоре уступили место более реалистичной оценке американских индейцев, успев, однако, породить утопическую литературу, ставшую с тех пор неотъемлемой частью западной мысли*. Архетипическая Утопия Томаса Мора, описанная в вышедшей в 1516 году книге под этим названием, по мнению ряда ученых, черпала вдохновение в отчете о путешествии Колумба и других ранних землепроходцев. Далеко не столь благостное место, какое подразумевает современное значение слова «утопия», это было суровое и строго регламентированное сообщество, где все жители одевались одинаково и жили в одинаковых домах, где никто не

* Поскольку мечта об обществе, не знающем собственности, характерна буквально для всех утопий, она могла возникнуть лишь там, где частная собственность преобладала: до недавнего времени это фактически были Европа и регионы, населенные европейцами.

имел права передвигаться без разрешения и где частные обсуждения общественных дел карались смертной казнью. Деньги были отменены, золото и серебро шли на изготовление ночных горшков. Общей темой последующих утопий, как и у Мора, было как отсутствие личного богатства, так и насилие сообщества над личностью в целом: и в теории, и на практике утопия означает подчинение личности власти, что вынуждает человека делать то, что он не хотел бы делать по собственной воле.

Тут следует отметить, что идеал «Золотого века» при отсутствии собственности является мифом — плодом мечты, а не достоянием памяти, — потому что историки, археологи и антропологи согласны между собой в том, что никогда не было такого места и времени, когда средства производства находились бы в общей собственности. Все живые существа, начиная с самых примитивных и кончая высоко развитыми, для своего выживания должны иметь доступ к пище, и для обеспечения этого доступа должны иметь право собственности на территорию обитания. В течение тысячелетий до того, как люди перешли к оседлому образу жизни для занятия земледелием и жили в основном охотой и собирательством, связанные родством группы утверждали свое исключительное право на территорию, прогоняя или убивая пришельцев. Притязания на собственность обострились после перехода к земледелию примерно десять тысяч лет назад, потому что обработка почвы это тяжелый труд, отнюдь не сразу приносящий плоды.

В древнейших цивилизациях, отстоящих от нашего времени на пять тысячелетий, — в Египте при фараонах и в Месопотамии — пахотная земля принад-

лежала дворцам и храмам. Древний Израиль это первая страна, в отношении которой мы имеем твердые свидетельства о частной собственности на землю. Господь в Ветхом Завете проклинает всякого, кто позволит себе передвинуть межевые камни («Проклят нарушающий межи ближнего своего», *Второзаконие, 27:17*), а в нескольких книгах Библии говорится о семьях и отдельных людях, имеющих в частной собственности землю и пастбища. Однако владение землей в древнем Израиле сдерживалось множеством религиозных и клановых ограничений. И лишь в классической Греции пахотная земля с древнейших времен находилась в частной собственности. Иными словами, нет никаких свидетельств, говорящих о том, что в каком-то, пусть самом далеком прошлом, были общества, не знавшие «пограничных столбов и ограждений» и не признававшие «моего» и «твоего».

Важнейшим вкладом в теорию социализма и коммунизма явились концепция природы человека, выдвинутая мыслителями Просвещения. На Западе традиционно считалось, что человеческое существо состоит из тела и души, сотворенных Создателем; люди верили, что душа наполнена идеями и ценностями, заложенными от рождения. Это был консервативный взгляд, поскольку он утверждал неизменность человеческой природы: она такая, какая есть, и такой останется всегда. Иными словами, если человеку свойственно стяжательство, таковым он и останется.

Этому предположению бросил вызов английский философ Джон Локк; в своем «Опыте о постижении человека» (1690) он отрицал существование «врожденных идей». По Локку, ум (или душа) при рождении представляет собой чистый лист бумаги: все идеи и

ценности проистекают из чувственного опыта. Эта теория подразумевает, что человеческая природа податлива, а не постоянна, а потому людей можно формировать в той мере, в какой их природная доброта — философы признавали ее как нечто само собой разумеющееся, — способна преодолевать эгоизм. Французский мыслитель восемнадцатого века Клод Адриан Гельвеций сделал подразумеваемое явным, доказывая, что правильное воспитание и законодательство не только дадут возможность, но и вынудят людей достичь полной добродетели. Эта крайне сомнительная психологическая теория стала общим наследием либерализма, социализма и коммунизма, которые в разной степени полагаются на воспитание и/или насилие для достижения своих соответствующих целей. В некоторых отношениях коммунистическое государство, созданное Лениным в России в ноябре 1917 года, было грандиозным экспериментом общественного воспитания, предпринятым по модели Гельвеция с целью формирования совершенно нового типа человека, избавленного от пороков, в том числе и приобретательства.

Именно французские радикальные мыслители восемнадцатого века первыми выдвинули коммунистические программы, призывая к отмене всякого частного богатства на том основании, что оно является причиной всех бед, известных человечеству. Морелли, автор опубликованного в 1775 году важного трактата *Le Code de la Nature* (*Кодекс природы*), писал:

Единственный известный мне вселенский порок это алчность; все прочие, как бы их ни называли, суть лишь формы, степени ее... Проанализируйте тщеславие, гордыню, амбиции, лживость, лицемерие, злодейство; ис-

следуйте большинство наших утонченных добродетелей сами, и окажется, что все они растворены в этой коварной и вредоносной стихии, жажде обладания.

Таким образом, в основе каждой социалистической и коммунистической доктрины лежит экономически детерминированная психология.

Вплоть до середины девятнадцатого века идеал равенства оставался устремлением, которое иной раз порождало социальное насилие, но не имело ни теории, ни стратегии. Так, в Англии семнадцатого века Джерард Уинстэнли, лидер радикальной группы, именованной диггерами («копателями»), призывал своих сторонников захватывать общинные земли и превращать их в пашню. Он выдвинул нечто вроде коммунистической доктрины, которая отвергала торговлю землей или ее плодами. Полтора столетия спустя, во время Французской революции французский радикал Франсуа Ноэль Бабеф организовал «Заговор ради равенства», призывавший к обобществлению всей собственности. Но ни тот, ни другой не могли выработать доктрину, способную показать, как будет осуществлена социальная революция, к которой они стремились. Это справедливо и в отношении социалистов-идеалистов, действовавших в начале девятнадцатого века, таких как граф де Сен-Симон и Шарль Фурье, которые надеялись убедить богатых расстаться с частью их собственности.

Время от времени на Западе возникали добровольные коммунистические общины. Одной из них была Виргинская компания в Джеймстауне (1607), другую, Новую Гармонию Индианы, основал в 1825 году английский филантроп Роберт Оуэн. Все эти попытки

рано или поздно заканчивались провалом, главным образом из-за неспособности решить проблему «бездельников», то есть членов коммуны, получавших полную долю урожая, ничего или почти ничего не делая.

Вкладом Карла Маркса и Фридриха Энгельса в социализм была теория, призванная показать, почему царство равенства не только желательно, но достижимо и, более того, неизбежно. Чтобы обосновать это требование, они прибегли к методам, почерпнутым из естественных наук, завоевавших в девятнадцатом веке колоссальный престиж.

Маркс и Энгельс разработали доктрину «научного социализма», которая гласила, что идеал эгалитарного общества без собственности не только *может* осуществиться, но в силу естественного развития экономики *должен* осуществиться. Марксистская концепция социальной эволюции возникла под влиянием теории Дарвина, сформулированной в 1859 году в *Происхождении видов*. Книга Дарвина описывала появление биологических видов как результат естественного отбора, который позволял им приспосабливаться к враждебной среде. Процесс этот отличала динамичность, виды развивались от низших стадий к высшим в соответствии с детерминированными правилами. Эту теорию сразу подхватили исследователи человеческого поведения, создавшие школу «эволюционной социологии», описывающей историю как «поэтапный» прогресс от низших форм к высшим. Влияние Дарвина на Маркса и Энгельса было настолько велико, что Энгельс, выступая на похоронах своего друга, сказал: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории».

Внесение эволюционного мышления в социалистическую теорию ввело в нее понятие неотвратимости. Согласно «научному социализму», человеческие действия могут в некоторой степени замедлить или ускорить социальную эволюцию, но они не в состоянии изменить ее направление, которое зависит от объективных факторов. Так, по причинам, которые будут изложены ниже, капитализм со временем неотвратимо должен будет уступить место социализму. Эмоциональное воздействие этой веры не слишком сильно отличается от религиозной веры в Божью волю, вдохновляя тех, кто твердо уверен, что как бы много препятствий ни было на их пути, окончательная победа будет обеспечена. Теория обладала особой притягательностью для интеллектуалов, обещая внести в спонтанную и беспорядочную жизнь рациональный порядок, толкователями и наставниками которого станут они сами. Маркс выразил это своим знаменитым изречением: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». А кто лучше подготовлен для разумного изменения мира, нежели интеллектуалы?

При всей своей приверженности научному методу, марксизм нарушил его основополагающее требование, а именно непредвзятость и готовность приспособить теорию к новым фактам. (По словам Бертрانا Рассела, большевизм, отпрыск марксизма, это «религия» с «обычной для нее воинственной непререкаемостью, когда речь идет об объективно спорных проблемах».) Это была жесткая доктрина, не допускавшая иных точек зрения. Маркс не делал секрета из своего отношения к тем, кто с ним не соглашался: критика, написал он однажды, это «не анатомический нож, она —

оружие. Ее объект есть ее *враг*, которого она хочет не опровергнуть, а *уничтожить*». Поэтому можно утверждать, что марксизм оказался догмой под маской науки.

Приспособление марксизма к научной культуре было лишь одной из его привлекательных черт. Другая имела отношение к происходившим в то время изменениям социальных условий. До промышленной революции основу мировой экономики составляло сельское хозяйство. До той поры от 80 до 90 процентов европейцев и американцев жили на земле или за счет земли: богатые были обязаны своим богатством земле и извлекаемой из нее ренте. Торговля и производство существовали, конечно, с глубокой древности, но играли в экономике второстепенную роль. Земля была главным источником богатства, именно поэтому эгалитарные движения концентрировали свои усилия на отмене частной собственности на землю.

Появление крупного машинного производства изменило это положение. Деньги от промышленности и торговли постепенно заменили доход от ренты в качестве главного источника богатства. Это повлекло за собой появление новой формы бедности, поскольку по мере того, как механизация резко сокращала себестоимость продукции, традиционные формы мелкого ручного производства устаревали, оставляя без работы множество ремесленников.

Индустриализация привела не только к болезненным социальным сдвигам, она фундаментально и постоянно изменяла отношения между работодателями и наемными работниками. Землевладельцы и их арендаторы были соседями и в некотором смысле партнерами. Хотя арендаторы время от времени подвергались массовому изгнанию с земли, как это было

в Англии во время Законов об огораживании, в целом сельская жизнь оставалась стабильной, особенно в таких странах, как Соединенные Штаты Америки, где фермеры в подавляющей их части владели землей, которую обрабатывали.

В индустриальных обществах связи между собственником и наемным работником ослаблялись и становились неустойчивыми, потому что первый был волен выгнать рабочих, когда падал спрос. Различия в образе жизни становились все более вопиющими, нувориши похвалялись своими богатствами.

Такое развитие событий порождало растущую враждебность к «капитализму». Социализм, до той поры лишь идеал, находивший особый отклик среди интеллектуалов, начал приобретать в дополнение к своей теоретической базе еще и социальную основу среди определенных сегментов рабочего класса.

Собрание сочинений Маркса и Энгельса составляют десятки томов; один только *Капитал* занимает тысячу четыреста страниц плотного, насыщенного специальной терминологией текста. Мало кто сумел продраяться сквозь эти сложнейшие работы, и тем более трудно объяснить их громадную популярность. Все дело в том, что основные принципы доктрины «научного социализма» могут быть сведены к нескольким относительно простым положениям.

В своей речи на похоронах Маркса Энгельс изложил «закон человеческой истории», открытый, как он сказал, Марксом и состоящий в том, что

люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д; что, следовательно, производство непосредственных мате-

риальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор.

...Короче говоря, экономика представляет собой базис организованной жизни, все прочее — «надстройка».

Исходя из этой предпосылки, Маркс и Энгельс создали теорию общественного развития, центральный постулат которой гласит, что собственность на средства производства приводит к появлению социальных «классов». Изначально частной собственности на средства производства не было: землей люди владели сообща. Но с течением времени строй «первобытного коммунизма» уступил место классовой дифференциации, одна группа сумела монополизировать жизненные ресурсы и использовала свою экономическую мощь для эксплуатации и подавления остального населения с помощью политических и правовых институтов, защищавших ее классовые интересы. Эта группа с той же целью использовала также и культуру — религию, этику, литературу и искусства. Эти средства дали возможность правящему классу эксплуатировать остальное население.

Конечно, низшие классы не мирились с эксплуатацией; они сопротивлялись, но пока сохранялась частная собственность, им удавалось добиваться лишь замены одной формы эксплуатации другой. Поэтому, говоря словами *Коммунистического манифеста*, до сих пор история человеческого общества была историей борьбы классов.

Эти размышления о прошлом послужили лишь прологом к тому, что занимало Маркса более всего, — к анализу современного ему «капиталистического» мира. Он отдал много лет исследованию экономической истории Англии в поисках доказательств, что «капитализм» является последней стадией классового общества и что он должен пасть в результате революции, которую совершат эксплуатируемые промышленные рабочие. Это будет последняя революция, потому что она приведет к созданию бесклассового общества. И это будет конец истории.

Капиталистическая система основана на эксплуатации наемного труда в том смысле, что капиталист присваивает «прибавочную стоимость» производимого рабочим товара. Согласно Энгельсу, понятие «прибавочной стоимости» было вторым великим открытием Маркса, способствовавшим пониманию человеческого общества. Вся стоимость создается трудом. При капиталистической системе, однако, наематель платит рабочим лишь малую долю того, что они создают, — ровно столько, чтобы они могли выжить. Остальное, или «прибавку», он кладет себе в карман.

С развитием капиталистического производства норма прибыли, извлекаемой капиталистом, и заработная плата рабочих неуклонно снижаются. Это происходит потому, что в условиях жесткой конкуренции капиталист должен тратить большую долю своего капитала на оборудование, сырье и прочее, и меньшую — на оплату труда, являющегося источником его прибыли. Труд дешевеет, заработная плата снижается, и это приводит к падению уровня жизни. Притом в ходе кризисов, периодически возникающих вследствие

перепроизводства, крупные предприятия проглатывают мелкие, и промышленное богатство концентрируется все в меньшем количестве рук. Таким образом, капиталист и рабочий оказываются в одной лодке: первого губят кризисы и утрата имущества в пользу тех, кто еще богаче; второй становится жертвой постоянно растущей «пауперизации». С течением времени эта ситуация неизбежно приводит к революции:

Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют ¹.

Реформы капиталистической системы не в состоянии предотвратить такой исход: он неизбежен.

Конечным результатом социалистической революции будет полное освобождение человека. «Свобода» в понимании Маркса и Энгельса не имела ничего общего с либеральными представлениями о гражданских правах и их защите от государства: «Политическая свобода есть мнимая свобода, — писал Энгельс, — худший вид рабства; она лишь видимость

свободы и поэтому в действительности — рабство» ². Подобно Энгельсу, Маркс отвергал либеральные свободы и гражданские права как обман, поскольку они делают человека рабом материальных благ; подлинная свобода избавит человека от этой кабалы. Что они имели в виду, объяснил марксистский теоретик Дьёрдь Лукач:

«Свобода» ныне живущих людей это свобода индивидуумов, разобщенных фактом собственности, который и опредмечивает, и сам опредмечивается*. Это свобода *vis-à-vis* других (не менее разобщенных) индивидуумов. Свобода эгоиста, человека, отрезающего себя от других ³.

Поэтому уничтожение собственности служит необходимым условием подлинной свободы. Только после того, как человечество освободится от этой зависимости, оно достигнет полной самореализации. Разделение труда, это проклятие человечества, исчезнет, и люди будут свободно переходить от одного занятия к другому. Маркс мечтал:

В коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности... общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком ⁴.

*«Опредмечивать» — значит, придавать абстракции «вещный» смысл. В качестве примера Маркс, следуя за Фейербахом, ссылаясь на присущую людям склонность приписывать качества благости и желаемых совершенств некому (несуществующему, по мнению Маркса) их носителю, которого они называют Богом. Другим примером служит утверждение: «История рассудит» вместо «Историки скажут свое слово».

Теории, созданные Марксом и Энгельсом, составили программу Международного товарищества рабочих, широко известного как Первый Интернационал, который они основали в Лондоне в 1864 году для подготовки трудящихся к приближающемуся кризису капитализма. Организацию с самого начала раздирали споры между социалистами и анархистами. Хотя анархисты имели с социалистами общую цель — бесклассовое общество без государства — и одинаково считали средством ее достижения насильственную революцию, у них были три важных отличия от социалистов. Анархисты видели революционный потенциал не только в промышленном рабочем классе, но и в безземельном крестьянстве и в безработных. Во-вторых, между развалом капитализма и торжеством коммунизма социалисты предусматривали переходный период (иногда называемый «диктатурой пролетариата»), во время которого новый правящий класс использует силу государственного принуждения для изъятия у буржуазии ее капитала и национализации средств производства. Анархисты отвергали любую форму государства, предсказывая, что «пролетарская диктатура» превратится в новый инструмент угнетения, на сей раз управляемый интеллектуалами в их собственных интересах. Наконец, если марксисты полагались на естественный прогресс капиталистической экономики, который и приведет к революции, анархисты звали к «прямым действиям», иными словами — к немедленному штурму существующей системы.

Время доказало правоту анархистов по всем трем пунктам: социальные революции вспыхнули не в индустриально развитых странах, а в аграрных, а «диктату-

ра пролетариата» превратила коммунистическое государство в постоянную диктатуру нерабочих над людьми физического труда и крестьянами. Большевицкая революция 1917 года в России явилась результатом прямого штурма правительства в стране, где капитализм находился на ранней стадии развития.

Таким образом, практически все предсказания Маркса оказались ошибочными, что становилось все более очевидным еще при его жизни и стало неоспоримым фактом после его смерти.

Хотя капитализм действительно переживал периодические кризисы, но такого, который привел бы к крушению общества, не было никогда. Отчасти благодаря антитрестовскому законодательству, частично в силу развития техники, открывшего новые возможности для малого предпринимательства, частично благодаря неуклонному росту сектора услуг, опережавшему развитие обрабатывающей промышленности, концентрация производства и капитала не привела к вытеснению из экономики всех, кроме гигантских монополий. Создание акционерных компаний способствовало рассредоточению богатства.

Что касается трудящихся, то они не стали жертвами пауперизации. Еще когда Маркс трудился над *Капиталом*, появились данные о росте заработной платы в Англии — Маркс предпочел оставить их без внимания. Еще более важным было появление государственных программ социальной помощи. Промышленные демократии, встревоженные успехами организаций трудящихся и избранием их представителей в парламенты, провели социальные законы о страховании от безработицы и от заболеваний, а также о других льготах, что препятствовало погружению

рабочего класса в нищету. Первой страной, ставшей на этот путь, была Германия, где социал-демократическая партия была особенно сильна и могла, казалось, рассчитывать на большинство в парламенте. По мере того, как примеру Германии следовали другие европейские страны, у рабочих появилась заинтересованность в сохранении статус-кво и они оставались глухи к призывам социалистов к революции: их поведение противоречило утверждению *Коммунистического Манифеста*, будто «у пролетариата нет отечества». Трудящиеся перестали быть пролетариатом в изначальном смысле этого слова, то есть классом, обязанным лишь плодить детей (*пролов*) для государства. Соответственно они предпочитали профсоюзную деятельность, принимая капиталистический порядок и направляя свои усилия на получение для себя большей доли в капиталистической прибыли. Так они становились частью системы, которую, по мнению Маркса, должны были уничтожить.

По всем этим причинам ни в одной из развитых капиталистических стран взрыва не случилось: такие революции в течение столетия после смерти Маркса произошли, как и предсказывали анархисты, в странах так называемого третьего мира с их зачаточной капиталистической экономикой, массами безземельного или скудно наделенного землей крестьянства, с их тираническими режимами.

Изъяны марксистской доктрины не имели бы большого значения, останься она лишь чисто теоретическим построением. Но поскольку это была еще и программа действий, то едва ее предсказания оказались ложными — а это стало очевидно вскоре после смерти Маркса в 1883 году, — сначала социалисты, а

затем и коммунисты, даже заявляя о своей верности учению, принялись подвергать марксистскую теорию пересмотрам. В западных демократиях эти ревизии как правило смягчали марксистский революционный пыл и сдвигали социализм поближе к либерализму. Результатом явилась социальная демократия. В Восточной Европе и странах третьего мира, напротив, ревизии, как правило, выпячивали в марксизме элементы насилия. Так возник коммунизм. Марксизм в его чистом, неизменном виде в качестве политической платформы не был принят нигде, поскольку он расходился с действительностью.

Первый Интернационал распался в 1876 году, но возродился в 1889-м, после смерти Маркса. Получивший известность как Второй Интернационал, он объединил социалистические партии разных стран (без анархистов, которых он исключил), но главным его оплотом была Германская социал-демократическая партия. Революционный в своих лозунгах, эволюционный на практике, Второй Интернационал доминировал в политике социалистов до начала Первой мировой войны. Его официальная платформа, так называемая Эрфуртская программа, принятая в 1891 году, провозглашала, что интересы «буржуазного» государства и рабочего класса несовместимы, а поэтому рабочие ничем не обязаны своей стране: они лояльны лишь по отношению к своему классу. Программа подтвердила международное единство трудящихся и неотвратимость революции, которая сокрушит капитализм и буржуазию во всем мире.

Не все социалисты приняли эту радикальную доктрину. Во всех странах Европы раздавались голоса о

том, что, рассуждая реалистически, улучшить положение рабочего класса можно скорее политическими и экономическими реформами, чем насильственной революцией. Французский социалист Жан Жорес предсказывал:

Пролетариат придет к власти не посредством неожиданной вспышки политической агитации, а с помощью методической и легальной организации собственных сил в условиях демократии и всеобщего избирательного права. Наше общество будет постепенно двигаться к коммунизму не в результате краха капиталистической буржуазии, а путем постепенного и неуклонного усиления пролетариата.

Главным сторонником этого курса было Фабианское общество в Англии, среди членов которого были такие литературные светила, как Джордж Бернард Шоу и Герберт Уэллс. Программа общества требовала «убедить» страну освободиться от капитализма посредством национализации промышленности; как и домарксистские социалисты, фабианцы зывали к совести нации.

Наиболее дерзкую атаку на принципы и программу марксизма предпринял Эдуард Бернштейн, светило немецкой социал-демократии и основатель социалистического «реформизма». Бернштейн многие годы провел в Англии, где вступил в контакт с фабианцами. В конце 1890-х годов он призвал социал-демократов приспособить свою теорию, а также программу к тому факту, что капитализм вовсе не собирается рушиться, а трудящиеся вовсе не погружаются в нищету. Он по-прежнему верил в социализм, но, подобно Жоресу, ждал его как следствия мирного политического и экономического развития

в рамках капитализма. Он предвидел нечто вроде конвергенции капитализма и социализма, причем последний должен был вырасти из первого.

Германская социал-демократическая партия, крупнейшая и наиболее влиятельная в Европе, отвергла ревизионистские теории Бернштейна и продолжала держаться революционной Эрфуртской программы. Практически, однако, она делала именно то, что отстаивал Бернштейн, — все внимание уделяла профсоюзному движению и парламентским выборам. (От марксизма эта партия формально отказалась только в 1959 году.)

Так европейский социализм в пору своего расцвета, за четверть века до первой мировой войны фактически, если и не всегда теоретически, отступил от насильственной революции и встал на путь мирных реформ. Но он упорно держался веры в международную солидарность трудящихся. Второй Интернационал исходил из того, что рабочие всех стран — братья, и что их высший долг состоит в предотвращении войн, которые стремится развязать капитализм. Эта тема часто поднималась на дискуссиях во время конгрессов Интернационала. Выдвигались разные предложения, направленные на предотвращение войны, а также о действиях в том случае, если она все-таки вспыхнет. Принятая на Штутгартском конгрессе 1907 года резолюция (в составлении которой участвовали В. Ленин и Л. Мартов), призывала в случае войны «поднять массы и тем самым ускорить падение власти капиталистов» — иными словами, превратить войну между странами в гражданскую войну между классами. На очередном конгрессе, состоявшемся в 1910 году, делегаты единодушно

одобрили резолюцию, требовавшую от парламентариев-социалистов голосовать против военных кредитов.

Увы, социалисты и их Интернационал оказались бессильны предотвратить разразившуюся летом 1914 года общеевропейскую войну. Разговоры о всеобщей забастовке ни к чему не привели. Но что еще хуже, и немецкие социал-демократы, и французские социалисты вопреки своим торжественным клятвам проголосовали за военные кредиты, тем самым окончательно дискредитировав саму идею международной солидарности рабочих. Национальная лояльность оказалась выше классовой, и этот факт не прошел мимо честолюбивых демагогов типа Бенито Муссолини и Адольфа Гитлера, пришедших к власти после войны на платформах, сливших воедино социализм и национализм.

Неспособность Второго Интернационала выполнить свои антивоенные обещания предопределила его судьбу. Социалистические партии пережили войну, но во все большей степени они отождествлялись со своими странами.

Дело социалистического интернационализма переместилось из Западной Европы сначала в Россию, а затем и в другие, далекие от Запада, страны.

II

Ленинизм

Начиная с 1709 года, когда Петр Великий разбил шведов под Полтавой и положил конец их гегемонии в Балтийском регионе, Россия считалась и сама себя считала великой державой и как таковая требовала себе место в европейском обществе.

Это требование было оправдано, но лишь до некоторой степени. Санкт-Петербург, столица России, построенный по образцу Амстердама, действительно был западным городом, и русская элита, говорившая по-французски, чувствовала себя на Западе, как дома. Русская литература, музыка, искусство и наука, появившиеся в девятнадцатом и начале двадцатого века, находились на уровне европейской культуры и в некоторых отношениях шли даже впереди, и это усиливало общее впечатление.

Но высокая культура была достоянием лишь узкого слоя российского общества — знати, интеллигенции и высшей бюрократии. Целых три четверти населения империи составляли крестьяне, которые в подавляющем большинстве жили в своем собственном мире, никак не затронутом западной цивилизацией. У них не было общего языка с образованными людьми, на которых они смотрели как на иностранцев. Большинство крестьян России не были фермерами, обрабатывающими собственные земельные наделы; они были членами сельских общин, владевших землей сообща и периодически перераспределявших ее в соответствии с изменением размеров каждой крестьянской семьи. В представлении крестьян, земля была не товаром, а источником существования, и право на нее имели лишь те, кто ее обрабатывал.

Крестьян отличал консерватизм, преданность монархии и православной церкви. В одном, и только в одном, отношении они представляли собой горючий материал для революции, а именно: они страдали от нехватки земли. Русские крестьяне не были угнетенным сельским пролетариатом: в 1916 году им принадлежало 89,1 процента пахотной земли в европейской части России¹. Но их численность росла быстрее, чем количество, находившейся у них в пользовании земли: надел, кормивший в середине девятнадцатого века два рта, пятьдесят лет спустя должен был кормить три. Традиционные методы экстенсивного землепользования сочетались с трудными климатическими условиями и давали низкие урожаи. Крестьяне твердо верили, что царь, которого они считали законным хозяином всей земли, в один прекрасный день отберет ее у помещиков и

обладавших ею крестьян и распределит между общинами. Однако если он этого не сделает — а в начале 1900-х годов стали возникать подозрения, что не сделает, — они были готовы захватить ее силой. Другие факторы тоже препятствовали превращению России в страну Запада. Большую часть своей истории власть в ней выступала в крайней форме самодержавия, при которой царь обладал не только неограниченной законодательной, судебной и исполнительной властью, но в буквальном смысле слова владел страной и мог по своему усмотрению распоряжаться ее человеческими и материальными ресурсами — это был режим, который немецкий социолог Макс Вебер назвал «вотчинным». Управление обширной империей было поручено бюрократии, которая, наряду с армией и полицией, поддерживала порядок, никак не отчитываясь перед народом. До 1905 года, когда гражданские беспорядки вынудили царя одарить своих подданных конституцией и гражданскими правами, русских могли арестовывать и ссылать без суда просто за размышления об изменении существующего положения вещей.

Частная собственность на землю пришла в Россию — исключительно для дворянства — только в конце восемнадцатого века; до того времени вся земля принадлежала короне. В отличие от этого, на Западе основная часть земли со времен Средневековья находилась в частных руках. Правовые институты, обычно развивающиеся рука об руку с правами собственности, тоже появились с запозданием: первые своды законов появились в 1830-х годах, а первые действенные суды — в 1860-х. До того времени громадное

большинство русских, пребывавших в крепостной зависимости от государства или дворянства, не имело ни юридических прав, ни прав собственности. Первые представительные институты, ограничивавшие власть трона, возникли в 1906 году, на века позднее европейских парламентов. Гражданское законодательство отсутствовало. Историческое наследие означало, что большинство русских, а также завоеванные ими народы никак не могли полагаться на свое правительство. Они подчинялись, потому что у них не было иного выбора; их идеалом становилась анархия.

Сжимая страну прочной хваткой, цари, в стремлении сохранять за ней статус великой мировой державы, предпринимали шаги, неизбежно подрывавшие их власть. Распространяя знания и критическое мышление, российские университеты создавали прослойку граждан, для которых подавление свободы слова было непереносимым. Александр Герцен так выразил дилемму, стоявшую перед его поколением:

Нам дают солидное образование, в нас поселяют желания, стремления, страдания современного мира, а потом кричат: «Оставайтесь рабами, немymi и бездеятельными, иначе вам — смерть».

Эта противоречивая политика способствовала появлению интеллигенции, определяющим качеством которой стала оппозиция всему существующему социальному и политическому порядку и убежденность в том, что, действуя подобным образом, она говорит от имени бессловесного народа. Питательной средой для революционеров — от «проповедников» ненасильственных мер до крайних террористов — стали не заводы и фабрики России, а университеты.

Была у царей и еще одна политическая линия, подрывавшая их собственную власть, — они поощряли развитие капитализма. В ходе Крымской войны 1854–55 годов Россия на собственной территории потерпела поражение от западных промышленных демократий. Это унижение засвидетельствовало тот факт, что ни одна страна в современном мире не может претендовать на статус великой державы, если она не располагает развитой промышленностью и транспортом. Поражение побудило царей способствовать развитию того и другого с помощью внутреннего и иностранного капитала. Как следствие стали возникать центры принятия решений, независимые от правительства и его бюрократии.

В результате рост образования и индустриализация, потребные для удовлетворения глобальных амбиций России, подрывали власть царизма над страной.

Эти обстоятельства помогают понять, почему коммунистическая революция, которой, по Марксу, следовало произойти на промышленно развитом Западе, на самом деле случилась на аграрном Востоке. В России не было наличествовавших на Западе факторов сдерживания социальной революции: уважения закона и прав собственности, наряду с чувством верности государству, защищающему свободу и социальные институты. Русская радикальная интеллигенция, проникнутая утопическим идеализмом, с одной стороны, и крестьянство, устремленное к захвату частных земельных владений, с другой, создавали состояние постоянной напряженности, готовое разрешиться взрывом в любой момент, когда центральное правительство окажется в трудном положении.

Ни один из экономических императивов, выделенных Марксом и Энгельсом, не играл здесь никакой роли.

Условия, которые подвели Россию к революционному взрыву, определили и форму возникшего здесь коммунистического режима. Оказалось, что социализм, введенный в стране, не знавшей традиций, которые могли бы содействовать достижению намеченного Марксом идеала полнокровной человеческой жизни, очень быстро и совершенно спонтанно принял худшие черты похороненного царского режима. Социалистические лозунги, которые на Западе постоянно размывались и постепенно стали неотличимыми от либеральных, в России и других не западных странах были переосмыслены в привычных представлениях о неограниченной государственной власти над гражданами и их достоинством. Так родился советский тоталитаризм, взошедший из марксистских семян, посеянных на вотчинной почве царизма.

Революционное движение возникло в России в 1870-е годы под влиянием западных социалистических и анархических учений, нашедших себе последователей в основном в среде университетского студенчества. Молодые люди шли в деревню, рассчитывая на теплый прием со стороны крестьян, но их ждало разочарование. Оказалось, что крестьяне не столько испытывают неприязнь к своим более богатым соседям или «кулакам», сколько сами мечтают стать такими же. Они верили в царя, убежденные, что он передаст им землю в частное владение.

Разуверившись в возможностях движения, большая часть молодежи его покинула. Но маленькая группа, объединившаяся в партию «Народная воля», сосредоточила усилия на преодолении благоговей-

ного страха, с которым народ относился к царю, и с этой целью начала кампанию убийств высших правительственных чиновников. «Народная воля» подняла первую в истории волну политического террора. В марте 1881 года народовольцам удалось покушение на Александра II, монарха, двадцатью годами ранее освободившего русских крепостных. Убийство не достигло цели. Скорее оно имело обратное следствие: вместо того, чтобы поднять народ против режима, оно вызвало широкое общественное недовольство, дискредитировав на какое-то время революционные методы.

Социал-демократия пришла в Россию в 1890-е годы. Своей привлекательностью она была обязана тому факту, что в это десятилетие Россия переживала настолько стремительную индустриализацию, что стало вероятным появление в ней полноценной капиталистической экономики со всеми сопутствующими социальными последствиями, описанными в *Капитале* Маркса. Социал-демократические молодежные кружки, как грибы после дождя появившиеся в это время в российских университетах, отвергли терроризм как бесперспективную тактику, обусловленную ожиданием эволюции экономики. Со временем, верили члены этих кружков, Россия испытает все противоречия, свойственные капитализму, и разрешится революцией.

Российская социал-демократическая рабочая партия была основана на нелегальном съезде — быстро разогнанном полицией — в 1898 году. Ее манифест, написанный Петром Струве, гласил, что Россия добьется свободы усилиями не робкой буржуазии, а промышленного рабочего класса. Освобождение от

самодержавия, в свою очередь, проложит путь социализму. Эта посылка содержала намек на то, чему суждено было стать главным постулатом российской социал-демократии: мысль о двух стадиях революции; первая была призвана свергнуть царское самодержавие и создать в России демократический «буржуазный» режим, вторая — свергнуть этот режим и начать движение к социализму. Эта стратегия воспроизводила установки Маркса и Энгельса, призывавших к тактическому союзу с либералами против феодальных режимов.

Российская социал-демократическая рабочая партия формально организовалась в 1903 году на Лондонском съезде. Там же движение сразу раскололось на две фракции, одну во главе с Мартовым, получившую название «меньшевиков», и другую во главе с Лениным, окрестившую себя «большевиками». Несмотря на попытки примирения, эти фракции так никогда и не объединились из-за бескомпромиссной враждебности Ленина к любым социалистам, противившимся его руководству. Поскольку слово "коммунизм" стало в основном ассоциироваться с Лениным и его партией, необходимо здесь задержаться и пристальнее присмотреться к этому человеку, который в двадцатом веке оказал на политику, пожалуй, большее влияние, чем любой другой общественный деятель.

Владимир Ильич Ульянов-Ленин родился в 1870 году в Симбирске в семье консервативного и ревностно православного школьного инспектора, которому солидное положение в чиновничьей иерархии принесло звание потомственного дворянина. На закате

имперской России не было ничего необычного в том, что дети таких высокопоставленных чиновников, движимые, очевидно, из чувства вины за свои привилегии, становились радикалами. В 1887 году старший брат Ленина, Александр, был казнен за участие в заговоре с целью убийства царя Александра III. Сестры Ленина тоже не избежали неприятностей и побывали в тюрьме. Однако сам Ленин в школьные годы не проявлял интереса к политике: выделявшийся своими способностями ученик, он плавно переходил из класса в класс, отмечаемый золотыми медалями за успехи в учебе и примерное поведение.

Неприятности начались у него в 1887 году с поступлением в Казанский университет. Своим участием в незначительных студенческих волнениях, направленных против университетских порядков, он привлек к себе внимание полиции. Оpoznанный как брат казненного террориста, он был исключен из студентов и, несмотря на неоднократные просьбы матери, в университете восстановлен не был. Следующие три года Ленин провел в вынужденном безделье, постепенно озлобляясь по отношению к режиму, столь сурово его наказавшему за малосущественное нарушение университетских правил, чем навсегда поломал ему карьеру. Его озлобление обратилось не только против царского режима, но также и против «буржуазии», которая подвергла остракизму семью за преступление казненного брата. Это превратило его в фанатичного революционера, преисполнившегося решимости до основания разрушить существующий социальный и политический строй. Таким образом, источником революционной страсти Ленина было не сочувствие бедным. В самом деле, когда в 1891–92 годах

волжский регион был охвачен голодом, он, единственный из местных интеллигентов, высказывался против оказания гуманитарной помощи голодающим крестьянам на том основании, что голод играл прогрессивную роль, потому что разрушал старую крестьянскую экономику и мостил дорогу социализму. Не подогревался его революционный пыл и видением более справедливого будущего. Двигали им гнев и жажда мщения. Струве, сотрудничавший с ним в 1890-е годы, много лет спустя писал, что главной чертой Ленина как личности была ненависть. И этой предрасположенности молодого русского провинциала суждено было оказать огромное влияние на политическую жизнь двадцатого века, для которой главным импульсом стали неприязнь и вражда к чужим — будь то другим классам общества или другим национальным или этническим группам.

В 1891 году власти, наконец, смилостивились и разрешили Ленину экстерном сдать экзамены на адвокатское звание, что он и сделал, после чего перебрался в Санкт-Петербург. Здесь он занялся мелкой адвокатской практикой, служившей прикрытием революционной деятельности. Местные социал-демократы сочли новичка не столько марксистом, сколько последователем народолюбцев, сторонником террора, сгоравшим от нетерпения начать революцию, не дожидаясь созревания капитализма. Общение с теоретически более подкованными социалистами обратило его — по крайней мере, на время — к идее о двух этапах в развитии революции. Дисциплинированный, энергичный, целиком отдавшийся делу социализма, он быстро достиг видного положения в подпольном социал-демократическом движении.

Ленина арестовали в 1896 году за призывы рабочих к забастовке и сослали в Сибирь. Там он прожил три года в относительном комфорте в арендованном крестьянском доме с невестой, Надеждой Крупской, переписывался с друзьями, писал и занимался переводами. В годы его пребывания в ссылке (1897–1900) в Германии распространился ревизионизм и оттуда проник в Россию. Ревизионистская антиреволюционная программа повергла Ленина в ужас, в его глазах она была предательством учения, сделавшего его социалистом. Еще более его огорчал тот факт, что нарождавшееся рабочее движение в России, с которым он лично был едва знаком, более склонялось к мирной профсоюзной деятельности, чем к сокрушению капитализма. Такое развитие событий привело Ленина к глубокому внутреннему кризису. Он вышел из него убежденный, что если не сумеет повернуть социал-демократов на путь революции, ему придется порвать с движением и основать собственную партию.

Вернувшись из ссылки, Ленин тотчас отправился в Германию, где вместе с Мартовым основал газету «Искра» для пропаганды ортодоксального, антиревизионистского марксизма. Однако его собственное понимание марксизма было совсем не ортодоксальным. В 1902 году он выпустил книгу *Что делать?*, в которой сформулировал основную доктрину того течения, которому в будущем суждено было стать большевизмом. Он недвусмысленно отверг центральный тезис марксизма о том, что рабочий класс с течением времени поднимется на бунт: предоставленный самому себе, утверждал он, рабочий класс не выйдет за рамки тред-юнионизма. Революционный пыл должен быть привнесен извне, партией крепко сплоченных

профессиональных революционеров. Хотя Ленин прямо этого вывода не сделал, такими революционерами по необходимости могут быть только интеллектуалы, поскольку у рабочих нет ни времени, ни теоретической подготовки для выполнения этой задачи*. И в самом деле, в руководство ленинской партии за все время входил только один рабочий, и тот оказался полицейским шпионом.

В 1903 году Ленин прибыл на съезд социал-демократов полностью готовый к расколу партии и к разрыву со сторонниками склонного к примиренчеству большинства. Формальной причиной раскола явилось требование Ленина, чтобы членом партии мог быть лишь тот, кто не только поддерживает ее программу, но и всецело посвящает себя революционной деятельности. Партия, организованная по военному образцу, со строгой системой подчинения должна руководить рабочим движением, а не плестись у него в хвосте. Добившись временного большинства на съезде, Ленин присвоил своей фракции наименование «большевики», то есть представляющие большинство, а его оппоненты, руководимые Мартовым, должны были смириться с ярлыком «меньшевики».

Следующие десять лет в истории Российской социал-демократической рабочей партии заполнены интригами и вздорными пререканиями. Ленин называл своих меньшевистских соперников «ренегатами», «ликвидаторами» и прочими оскорбительными

* Бенито Муссолини, основавший в 1919 году фашистскую партию, но до первой мировой войны возглавлявший крайне радикальное крыло социал-демократии, придерживался в то время такой же точки зрения.

именами. Для создания партии профессиональных революционеров ему нужны были деньги, и он добывал их, прибегая к недостойным методам, в том числе к ограблениям банков и присвоению чужих наследств.

В предвоенные годы Ленин выдвинул две новых теории. Согласно одной, России не нужна «буржуазная» революция, поскольку страну уже сводят судороги капитализма, а посему она готова к социалистической революции. Вторая теория гласила, что в борьбе за изменение существующего порядка вещей социалисты могут вступать во временные союзы с любыми группами, которые, исходя из собственных интересов, противостоят этому порядку, особенно с крестьянством и национальными меньшинствами.

Для марксистов крестьянство было «мелкобуржуазным» классом и в таковом качестве являлось врагом индустриального рабочего класса. Однако Ленин отдавал себе отчет в том, что крестьяне мечтают обзавестись собственной землей, и был готов развязать революцию в деревне, уверенный, что, захватив власть, сумеет поставить крестьянство на место посредством национализации земли. Что касается национальных меньшинств, то он, как и другие социалисты, презирал национализм во всех его проявлениях. Но он считал, что националистические устремления поляков, финнов и других этнических групп будут способствовать свержению режима. Поэтому он обещал всем национальностям, находившимся под русским правлением, право на самоопределение, включая право на создание суверенного государства. На вопросы своих сторонников, почему он хочет «балканизировать» Россию, отвечал, что эконо-

мические узы, связывающие Российскую империю, столь сильны, что никакой сепаратизм невозможен, и что даже если одна или больше приграничных территорий в этом преуспеют, их всегда можно будет силой вернуть в общее лоно на том основании, что «пролетарское самоопределение» стоит выше «национального самоопределения».

Почти все время с 1900 по 1917 год Ленин провел за границей. В Германии, Австрии, Италии и Швейцарии он стремился расколоть Второй Интернационал, как до этого расколол Российскую социал-демократическую рабочую партию, но большого успеха не добился. Он поддерживал контакты со своими сторонниками в России и посвящал много времени писанию злобных статей против оппонентов. Кроме ближайших учеников — которых, когда они заблуждались, он стремился переубедить — всякого не согласного с его политикой он называл предателем рабочего класса.

За весь этот долгий период он посетил Россию только один раз во время революции 1905 года. Большевики воспользовались политическими свободами, предоставленными царизмом на волне революции, чтобы открыто создать свою организацию. Ни одна из социал-демократических фракций не пользовалась массовой поддержкой: в 1907 году общее количество членов в них поднялось до 84 000; со временем, когда революционная волна пошла на убыль, это число начало таять и в 1910 году оно остановилось на 10 000 в стране со 150-миллионным населением. Большевиков поддерживали главным образом великороссы, тогда как к меньшевикам тянулась более высокая доля национальных меньшинств (напри-

мер, евреев и грузин). И у тех, и у других рабочих было немного, подавляющее большинство составляли интелликуалы.

Затем пришла Великая война. Российские социал-демократы, как большевики, так и меньшевики, были единственными социалистами, за исключением сербов, кто голосовал против военных кредитов. Большевистские депутаты парламента за свою оппозицию были арестованы и отправлены в ссылку. Их партийная организация была практически уничтожена.

Когда разразилась война, Ленин сразу же занял бескомпромиссную позицию: война между странами должна быть превращена в войну между классами. Вместо того, чтобы стрелять друг в друга, рабочие должны повернуть оружие против своих эксплуататоров. Эта позиция нашла себе ряд сторонников среди членов Второго Интернационала, они собрались в нейтральной Швейцарии. У русских было сильное представительство на состоявшихся там встречах, на которых Ленин взял в свои руки руководство левыми радикалами. Предложенные им резолюции не были приняты, но, тем не менее, он оказал сильнейшее влияние на ход дебатов, заложивших основы того, что стало в 1919 году Третьим или Коммунистическим Интернационалом.

В первую мировую войну Россия вступила как союзница Франции и Англии. Она заключила этот союз из опасения, что Германия и Австрия в ходе экспансии на юг и восток захватят ее территории и сведут ее к положению второразрядной державы. Франция вступила в партнерство с Россией из страха перед мощным наступлением немцев, которое она была в

состоянии выдержать, только если Германии пришлось бы вести войну на два фронта. Русско-французское соглашение обязывало Россию начать наступление против немцев и быстро продвигаться к Берлину после ожидаемого вторжения Германии во Францию.

Как оказалось, все предвоенные планы воюющих стран пошли вкривь и вкось. Немецкий план Шлиффена, предусматривавший быструю и решительную победу на западном фронте с последующей переброской сил на восток для уничтожения русских, провалился: кампания на западе вылилась в окопную войну, которой не было видно конца. Русские смело наступали в Восточной Пруссии, но попали в западню и потерпели поражение.

В конце 1914 года германское верховное командование пришло к заключению, что единственный шанс на победу в войне состоит в том, чтобы добить Россию и затем сосредоточить все силы Германии на западном фронте. Весной следующего года объединенные силы Германии и Австрии вторглись в принадлежавшую России Польшу и отогнали царские армии на сотни километров к востоку. Хотя основная часть российских вооруженных сил уцелела, а Россия номинально не вышла из войны, она потеряла ряд своих богатейших и густонаселенных регионов.

Эти поражения вызвали большое недовольство в России, как в либеральных, так и в консервативных кругах. Думские либералы потребовали, чтобы правительство уступило Думе право назначения министров. Консерваторы хотели, чтобы царь Николай II отрекся от престола в пользу более дееспособного члена монаршей семьи. В войсках и среди разных слоев насе-

ления бродили слухи о предательстве в высших сферах: императрицу, немку по происхождению, заподозрили в передаче военных секретов врагу. Трудности правительства усугубляла серьезная инфляция в городах, а расстройство железнодорожного сообщения привело к нехватке хлеба и топлива, особенно в Петрограде (так стал называться Санкт-Петербург после начала войны). Сочетание плохих новостей с фронта с политическим недовольством и экономическими неурядицами в городах (деревня оставалась спокойной, выиграв от повышения цен на продовольствие) создала к октябрю 1916 года революционную ситуацию.

Можно сказать, что русская революция 1917 года началась в ноябре предыдущего года, когда правительство оказалось под жестоким нажимом со стороны либеральных и консервативных депутатов Думы за бездарное ведение войны. Лидер либералов Павел Милюков напрямую обвинил правительство в измене. Эти атаки со стороны высших политических кругов сделали страну неуправляемой; зрело убеждение, что наступило время решительных перемен. Царь, фаталист по природе, не сделал ничего для упорочения своей власти.

Искрой, вызвавшей революцию, явилось брожение петроградского гарнизона в марте 1917 года. Он состоял из призывников старшего возраста, которые считали, что их должны были освободить от воинской службы; получив приказ стрелять в безоружную толпу возмущенных людей, они взбунтовались. Генералы, опасаясь, что мятеж перекинется на фронтовые части, убедили Николая отречься от престола, чтобы спасти Россию от поражения. Горячий патриот, он последовал совету и 15 марта отрекся.

Вслед за отречением царя власть перешла к комитету думских депутатов, нарекшим себя Временным правительством. Одновременно с этим социалистические интеллектуалы созвали в Петрограде Совет рабочих и солдатских депутатов. Совет был призван наблюдать за «буржуазным» Временным правительством, не позволяя ему проводить реакционную политику. В течение следующих семи месяцев Россия управлялась — если вообще как-то управлялась — режимом двоевластия, при котором советы подрывали власть правительства, не беря на себя ответственности за последствия. Социалисты-интеллектуалы, заправлявшие советами, подрывали армию, урезая власть офицеров, в которых видели потенциальную контрреволюционную силу. И в то же время требовали вести войну до победного конца.

Временное правительство обещало безотлагательно созвать Учредительное собрание, чтобы дать стране новые республиканские органы власти, но, занятое более настоятельными задачами, постоянно откладывало выборы в это собрание. Оно также медлило с земельной реформой. Крестьяне, теряя терпение, нападали на частные поместья, а солдаты покидали фронт, торопясь домой, чтобы не упустить свою долю во время ожидавшегося перераспределения земли. Национальные меньшинства начали требовать самоуправления и в ряде случаев полного суверенитета. И притом Временное правительство не переставало требовать продолжения войны, становившейся все более непопулярной. Страна, единство которой веками обеспечивала государственная власть, а не общественная сплоченность, сползала в анархию.

В этом был шанс Ленина. В начале 1917 года он жил в Швейцарии. Получив известия о мартовской революции, он телеграфировал своим подручным в России, наказав не доверять Временному правительству, избегать союзов с другими социалистическими партиями и вооружать рабочих. Он сгорал от нетерпения вернуться домой и взять дело революции в свои руки.

Немцы и австрийцы, завязшие на западном фронте в казавшейся нескончаемой войне на истощение, пристально следили за русскими эмигрантами и Лениным в том числе, которые выступали против войны. Ленин связался с немецким посольством в Швейцарии и запросил помощь в организации возвращения на родину. Берлин не только предоставил ему и другим эмигрантам-социалистам свободный проезд через Германию, но и снабдил деньгами на возрождение партии. Ленин, которого никогда не заботило, откуда берутся деньги, коль скоро они служат его целям, принял предложение. Через посредников и с великими предосторожностями он в течение следующих полутора лет находился на содержании у немцев.

Сразу же по прибытии в Петроград Ленин начал бескомпромиссную атаку на правительство, требуя его свержения: нельзя было позволить, чтобы оно установило в России «буржуазный» строй, как того хотели меньшевики и большинство сторонников самого Ленина. В июле 1917 года большевики осуществили недостаточно решительную попытку государственного переворота, которую правительство подавило, обнародовав ряд данных разведки о связях Ленина с немцами. Были выписаны ордера на арест Ленина и других большевистских руководителей, в

том числе Троцкого, который незадолго перед этим примкнул к ленинской партии. Троцкий оказался за решеткой, но Ленин скрылся в Финляндии и оставался там в укрытии до кануна переворота, осуществленного его партией в ноябре.

Сторонников у Ленина было немного, но они отличались сплоченностью и строго выполняли указания Центрального Комитета. Ни одна партия не имела подобной организации: социалисты-революционеры, гораздо более популярные среди населения, имели слабую структуру, не дававшую им возможности мобилизовать своих сторонников. То же справедливо и в отношении меньшевиков и либеральных конституционных демократов. Более того, ни один заметный политик, кроме Ленина, не стремился к власти и не был готов принять на себя ответственность за руководство неуправляемой, по всем признакам, страной. Ленин, который всю свою сознательную жизнь готовился к этому моменту, пристально следил за развитием событий, выбирая подходящее время для удара.

Это время пришло в конце лета, когда Александр Керенский, номинальный, но неэффективный диктатор, рассорился с генералом Лавром Корниловым, главнокомандующим российской армии, безосновательно обвинив его в подготовке военного путча. Своими безответственными действиями Керенский лишился поддержки армии, которая была ему необходима на случай попытки захвата власти большевиками. Одновременно он потакал большевикам, выпустив их из заключения и снабдив оружием для отражения предполагаемого корниловского путча. На выборах в Советы в следующем месяце большевики добились

внушительных результатов, послуживших Ленину сигналом, что настал момент для нанесения нового, решающего удара. Резолюция о захвате власти была принята на тайной встрече большевистских лидеров в ночь с 23 на 24 октября 1917 года. Ленину пришлось преодолевать нерешительность своих соратников, опасавшихся повторения июльского фиаско.

Переворот состоялся 7 ноября, когда пробольшевистские части без единого выстрела заняли все стратегические пункты в столице. Некоторые стычки имели место в Москве, но в остальных районах страны смена власти прошла довольно гладко. Ленин позже говорил, что взять власть в России оказалось не труднее, чем «поднять перышко». Причина была в том, что захват власти им самим и его партией он очень искусно замаскировал как переход «всей власти советам», этот лозунг сулил народную демократию, а не диктатуру. Даже социалистические соперники Ленина, с подозрением относившиеся к его действиям, не были особо встревожены, убежденные в том, что однопартийная большевистская диктатура не продлится долго и скоро уступит место коалиции социалистических партий. Они предпочли позволить Ленину какое-то время пользоваться властью, лишь бы не развязывать гражданскую войну, которая была бы на руку только «контрреволюции».

Вышло так, что большевики оставались у власти семьдесят четыре года. Таким образом, коммунизм пришел в Россию не в результате народного восстания: он был ей навязан сверху крошечным меньшинством, прятаясь за демократическими лозунгами. Этот бьющий в глаза факт наложил свой отпечаток на всю историю коммунизма в России.

Рассматривая захват власти большевиками в свете всех исторических обстоятельств, поражаешься его дерзости. Ни один из ведущих большевиков не имел административного опыта в той или иной области, но они были готовы взять на себя ответственность за управление крупнейшей страной мира. Не имея также делового опыта, они не остановились перед быстрой национализацией пятой по масштабам экономики мира и, следовательно, принятием на себя ответственности за руководство ею. Они видели в подавляющем большинстве граждан России — в буржуазии и землевладельцах из принципа, в большинстве крестьянства и интеллигенции исходя из реального положения дел — классовых врагов промышленных рабочих, выразителями интересов которых они себя называли. Эти рабочие составляли малую часть населения России — в лучшем случае 1–2 процента — и из этого меньшинства лишь крохотная горстка шла за большевиками: в канун ноябрьского переворота только 5,3 процента промышленных рабочих были членами большевистской партии². Это означало, что новый режим не имел альтернативы диктатуре — диктатуре не пролетариата, а над пролетариатом и всеми прочими классами. Эта диктатура, с течением времени вылившаяся в тоталитарный режим, была, таким образом, обусловлена самой природой большевистского переворота. Коль скоро коммунисты хотели остаться у власти, они должны были управлять жестокими деспотическими методами, они никогда не могли себе позволить расслабиться. И это положение распространилось на все последующие коммунистические режимы.

Ленин это понимал, но не испытывал ни малейших угрызений совести за навязывание стране безжалостного деспотизма. Он трактовал «диктатуру» любого рода, в том числе и «пролетарскую», как «ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно насилие опирающуюся власть»³. Он готов был прибегнуть к неограниченному террору для уничтожения своих противников и устрашения остального населения. Отчасти он поступал так из равнодушия к человеческим жизням, отчасти потому, что изучение истории убедило его, что все прошлые социальные революции провалились, остановившись на полпути и позволив классовым врагам выжить и перегруппировать свои силы. Насилие — всеобщее и беспощадное (один из его любимых эпитетов) — должно было расчистить почву для нового порядка. Но он верил также, что насилие не будет продолжаться долго: он однажды по этому поводу процитировал Макиавелли — «Если необходимо прибегнуть к некоторым жестокостям для достижения определенной политической цели, делать это нужно самым решительным образом и с максимальной стремительностью, потому что массы не потерпят длительного применения жестокости». Вопреки его ожиданиям, эти жестокости стали постоянной чертой созданного им режима.

Решительность и энергия Ленина резко контрастировали с беспомощностью свергнутого Временного правительства. Он назначил столь долго откладывавшиеся выборы в Учредительное собрание. Его партия получила 24 процента голосов, тогда как соперники социалисты-революционеры — в два с лишним раза больше. Это его нисколько не смутило: за-

явив, что рабочие и солдаты в большинстве своем проголосовали за его партию, он позволил Собранию позаседать один день и распустил его. В состав созданного им правительства, получившего название Совета народных комиссаров, после кратковременного сотрудничества с левыми эсерами, входили исключительно большевики. В сущности, это было учреждение-ширма, выполнявшее приказы большевистской партии. Он отменил все судебные процедуры, передав правосудие в руки революционных трибуналов, возглавляемых неподготовленными, но «классово сознательными» непрофессионалами, а также вновь созданной тайной полицией, получившей название ЧК. Террор начался почти с первого дня, как Ленин захватил власть.

Сознавая, что создание прочной политической базы и осуществление революционной программы требует времени, Ленин в марте 1918 года заставил своих помощников подписать в Брест-Литовске крайне непопулярный мирный договор с немцами, австрийцами, турками и болгарами, уступив обширные территории.

И в качестве пролога к мировой революции, своей конечной цели, он развязал гражданскую войну. В дальнейшем за гражданскую войну, раздиравшую Россию в течение трех лет и унесшую миллионы жизней, большевики возлагали вину на российских реакционеров и их зарубежных сторонников. Но, как мы говорили, перерастание войны из конфликта между странами в войну между классами было одним из главных положений большевистской платформы задолго до 1917 года. Троцкий признавал это, когда писал: «Советская власть — это организованная гражд-

данская война». Поистине можно сказать, что большевики захватили власть в России, чтобы развязать гражданскую войну.

Сначала, чтобы обеспечить поддержку или, по крайней мере, нейтралитет рабочих и крестьян, Ленин взял на вооружение анархистские лозунги. Он поощрял крестьян к захвату и разделу между собой частных земельных владений — не только земли, принадлежавшей государству и помещикам, но и таким же крестьянам, как они сами. Декрет, обнародованный в день переворота, национализировал всю землю, но на время оставил в неприкосновенности участки, возделываемые крестьянами. Он поощрял рабочих к захвату фабрик, это была синдикалистская политика, не имевшая ничего общего с марксизмом. Но то были временные меры, от которых он намеревался отказаться, как только утвердится его власть. Потому что его конечная цель заключалась в национализации всех человеческих и материальных ресурсов страны с расчетом на подчинение экономики единому плану.

На истории советской России между 1917 и 1920 годами мы не станем задерживаться. Достаточно сказать, что коммунисты — так стали называться большевики с 1918 года — победили в гражданской войне, отчасти благодаря тому, что контролировали густонаселенный центр страны, где были сосредоточены основные индустриальные (и военные) ресурсы, отчасти же потому, что западные державы оказали их противникам, «белым», недостаточную поддержку. Во время гражданской войны и вскоре после ее завершения ленинский режим вернул большинство приграничных регионов — Украину, Кавказ и Сред-

нию Азию — успевших к этому времени отделиться от России. Их слили с советской Россией, что привело к конституционно закрепленному в 1924 году образованию Союза Советских Социалистических Республик. Фактически, если и не формально-теоретически, все территории новой империи управлялись Российской коммунистической партией из ее штаб-квартиры в Москве. Ее отделения были представлены во всех сферах организованной жизни, выполняя роль «капилляров режима», если воспользоваться термином, который придумал Муссолини, скопировавший свой фашистский режим с ленинского. Ни одна организация, даже самая незначительная, не могла избежать контроля со стороны коммунистической партии. Так появилось первое в истории однопартийное государство.

Сумев удержать власть, большевики потерпели неудачу почти во всех прочих своих начинаниях. Оказалась, что жизнь сильно отличается от теории. Но они не признавали своей неправоты: если дела шли не так, как им хотелось, они обычно не шли на компромисс, но ужесточали насилие. Признание ошибок грозило потрясением всех теоретических основ режима, поскольку считалось, что они научно выверены во всех своих составных частях.

Прежде всего в том, что касалось государства.

Среди многих разочарований Ленина следует назвать возникновение громадного, своекорыстного и неуправляемого бюрократического аппарата. Согласно марксистскому учению, государство это всего лишь слуга класса, владеющего средствами производства, у него нет собственных интересов. Эта вера

демонстрирует поразительное невежество в политической истории, поскольку она полна многочисленных свидетельств, что, начиная с египетских фараонов, государственные чиновники заботились, прежде всего, о себе и образовывали внушительную группу влияния, в ряде случаев более могущественную, чем класс собственников. Ленин приходил в ужас от стремительного роста советской бюрократии, потребность в которой была обусловлена его собственной политикой. Поскольку по мере того, как коммунистическая партия через государство прибирала к рукам всю организованную жизнь страны, национализируя крупную и мелкую промышленность, оптовую и розничную торговлю, транспорт и услуги, образовательные и прочие институты, чиновничество, приходившее на смену частным владельцам и их менеджерам, росло в геометрической прогрессии. Достаточно сказать, что организация, руководившая промышленностью страны, Высший совет народного хозяйства, имел в 1921 году четверть миллиона служащих, и это в то время, когда промышленное производство упало ниже одной пятой уровня 1913 года. К 1928 году партийная и государственная бюрократия насчитывала уже 4 миллиона.

Значительное большинство тех, кто влился в ряды советского чиновничества — многие из них служили при старом режиме, — сделало это потому, что государственная служба обеспечивала им минимум безопасности и средств к существованию. Уже вскоре они образовали касту, ставящую свои коллективные интересы выше не только населения в целом, но и самого дела коммунизма, которому они номинально служили.

Первым потенциальную силу советской бюрократии как орудия укрепления своего личного положения в партии понял Иосиф Сталин. Полуобразованный грузин, в юности исключенный из духовной семинарии и присоединившийся к большевикам, он завоевал доверие Ленина как личной преданностью, так и выдающимся организаторским талантом. В отличие от Троцкого и других коммунистических лидеров, таких как Лев Каменев и Григорий Зиновьев, Сталин никогда не ставил под вопрос мнение Ленина; пока они писали брошюры и произносили речи, он тихо присматривал за растущей армией функционеров. Ленин продвигал его на более высокие должности, чем других своих интеллектуальных помощников, и в 1922 году сделал генеральным секретарем партии, что дало Сталину возможность контролировать партийные кадры.

С самого начала Сталин использовал свой пост для продвижения тех, кто был лично ему предан и на кого он мог положиться в борьбе за руководство партией, которая вскоре должна была разгореться из-за ухудшающегося здоровья Ленина. Именно он создал институт *номенклатуры*: картотеки коммунистических функционеров, годных на важные должности в исполнительной власти и получающих такие привилегии, как доступ в специальные продовольственные магазины, больницы, на курорты и даже к портным. Политика создания привилегированной элиты поддерживала коммунистический режим в течение следующих семидесяти лет, повязывая класс управленцев жизненной заинтересованностью в сохранении режима. Но одновременно с этим такая политика превращала коммунистический идеал социального равенства в пустой звук.

Не менее болезненными оказались и разочарования большевиков, связанные с управлением экономикой. Социалистическая литература уверила их в том, что капитализм, подгоняемый жадной наживы, гораздо менее эффективен, чем экономика, монополизированная государством. Чем крупнее предприятие, полагали они, тем лучше оно действует. И еще они верили, что экономикой можно управлять без помощи денег.

Все эти предположения оказались неверными. Попытки навязать национальной экономике центральный план оказались бесплодными. Управление фабриками сначала рабочими, затем коммунистическими чиновниками, их заменившими, резко снизило производительность. Попытки с помощью ЧК ликвидировать частную торговлю тоже не привели к цели, так как производители и посредники находили способы обходить запреты; свободный рынок, который коммунисты считали квинтэссенцией капитализма и были полны решимости ликвидировать, не исчезал, а уходил в подполье. Очень скоро теневая экономика превзошла официальную советскую экономику. Гиперинфляция, намеренно запущенная путем наводнения страны банкнотами, к 1923 году уничтожила сбережения, и цены в Советском Союзе подскочили в 100 миллионов раз по сравнению с 1917 годом. Но отмена денег сделала невозможным нормальный бюджет и расчеты между советскими предприятиями.

Чистым итогом такого любительского управления, усугубленного гражданской войной, явилось катастрофическое падение всех производственных показателей. Валовое производство крупной промышленности в 1920 году составило 18 процентов от уровня 1913-го;

добыча угля упала до 27 процентов, железа — до 2,4 процента. Число занятых в промышленности рабочих в 1921 году уменьшилось вдвое; их жизненный уровень опустился до одной трети довоенного⁴. Один коммунистический специалист охарактеризовал то, что произошло с советской экономикой между 1917 и 1920 годами, как бедствие, которому «не было равных в истории человечества»⁵.

В условиях подобного провала инстинкт подсказал Ленину необходимость прибегнуть к помощи расстрельных команд. Исаак Штейнберг, левый социалист-революционер, служивший некоторое время коммунистическим комиссаром юстиции, описывает заседание Совета народных комиссаров в феврале 1918 года. Ленин предложил проект декрета «Социалистическое отечество в опасности!», в котором был пункт, требующий расстрела «на месте», то есть без суда, широкой категории преступников, неопределенно названных «вражескими агентами, ворами, хулиганами, контрреволюционными агитаторами [и] германскими шпионами». Штейнберг выступил против декрета на том основании, что в нем содержалась «жестокая угроза... с далеко идущими террористическими последствиями. Ленин отверг мои возражения во имя революционной справедливости. В отчаянии я воскликнул: “Зачем мы тогда возмемся с комиссариатом юстиции? Давайте откровенно назовем его *Комиссариатом социального истребления* и дело с концом!”. Лицо Ленина вдруг просветлело, и он ответил: “Хорошо сказано... именно так и должно быть... но говорить так мы не можем”»⁶.

Наиболее трагическим аспектом экономической разрухи был спад производства продуктов питания.

Как говорилось выше, коммунисты, подобно другим марксистам, видели в крестьянстве класс мелкой буржуазии, а потому заклятого врага промышленных рабочих — и это несмотря на тот факт, что в России большинство промышленных рабочих пришли из деревни и поддерживали с ней тесную связь. Коммунисты объявили войну сельскому населению с двоякой целью: изъять продовольствие для городов и Красной армии и распространить свою власть на деревню, которую большевистский переворот в основном не затронул.

Летом 1918 года Москва развернула кампанию по изъятию из деревни хлеба, который крестьяне не хотели продавать правительству по необоснованно низким твердым ценам. В деревнях создавались «Комитеты бедноты», своего рода сельская пятая колонна, от которой ожидалось, что в обмен на долю изъятого хлеба она будет сотрудничать с правительством в действиях против зажиточных крестьян (кулаков), заподозренных в утаивании зерна. Одновременно с этим Москва направила в деревню отряды вооруженных городских громил для реквизиции «излишков». Результатом явились постоянные стычки между крестьянами, многие из которых были демобилизованными солдатами, и продовольственными отрядами. Значительная часть страны погрузилась в гражданскую войну, более ожесточенную, чем война Красной армии с белыми. Ленин, называвший кулаком любого крестьянина, сопротивлявшегося советской власти, неистовствовал и призывал к широкомасштабным погромам. Ниже следуют два примера его распоряжений, оба относятся к августу 1918 года, первое взято из его речи перед рабочими, второе — из сек-

ретного приказа, направленного коммунистическим функционерам Пензенской губернии:

Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передушить, перерезать сотни тысяч рабочих.... Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстание кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся... Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры... Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны... Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалют бедных крестьян.

Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!⁷.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь везде «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать.

- 1) Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.
- 2) Опубликовать их имена.
- 3) Отнять у них весь хлеб.
- 4) Назначить заложников — согласно вчерашней телеграмме.

Сделать так, чтобы на сотни верст народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц и кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение.

Ваш Ленин.

P.S. Найдите людей потверже⁸.

Ответом на подобный террор против крестьян, как богатых, так и бедных, было сокращение посевов, чтобы уменьшить образование «излишков», подде-

жащих конфискации. В то же время нехватка тягловых лошадей, мобилизованных на гражданскую войну, снизила урожаи. Сбор продовольственного зерна упал с 78,2 миллиона тонн в 1913 году до 48,2 миллиона в 1920-м.

В начале 1921 года все проблемы, которые правительство Ленина взвалило на себя, пытаясь навязать коммунизм, по его собственному определению — в преимущественно контрреволюционной стране, резко обострились. В январе Кронштадт, военно-морская база неподалеку от Петрограда, некогда бастион большевизма, взбунтовался и обратился к стране с призывом покончить с коммунистической тиранией. Одновременно с этим в Петрограде начались многочисленные забастовки протеста в связи с нехваткой продовольствия. Крупное крестьянское восстание полыхало в Тамбовской губернии.

Ленин без колебаний самыми жестокими военными мерами подавил эти акты неповиновения, прибегнув даже к отравляющим газам. Но ему пришлось с неохотой признать, что одних силовых мер недостаточно. В начале 1921 года он объявил о введении Новой экономической политики (НЭП), главным пунктом которой была отмена насильственного изъятия продовольствия: крестьяне с этого момента должны были уплачивать налог натурой и получали право продавать излишки на открытом рынке. Правительство разрешило также ограниченную торговлю и частное производство потребительских товаров. Но оно сохранило за собой контроль над тем, что называло «командными высотами» экономики, а именно над тяжелой промышленностью, внешней торговлей, банками, средствами связи и транспортом.

Эти уступки пришли слишком поздно, и им не удалось предотвратить ужасающий голод, худший из всех, который когда-либо до этого знала европейская страна. Вызванный засухой, он унес 5,2 миллиона человеческих жизней и имел бы еще более опустошительные последствия, если бы не помощь АРА, американской организации, которую возглавлял будущий президент США Герберт Гувер; ей удалось накормить 25 миллионов человек.

Восстановление при НЭПе шло удивительно быстрыми темпами. К 1928 году производство зерна в России достигло наивысшего после 1913 года уровня.

Многие как внутри России, так и за ее пределами, полагали, что НЭП знаменует собой отказ от коммунизма. Начались разговоры о «русском термидоре», намеки на события 1794 года во Франции, которые привели к падению и казни якобинских лидеров. Но аналогия хромала: во-первых, русские якобинцы прочно удерживали власть; во-вторых, они рассматривали сделанные ими уступки как временную передышку. Так оно и произошло.

Большевики захватили власть в России только потому, что им подвернулся такой шанс. Они не собирались замыкаться в границах страны, будучи уверенными, что их революция погибнет под ударами объединенных сил мирового капитализма, если не распространится на индустриальные страны Запада. Ленин говорил вполне откровенно: «Мы все время знали, что в одной стране нельзя совершить такое дело, как социалистическая революция»⁹. В речи, произнесенной в 1920 году, он недвусмыслен-

но охарактеризовал международный аспект российской революции:

(в ноябре 1917 года) мы знали, что наша победа будет прочной только тогда, когда наше дело победит весь мир¹⁰.

Так случилось, что коммунистическое государство, которое внутри собственных границ отличалось исключительной консервативностью и не терпело никакой инициативы снизу, за рубежом — и только за рубежом — действовало радикальным образом, возбуждая те самые массы, которым дома оно заткнуло рот.

Попытки распространить коммунизм за границу всерьез начались в конце первой мировой войны в побежденных странах Центральной Европы. В январе 1919 года Москва организовала восстание в Германии, которое было быстро подавлено. Несколько больших успехов коммунисты добились в Венгрии, где их правительству удалось удерживаться у власти половину 1919 года только потому, что советская Россия обещала защитить Венгрию от румынской армии. Когда Москва не выполнила своего обещания, послушный ей марионеточный режим рухнул. Подобные попытки предпринимались и в других местах, например, в Вене, где они выдохлись, едва начавшись.

Величайшее разочарование, связанное с распространением коммунизма за рубежом, Ленин пережил летом 1920 года. В апреле этого года Польша, желая предотвратить возрождение сильной империалистической России, объединилась с украинскими националистами и вторглась в советскую Украину с целью

отторгнуть ее от России. Ожидавшегося восстания на Украине вторжение не вызвало, и польским армиям вскоре пришлось трубить отступление.

Когда Красная армия приблизилась к границам этнической Польши, политбюро должно было решить: остановиться или продолжать наступление на запад. Мнения разделились, но Ленин настоял на наступательных действиях и, как всегда, добился своего. Он был уверен, что Германия и Англия созрели для революции, и вторжение коммунистических вооруженных сил спровоцирует ее начало. Летом 1920 года Красная армия, сопровождаемая советскими комиссарами польского происхождения, вступила в Польшу. Она обратилась с призывом к польским рабочим и крестьянам захватывать собственность буржуазии и помещиков — эти лозунги доказали свою эффективность в России. Но поляки всех классов поднялись на защиту только что обретенной независимости Польши. В сражении под Варшавой, одном из решающих в современной истории, они разгромили и отбросили армию коммунистов.

Ленин не мог скрыть горечи в связи с таким исходом. «В Красной армии поляки видели врага, а не братьев и освободителей», — сожалел он.

В своих чувствах, мыслях и действиях они показали себя не социалистами, революционерами, а националистами, империалистами. Революция в Польше, на которую мы рассчитывали, не произошла. Рабочие и крестьяне... защищали своего классового врага, они заставляли наших храбрых красноармейцев голодать, устраивали на них засады, избивали до смерти¹¹.

Среди выводов, которые он сделал из этого опыта, было: никогда больше Красная армия не должна

использоваться за рубежом как инструмент революции. Вместо этого надо оказывать местным коммунистам финансовую и иную помощь.

Другой, еще более важный урок, извлеченный Лениным из польской катастрофы, заключался в том, что лучший способ распространения революции за пределы России — спровоцировать новую мировую войну. В этой войне советская Россия будет держать нейтралитет и вступит в нее лишь тогда, когда воюющие стороны измотают друг друга. С этой целью в 1921 году Москва вступила в тайное военное сотрудничество с Германией.

III

Сталин и после него

Здоровье Ленина пошатнулось в мае 1922 года, когда он перенес первый удар. Хотя его лечила группа специалистов из Германии, лучше ему не становилось и ему пришлось постепенно отказываться от своих политических обязанностей. В последние дни его преследовало ощущение провала: он гневался на своих соратников и, более того, на русский народ тоже, что они не показали себя достойными великой миссии, предначертанной им историей.

В таком настроении он искал врагов, спутавших его замыслы. Одного из них он нашел в интеллигенции, которая решительно отвергала его диктатуру, хотя и не прибегала к активным подрывным действиям. В июле 1922 года он поручил Сталину «решительно “искоренить” всех энесов... Всех их — вон из России... Арестовать несколько сотен и без объявления

мотивов — выезжайте, господа!». Действуя по его указаниям, полиция задержала сотни экономистов, философов и других ученых, принадлежавших к партиям меньшевиков и эсеров и либеральным партиям, погрузила их на пароходы и отправила в принудительное изгнание в Западную Европу.

Затем пришел черед православной церкви. Весной 1922 года, когда советскую Россию терзал голод, Ленин решил, что ему предоставляется уникальная возможность достичь двух целей: под предлогом борьбы с голодом экспроприировать церковные ценности и, в вероятном случае противодействия со стороны церкви, показать всему народу ее бездушие. В памятной записке для политбюро он писал:

Именно теперь и только теперь, когда в голодных губерниях люди дошли до людоедства, и сотни, если не тысячи трупов покрывают дороги, мы можем (и значит, должны) самым решительным и беспощадным образом провести конфискацию церковных богатств... чтобы получить денежный запас в несколько сот миллионов золотых рублей¹.

Ценности, изъятые таким образом, пошли не на помощь голодающим, а на нужды советского государства.

В марте 1923 года Ленин перенес сильнейший удар, лишивший его дара речи. Десять месяцев спустя он скончался. Партия не позаботилась подготовиться к назначению его преемника. Неподотчетная своим членам, она располагала единственным способом обеспечивать преемственность в руководстве — кооптацией. Образовавшийся вакуум заполнил генеральный секретарь Сталин. Сдержанный в публичных проявлениях, живой в общении, ничем не выдава-

ший садистских и параноидальных черт своей личности, он пользовался немалой популярностью в среде рядовых партийцев. Так, по итогам (тайного) голосования на выборах Центрального Комитета в марте 1919 года он (наравне с Николаем Бухариным) получил больше голосов, чем любой другой кандидат, кроме Ленина, намного больше, чем куда более известный Троцкий, широко признававшийся наследником Ленина.

Сталин сначала сблизился с Каменевым и Зиновьевым, образовав триумвират, управлявший партией во время болезни Ленина и направленный против их общего соперника Троцкого. Клеветой, запугиванием его сторонников и другими неблаговидными методами триумвират освободил Троцкого от всех занимаемых им постов, исключил из партии и затем выслал, сначала в Среднюю Азию и потом, в 1929 году, за границу, где в 1940 году Сталину удалось его физически уничтожить. Затем Сталин повернул против Каменева и Зиновьева, которых он вывел из политбюро. Возможности его жертв защищаться от сфабрикованных против них обвинений были роковым образом ослаблены их приверженностью принципу «партия всегда права».

Хотя в изгнании Троцкий постоянно изображал себя любимцем Ленина, а Сталина — человеком, которого Ленин презирал, фактически генеральный секретарь был верным учеником и законным наследником основателя советской России. В течение двух лет после смерти Ленина он стал бесспорным хозяином партии: укрепив свою власть, он был готов возобновить движение к коммунизму, прерванное в 1921 году введением Новой экономической политики. У него

были три взаимосвязанные цели: построить мощную индустриальную базу, коллективизировать сельское хозяйство и добиться полного послушания страны. Эти амбициозные планы привели к кризису в стране, выбравшейся, наконец, из руин первой мировой войны, революции и гражданской войны. Но это не беспокоило Сталина, потому что кризисные ситуации — это всегда благодать для коммунистических режимов.

Только кризис позволял требовать — и брать! — от граждан полного подчинения и жертв. Система требовала жертв — для Цели, для Блага Будущих поколений — и таким образом перебрасывала мост из мира фикции, утопии в мир реальности ².

Когда после смерти Сталина его преемники попытались добиться стабильности, наступил упадок, потому что граждане больше не видели смысла в жертвах, которых от них требовали.

Свертывание НЭПа началось в декабре 1925 года, когда съезд партии принял амбициозную программу насильственной индустриализации. А индустриализация по причинам, которые будут изложены ниже, подразумевала коллективизацию сельского хозяйства. Поскольку обе цели были сопряжены с невероятными трудностями, несогласных нужно было заставить замолчать. Так сталинизм обретал качество цельности и мог держаться лишь в условиях, когда сохранялись нетронутыми все его составные части.

Начать с индустриализации: марксистско-ленинская аксиома гласила, что социалистическое общество должно опираться на индустриальную базу, а поскольку российская промышленность находилась в

довольно-таки жалком состоянии, закладывать эту базу приходилось буквально на пустом месте. Когда эти усилия принесут плоды, у Советского Союза появятся, мол, экономика мирового уровня и внушительный рабочий класс, благодаря чему страна сможет на равных противостоять своим капиталистическим противникам. Это сомнению не подвергалось, хотя вопрос о темпах индустриализации вызывал разногласия в партийном руководстве, пока Сталин не заставил своих оппонентов замолчать, навязав головокругительные темпы и не считаясь с человеческими жертвами.

Но была еще одна причина насильственной индустриализации, о которой почти никогда не упоминали в то время, да и потом нечасто — это подготовка к следующей мировой войне. В декабре 1927 года Сталин заявил, что «империалисты» вооружаются, готовясь к новой войне и интервенции против СССР. Чтобы встретить эту (воображаемую) угрозу, Советскому Союзу требовалась мощная оборонная промышленность. И действительно, вся советская промышленность с самого начала строилась в соответствии с военными нуждами.

Первый пятилетний план, утвержденный в 1929 году и подчинивший все народное хозяйство управлению из центра, ставил во главу угла средства производства — железо и сталь, уголь и нефть, тяжелое машиностроение. Центральный плановый орган поставил совершенно нереалистичные производственные цели, и их достижение стало еще менее возможным после отданного в 1931 году сталинского приказа выполнить пятилетку в три года. К 1932 году основные производственные показатели, которые

надлежало утроить, фактически увеличились вдвое. То же произошло с численностью рабочей силы в промышленности: она выросла с 3 до 6,4 миллиона.

Обещаниями, что «построение социализма» позволит значительно поднять жизненный уровень, правительству удалось разжечь трудовой энтузиазм. Но то был пряник, вечно выпадавший из рук у тех, кому он предназначался. В действительности уровень жизни неуклонно падал, потому что финансирование индустриализации требовало сведения заработной платы к минимуму. В 1933 году реальный заработок рабочего упал до одной десятой того, что он получал накануне поворота к индустриализации (1926–27). Согласно Алеку Нову, специалисту по советской экономике, «на 1933 год пришлась самая низкая точка наиболее крутого из всех известных мировой истории снижений жизненного уровня в условиях мирного времени»³.

Чтобы подхлестнуть производительность, Сталин прибег к традиционным капиталистическим методам стимулирования труда. В 1931 году он обрушился на ультралевый, как он говорил, принцип «уровниловки», предполагавший равную оплату рабочих вне зависимости от их мастерства и трудового вклада. Это означало, пояснял он, что у неквалифицированного рабочего нет стимула овладеть мастерством, а квалифицированный — переходит с места на место, пока не находит, где его таланты достойно оплачиваются; и то, и другое отрицательно сказывается на производительности. Поэтому новая шкала заработной платы предусматривала значительную разницу в оплате труда наименее и наиболее квалифицированных рабочих.

Капитал для развития промышленности поступал из нескольких источников, в том числе, с печатного станка, из поступлений от налога с оборота, от экспорта продовольствия и даже от продажи произведений искусства.

Однако в основном его выжимали из крестьянства, вновь фактически закрепощенного через семь десятилетий после освобождения. Твердое решение провести «массовую коллективизацию» было принято в середине 1929 года. По словам Сталина, индустриализацию страны необходимо было осуществить за счет внутренних накоплений. Это означало, что крестьяне должны были по самым низким ценам поставлять продовольствие промышленным рабочим, городам и вооруженным силам. Но в сопровождавшей коллективизацию пропаганде упор делался на ликвидации сельских «эксплуататоров», чтобы отвлечь внимание от того факта, что самыми многочисленными жертвами коллективизации будут простые крестьяне.

Коллективизация включала в себя два процесса. Первый состоял в «ликвидации кулачества как класса», иными словами, как живых людей; второй — в уничтожении крестьянских общин и какой бы то ни было независимости крестьянства. Крестьян сгоняли в коллективные хозяйства, колхозы, где они работали не на себя, а на государство. Это была беспрецедентная революция сверху, связанная с низведением трех четвертей населения страны к статусу государственных рабов.

У кулаков — этим термином обозначались зажиточные крестьяне, а также те, кто активно сопротивлялся коллективизации — отбирали все их имущество

во, а их самих депортировали либо в трудовые лагеря, либо, вместе с семьями, в Сибирь. По официальным данным, в 1930 и 1931 годах тому или иному из этих двух видов наказания было подвергнуто 1 803 392 человека. Подсчитано, что 30 процентов тех, кто избежал расстрела, погибли от голода и холода. Из числа выживших приблизительно 400 000 удалось скрыться и со временем кое-как обосноваться в городах и промышленных центрах.

«Середняки» и «беднота» тоже потеряли все, что имели, в том числе сельскохозяйственный инвентарь и скот — или то, что оставалось от этого последнего, так как скот предпочитали резать, а не сдавать; вся эта собственность передавалась колхозам. Коллективизированные крестьяне должны были работать установленное число дней в году за минимальную денежную оплату и зерно, выполняя при этом установленные задания государственных поставок; государство платило копейки, а продавало муку или хлеб за рубли, извлекая сотни процентов прибыли. Крестьяне, которым не удавалось выполнить норму, голодали. А с теми, кто от отчаяния воровал продовольствие, поступали как с опасными преступниками: знаменитый декрет августа 1932 года карал смертной казнью или десятью годами принудительных работ за «любое хищение или повреждение социалистической [читай: партийной] собственности», под которой понимались, в том числе, и несколько колосков. По этому закону в течение следующих шестнадцати месяцев было осуждено 125 000 крестьян, из них 5 400 приговорены к смертной казни⁵. Поскольку единственным видом продукции, которую крестьяне получали в колхозе, было зерно, в 1935 году правительст-

во разрешило колхозникам обрабатывать личные огороды размером в среднем один акр на семью, где они могли выращивать овощи и фрукты для собственного потребления и продажи на контролируемых государством колхозных рынках. Им разрешили также держать коров и мелкий скот (но не лошадей). Эти личные участки обеспечивали значительную, несоизмеримую с их площадью, часть сельскохозяйственного производства в стране.

В результате коллективизации крестьянство деградировало в гораздо большей степени, чем из-за крепостничества, просуществовавшего до 1861 года, поскольку, будучи крепостным, крестьянин владел (практически, если не теоретически) своим урожаем и скотом. Его новый статус свелся к положению раба, получавшего минимум средств для поддержания своего существования: в 1935 году за тяжкий труд крестьянская семья получила от колхоза 247 рублей в годовом исчислении, ровно столько, сколько стоила пара обуви⁶.

Сталин любил изображать дело так, будто коллективизация проводилась добровольно, фактически же правительство прибегало к крайним насильственным методам. Он говорил Черчиллю, что коллективизация, длившаяся три года, была более «напряженным» временем, чем вторая мировая война. Если она тяжело далась ему, то можно лишь предположить, как тяжело эта кампания отразилась на его жертвах. Чтобы сломить сопротивление крестьян на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане, Сталин в 1932–33 годах искусственно вызвал в этих регионах голод, изъяв из них все продовольствие и окружив их армейскими частями, чтобы не дать голодающим крестьянам миг-

рировать в поисках пропитания. Подсчитано, что это искусственно вызванное бедствие привело к гибели 6–7 миллионов человек⁷. Чтобы сломить сопротивление казахов-кочевников в Средней Азии, режим прибег к особо жестоким мерам; считается, что погибло около трети казахского населения⁸.

Непосредственная цель коллективизации — финансирование значительной части расходов на индустриализацию — была достигнута; продовольствие фактически отбирали, распределяя его затем в городах и промышленных центрах. В конечном счете, последствия коллективизации были катастрофическими: она разрушила российское сельское хозяйство, сначала подвергнув депортации наиболее предприимчивых крестьян, а затем лишив колхозное крестьянство земли и урожаев, которые им больше не принадлежали. Россия, которая до революции была одним из крупнейших экспортеров зерна в мире, в дальнейшем еле-еле могла себя прокормить.

К 1934–35 годам, когда были отменены карточки, и Сталин заявил, что «жизнь стала легче, товарищи, жизнь стала веселей», худшее осталось позади. Не надолго, однако. Режиму нужен был новый кризис для оправдания своей деспотической власти. Ему нужен был и новый враг. Со временем Фидель Кастро, вождь коммунистической Кубы, откровенно объяснит то, о чем его русские наставники предпочитали умалчивать: «Революции нужен враг... Революции для развития требуется антитезис, а именно — контрреволюция»⁹. И если врагов нет, то их следует выдумать.

В 1934 году видный большевик Сергей Киров, партийный босс Ленинграда, был убит при загадоч-

ных обстоятельствах; косвенные улики указывают на Сталина как заказчика этого убийства. Твердый сталинист — незадолго до гибели перевозносивший Сталина как «великого стратега освобождения трудящихся нашей страны и всего мира» — Киров приобрел слишком большую популярность в партийных рядах, и это не могло нравиться Сталину. Его убийство принесло Сталину двойную выгоду: он избавился от потенциального соперника и получил повод для развязывания широкой кампании против так называемых антисоветских заговорщиков, в ходе которой он смог уничтожить руководящие кадры, унаследованные им от Ленина. Так называемые чистки тридцатых годов представляли собой подлинный разгул террора, которому нет равных в истории ни по его неразборчивой жестокости, ни по числу жертв. Сталин лично следил за этой кампанией, и в своих указаниях местным властям напирал на один образ действий: бить, пока арестованные не признаются в преступлениях, которых они не совершили.

Что означало это предписание на практике, мы можем узнать из письма, направленного Молотову, ближайшему соратнику Сталина, одной из бесчисленных жертв террора Всеволодом Мейерхольдом. Видный русский театральный режиссер и член коммунистической партии с первых лет режима, Мейерхольд был без всяких видимых оснований объявлен «врагом народа» и арестован в 1939 году. Он писал:

Когда следователи в отношении меня пустили в ход физические методы (меня здесь били, больного 65-летнего старика: клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам сверху, с большой силой. В сле-

дующие дни, когда эти места ног были покрыты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-зеленым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, на больные, чувствительные места ног лили крутой кипяток, и я кричал и плакал от боли. Меня били по спине этой резиной, руками меня били по лицу с размаху...) и к ним присоединили еще так называемую «психическую атаку», то и другое вызвало во мне такой чудовищный страх, что натура моя обнажилась до самых корней своих... Лежа на полу лицом вниз, я извивался и корчился, и визжал, как собака, которую бьет ее хозяин.

Когда я лег на койку и заснул, с тем чтобы через час опять идти на допрос, который длился перед этим восемнадцать часов, разбуженный стоном и тем, что меня подбрасывало на койке так, как это бывает с больным, погибающим от горячки.

«Смерть (о конечно!), смерть легче этого!» — говорил себе подследственный. Сказал себе это и я. И я пустил в ход самооговоры в надежде, что они-то и приведут меня на эшафот...¹⁰.

После того, как он должным образом оговорил себя, власти снизошли к мольбам Мейерхольда и лишили его жизни.

Большой Террор обрушился как на членов партии, так и на беспартийных граждан. В его наивысшей точке, в 1937 и 1938 годах, по меньшей мере, полтора миллиона человек, большинство из которых не было повинно ни в каких правонарушениях даже по коммунистическим стандартам, предстали перед «тройками» — трибуналами, составленными из первого секретаря региональной парторганизации, прокурора и местного главы службы безопасности. После скорого суда, длившегося зачастую всего несколько минут, арестованного приговаривали к смертной казни, каторге или ссылке без права апелляции. Ни апо-

литичность, ни чистосердечная преданность режиму не гарантировали безопасности. На пике Большого Террора политбюро распределяло «квоты» для службы безопасности, где указывались проценты населения района, подлежащие расстрелу или отправке в лагерь. Например, 2 июня 1937 года была определена квота на 35 000 человек, подлежащих «репрессированию» в Москве и Московской области, из них 5 000 предписывалось расстрелять¹¹. Месяцем позже политбюро выделило квоты для всех областей страны; 70 000 надлежало расстрелять без суда¹². Значительную часть жертв Большого Террора составляли люди с высшим образованием — считалось, что их трудно держать под контролем, а сами они склонны к «саботажу».

О степени, в какой чистки коснулись партийной элиты, свидетельствует тот факт, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета, избранного на XVII партийном съезде в 1934 году, казнено было 70 процентов¹³. Все близкие соратники Ленина, в том числе Зиновьев и Каменев, подверглись аресту и пыткам и, сломленные физически и морально, вынуждены были на инсценированных «процессах» признаваться в самых невероятных преступлениях — шпионаже, террористических актах, попытках реставрации «капитализма»; после этого они были либо расстреляны, либо сосланы в лагерь, откуда мало кто вышел живым. В своем так называемом *Завещании* Ленин назвал шестерых большевиков в качестве своих возможных преемников; погибли все, кроме одного — Сталина. Дмитрий Волкогонов, советский генерал, ставший историком, был, по его словам, «глубоко потрясен», найдя в архиве тридцать списков,

датированных одним и тем же днем, 12 декабря 1938 года. В списках значились 5 000 человек, смертные приговоры которым Сталин подписал еще до формального открытия процесса, после чего отправился в свой личный кремлевский кинотеатр, где просмотрел два фильма, в том числе кинокомедию «Веселые ребята»¹⁴.

Так или иначе, большинство населения было вынуждено участвовать в этой разрушительной оргии, донося на друзей и знакомых; недоносительство о «подрывных» разговорах приравнивалось к подрывной деятельности. В такой атмосфере для верности и правды не оставалось места. Российская шутка того времени весьма реалистично определяла порядочного советского гражданина как человека, ведущего себя по-свински, но не получающего от этого удовольствие.

Чистка 1937–38 годов буквально опустошила ряды «старых большевиков», место которых заняли новые люди. В 1939 году 80,5 процента функционеров коммунистической партии Советского Союза были людьми, вступившими в нее после смерти Ленина¹⁵. Из их числа вышли высокие должностные лица партии и правительства, так называемая номенклатура, не только монополизировавшая все властные посты, но и пользовавшаяся неслыханными привилегиями и сложившаяся в новый эксплуататорский класс. Принадлежность к нему обеспечивала твердое общественное положение и де-факто приобретала наследственный характер. Когда Советский Союз рухнул, номенклатура насчитывала 750 000 человек, а с семьями — около трех миллионов или 1,5 процента населения, что приблизительно соответствует доле

служилого дворянства при царях в восемнадцатом веке. Блага, которыми они пользовались, весьма подходили на те, что имели владыки того старого времени. По словам одного из членов этой элиты,

...номенклатура живет на другой планете. Как на Марсе. Дело не только в хороших машинах и квартирах. Это непрерывное удовлетворение ваших прихотей, когда армия подхалимов дает вам возможность работать, ни о чем не заботясь. Все мелкие аппаратчики готовы сделать для вас все что угодно. Выполняется любое ваше желание. Вы можете в любой момент пойти в театр, можете из ваших охотничьих угодий слетать в Японию. Это жизнь, в которой все дается легко... Вы подобны королю: только укажите на что-нибудь пальцем, и это тотчас будет сделано¹⁶.

Рядовые члены партии, «подхалимы», количество которых при Сталине значительно выросло, превращались в обслуживающий персонал элиты.

Террора не избежала и Красная армия: из пяти маршалов трое были «ликвидированы», из пятнадцати генералов армии погибли тринадцать, из девяти адмиралов уцелел только один. Жертвами расправ стали многие иностранные коммунисты, которым Советский Союз предоставил политическое убежище. Чудовищные потери понесло духовенство: в 1937–38 годах 165 200 священнослужителей были арестованы за исполнение своих церковных обязанностей, 106 800 из них были расстреляны¹⁷. Почти все объекты религиозного культа были закрыты.

Машина террора не щадила и своих водителей. Николай Ежов, сталинский Гиммлер, руководивший массовыми убийствами в 1936–38 годах в качестве главы НКВД, по какой-то причине впал в немилость у

своего хозяина. Сталин снял его с должности, арестовал и швырнул в кровавую мясорубку.

Простые люди попадали в тюрьму и исчезали за случайное высказывание или по доносу личных врагов. Патологический страх и подозрительность охватили все население, не были исключением и высшие функционеры. Так, Николай Булганин, служивший при Сталине заместителем главы правительства, рассказывал Никите Хрущеву, что иногда человека приглашают к Сталину как друга, «а когда сидит рядом со Сталиным, он не знает, где окажется потом — дома или в тюрьме». Андрей Громыко, министр иностранных дел и верный помощник Сталина, рассказывал, что при Сталине два или больше членов политбюро никогда не ездили в одной машине из опасения, что их заподозрят в заговоре. Страх и подозрительность пережили Сталина, став неотъемлемой частью системы. Михаил Горбачев, последний советский лидер, вспоминал, что когда он пригласил своего наставника и соседа Юрия Андропова, в то время возглавлявшего КГБ, на обед, Андропов посоветовал ему для его же блага отказаться от этой затеи — «иначе начнутся досужие разговоры о том, кто, где, что и почему сказал».

Согласно данным из секретных архивов, открытых после распада Советского Союза (которые многие специалисты считают заниженными), в 1937 и 1938 годах, когда Большой Террор достиг своего пика, органы безопасности задержали за так называемую «антисоветскую деятельность» 1 548 366 человек, из которых 681 692 были расстреляны. В среднем 1 000 казней в день. Большинство оставшихся в живых оказались в лагерях¹⁸. (Для сравнения:

царский режим между 1825 и 1910 годами казнил за политические преступления 3 932 человека.) В 1941 году, когда Германия напала на Советский Союз, в лагерях ГУЛАГа содержалось 2 350 000 человек или 1,4 процента населения страны¹⁹. заключенные-рабы выполняли важные хозяйственные функции, их использовали на больших стройках, они валили лес на крайнем Севере. Никто из ответственных за эти преступления против ни в чем не повинных людей не был предан суду после распада СССР; они не были даже разоблачены, не подверглись моральному осуждению и продолжали жить нормальной жизнью.

Переписи населения показали, что между 1932 и 1939 годами — иными словами, после коллективизации, но до начала второй мировой войны — население Советского Союза сократилось на 9–10 миллионов человек²⁰.

Эта разрушительная оргия не поддается разумному объяснению. Мрачный анекдот рассказывает о новом заключенном, прибывшем в лагерь. На вопрос, сколько лет он получил, отвечает: «Двадцать пять». — «За что?». — «Ни за что». «Так не бывает, — говорят ему. — Ни за что дают десять лет».

Если кто-нибудь станет недоумевать, как это какое бы то ни было правительство могло нанести такой ущерб собственному народу, следует иметь в виду, что для революционеров-коммунистов, как в России, так и в других странах, человеческие существа в том виде, какими они родились, представляли собой лишь пародию на то, какими они могли и должны были стать. Этот взгляд глубоко укоренен в марксизме. Маркс писал, что

...нынешнее поколение напоминает тех евреев, которых Моисей вел через пустыню. Оно должно не только завоевать новый мир, но и сойти со сцены, чтобы дать место людям, созревшим для нового мира²¹.

Хотя ни Маркс, ни Энгельс не призывали своих последователей к массовым убийствам, они были готовы пожертвовать живущими поколениями ради еще не родившихся.

И с их точки зрения действительно было ради чего, потому что «новый человек» при коммунизме не будет похож на любое дотоле известное существо. Вот как в книге *Литература и революция* рисует портрет этого человека Троцкий:

Человек примется, наконец, всерьез гармонизировать себя самого... Он захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением — и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли... Человеческий род, застывший homo sapiens, снова поступит в радикальную переработку и станет — под собственными пальцами — объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки... Человек поставит себе целью... создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека... Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше. Его тело — гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее... Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гёте, Маркса. Над этим кряжем будут подниматься новые вершины.

Разве ради такого идеала не стоило жертвовать жалкими созданиями, населяющими разлагающийся мир? Под таким углом зрения нынешнее чело-

вечество — не что иное, как отбросы и отходы обреченного мира, и уничтожение его вовсе не противопоказано.

Беспрецедентное уничтожение человеческих жизней сопровождалось решительным наступлением на свободу слова, что было призвано создать иллюзию полного единства: вместе с уничтожением и заточением тел, отнимались и умы. Сам Ленин не проявлял ни малейшего уважения к взглядам, отличавшимся от его собственных; его первый же декрет после прихода к власти требовал закрытия всех небольшевистских органов печати. Он не был еще в силах осуществить эту меру, но летом 1918 года он закрыл не только все независимые газеты, но и всю непартийную периодическую печать. В 1922 году он учредил центральное учреждение цензуры, получившее название Главлит. Ничто не могло появиться в печати или на сцене без его разрешения.

Тем не менее, в 1920-е годы некоторая интеллектуальная свобода еще допускалась. Ранняя советская цензура, подобно царской, была по своей природе отрицающей, иными словами, она устанавливала, что нельзя печатать, но не пыталась указывать авторам, что им следует писать. В 1930-е годы политика изменилась: цензура стала утверждающей в том смысле, что стала указывать авторам, что и как им следует писать. Вся негативная информация о стране подавлялась — если только властям не требовалось предать гласности какую-то ее часть. Поездки за границу были ограничены и разрешались только официальным лицам, для простых граждан любые контакты с иностранцами были чреваты риском попасть под подозрение в шпионаже. Иност-

ранные газеты, за исключением прокоммунистических, не продавались.

Невообразимое однообразие опустилось на советскую культуру. «Социалистический реализм» стал официальной эстетической доктриной в 1932 году, он требовал, чтобы писатели относились к современности, «как будто ее не существует, и к будущему, как будто оно уже наступило»²². Вследствие этого все, что печаталось, ставилось на сцене, снималось или передавалось по радио, никоим образом не отличалось реализмом: это был сюрреализм. Люди приспособивались к такому положению путем расщепления своего сознания и личности, загоняя себя в шизофреническую ситуацию, при которой на одном уровне они знали правду, но подавляли свое знание и делились им только с членами семьи и друзьями, на другом — притворялись, что верят каждому слову официальной пропаганды. Создавалось напряжение, делавшее жизнь в Советском Союзе трудно выносимой.

И это оставило психическое наследие, пережившее коммунизм. Ложь стала средством выживания, а ото лжи до жульничества только один шаг. Общественная этика, делающая возможным существование гражданского общества, оказалась подорванной, и режим, требовавший от всех жертвовать личным интересом ради общего блага, кончился тем, что все стали думать только о себе, потому что не могли рассчитывать ни на кого другого.

Одной из граней Большого Террора был «культ» Сталина, как это явление стало называться впоследствии. Фактически это было обожествление Сталина: он был всемогущим, вездесущим, всезнающим, непогрешимым, и оставался таким до своей смерти в

1953 году. Когда он критиковал новую оперу, композитор падал ниц. Когда он высказывался по вопросам языкознания, филологи молчали. На партийных съездах делегаты соревновались друг с другом, превознося величие «вождя», а он скромно сидел рядом, слушая эти восхваления. Осип Мандельштам, широко признанный одним из лучших русских поэтов века, заплатил жизнью за стихотворение о диктаторе, где были такие строки:

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.
А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, — то малина²³.

Одно из возможных объяснений обожествления вождей, общего для большинства коммунистических режимов, состоит в том, что поскольку всемогущество и всезнание являются универсальными качествами божеств, то естественно приписывать личности, наделенной этими качествами, божественные черты.

Прославление приводило ко все большему отрыву Сталина от действительности. Окруженный льстецами, он не знал истинного положения в своем царстве. Опасаясь покушений на свою жизнь, он не ездил по стране, и получал представление о ее жизни из специально создававшихся кинофильмов, в которых, по словам его подручного и впоследствии преемника

Никиты Хрущева, колхозники сидели за столами, «прогибавшимися под тяжестью гусей и индюшек».

Единственным учреждением, знавшим истинное положение в стране, была тайная полиция, последовательно носившая названия Чека (1917–22), ГПУ и ОГПУ (1922–34), НКВД (1934–54) и КГБ (1954–91). Это было главное орудие террора, имевшее необычайно широкую свободу действий в расправах со всеми врагами режима, реальными, потенциальными, вымышленными. Это ведомство управляло также обширной империей лагерей принудительного труда. Покончив со всеми проявлениями общественного мнения, правительство получало информацию о настроениях в обществе от тайной полиции, собиравшей сведения с помощью широкой сети агентов и осведомителей. Во многих отношениях в последние годы Сталина органы безопасности узурпировали властные полномочия, возложенные Лениным на коммунистическую партию.

Сталин был первым из коммунистов, кто осознал и поставил себе на службу политический потенциал русского национализма. Марксизм рассматривал национализм во всех его проявлениях как орудие, которое использует буржуазия, чтобы отвлечь массы от их главной задачи, классовой борьбы. Самому Ленину патриотические чувства были чужды. Скорее, он даже испытывал презрение к собственному народу, о котором он в конфиденциальной переписке отзывался в таких оскорбительных выражениях как «советские жулики и мерзавцы». Он однажды сказал Максиму Горькому, что «умный русский это почти всегда еврей или человек с еврейской кровью в жилах»²⁴.

Другое дело, Сталин. Тесные контакты с кадрами убедили его в том, что национализм и ксенофобия находят более горячий отклик в стране, чем туманные идеи мирового коммунизма. Поэтому он начал, сперва осторожно, а затем со все большей откровенностью отождествлять себя с русским шовинизмом, целеустремленно снимая с советского режима весьма в то время распространенные в России и за рубежом подозрения, что коммунизм служит интересам всемирного еврейского заговора. Грубый антисемит, он систематически устранял евреев с государственных должностей. Во время своего союза с Гитлером он обещал Риббентропу, гитлеровскому министру иностранных дел, что удалит евреев со всех руководящих постов, как только подыщет им подходящую замену из русских²⁵. Незадолго до смерти он планировал депортацию всего еврейского населения страны в Сибирь.

В 1934 году, после прихода Гитлера к власти, Сталин распорядился о полном пересмотре партийной линии по вопросу о русском патриотизме. Осуждаемая прежде любовь к отечеству стала активно поощряться, а преподавание истории, которое в соответствии с доброй марксистской традицией до тех пор основное внимание уделяло классовой борьбе, стало на первый план выводить достижения России в делах войны и мира. Ко времени смерти Сталина советский коммунизм растворился в русском национализме: своим престижем режим, мол, был обязан победе во второй мировой войне и последующим успехам, лидерству в создании межконтинентальных ракет и в космических программах, обретению Советским Союзом статуса великой мировой державы, равной Со-

единенным Штатам Америки. И поныне испытываемая русскими тоска по Советскому Союзу проистекает не из любви к его внутреннему строю — то есть к коммунизму, — но почти исключительно из воспоминаний о том, как приятно было сознавать, что другие уважают твою страну и побаиваются ее.

Здесь самое время задаться вопросом, была ли двадцатипятилетняя диктатура Сталина естественным, то есть неизбежным, следствием режима, установленного Лениным, или случайностью, позволившей психопату воспользоваться революцией. В Сталине, несомненно, просматривались признаки клинической паранойи, мании величия и садизма; позже это подтвердили некоторые из его ближайших сотрудников. Однако следует иметь в виду, что он наследовал Ленину не посредством дворцового переворота, а методично, шаг за шагом, поддерживаемый самой партией. Он был ее выбором. Историки, утверждающие, что миссия Ленина должна была быть передана Троцкому или Бухарину, игнорируют тот факт, что, симпатизируя обоим, Ленин не видел в них достойных преемников. Деспотическая власть, которой пользовался Сталин, была вручена ему Лениным. Именно Ленин ввел массовый террор со взятием заложников и концентрационными лагерями, именно он рассматривал закон и суд как «воплощение и легитимизацию» террора, именно он утвердил Статьи 57 и 58 уголовного кодекса со множеством подпунктов, которые использовал Сталин для уничтожения и тюремного заключения миллионов невинных граждан. Именно Ленин заставил партию принять резолюцию, запрещающую «фракционность», что поз-

волило Сталину избавляться от всякого с ним не согласного, как от «уклони́ста». Личная диктатура была принадлежностью системы, созданной Лениным, хотя он лично предпочитал действовать в более коллегиальной манере. От слов «Партия всегда права» очень малая дистанция до утверждения, что «Вождь партии всегда прав». А как только этот принцип укореняется, вопрос о том, какими методами будет осуществляться авторитарное руководство, зависит только от обстоятельств.

Вячеслав Молотов служил Ленину и Сталину на самых ответственных постах дольше, чем любой другой большевик. Когда в старости его спросили, кто из двоих был более «суровым», он без колебаний ответил: «Конечно, Ленин... Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости и либерализме»²⁶. И это должно положить конец мифу, который распространяли сначала Троцкий, а потом Хрущев, будто сталинизм означал отказ от ленинизма.

Вторую мировую войну развязала Германия, намереваясь взять реванш за поражение 1918 года и покорить Европу. Однако Советский Союз, исходя из собственных соображений, содействовал агрессивным планам Гитлера и подстрекал его, а потому несет значительную долю ответственности за эту самую страшную из войн.

Провал попыток разжечь революцию в Европе, завершившихся катастрофической польской кампанией, убедил советское руководство в том, что надежды на распространение коммунистических порядков лучше всего связывать с новой мировой войной. В январе 1925 года Сталин говорил: «Борьба, конфликты и

войны между нашими врагами — это... наш величайший союзник»... Они, «безусловно, являются величайшей поддержкой нашей власти и нашей революции». Ссылаясь на неизбежность нового мирового конфликта, он зловеще добавлял: «Но если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить *последними*. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую *гирию* на чашу весов...»²⁷.

Следуя этим соображениям, Советский Союз с начала 1920-х и до 1933 года тайно сотрудничал с немецкими военными, содействуя преодолению ими ограничений, наложенных Версальским договором, запрещавшим либо резко ограничивавшим производство Германией танков, самолетов, подводных лодок и отравляющих газов. Москва разрешила немцам производить и испытывать это оружие на своей территории, а немцы, в свою очередь, приглашали офицеров Красной армии на курсы генерального штаба, где разрабатывалась стратегия и тактика блицкрига. (В области военно-морского флота Советский Союз также активно сотрудничал с фашистской Италией.)

Этими соображениями объясняется также, почему в 1932–33 годах Сталин помог Гитлеру прийти к власти, запретив немецким коммунистам объединиться с социал-демократами против нацистов на парламентских выборах (см. гл. 4.) Немецкие социал-демократы занимали прозападную позицию. Нацисты, рассуждал Сталин, хотя и являются злыми антикоммунистами, но направят свою агрессию против западных демократий, оставив Советский Союз в покое. Этот образ мыслей лежал в основе его решения

заклучить с Берлином в августе 1939 года договор о ненападении, к которому прилагался секретный протокол о разделе Польши между Россией и Германией. Очевидно, он рассчитывал, что повторится война на истощение 1914–18 годов, в результате которой «капиталистические» воюющие стороны настолько ослабнут, что СССР, практически не встречая сопротивления, захватит Европу. После раздела Польши между СССР и Германией Молотов, ближайшее доверенное лицо Сталина, подписавший в качестве министра иностранных дел договор о ненападении, произнес речь, в которой, обрушившись на Францию и Англию за то, что они воюют с Германией, заявил, что «идеология гитлеризма, как всякая идеологическая система, может приниматься или отвергаться: это вопрос политического суждения». Коммунистическим партиям повсюду было указано считать Англию и Францию реакционерами и агрессорами. Вся эта политика оказалась гигантским просчетом.

Когда в 1940 году гитлеровские войска разгромили вооруженные силы союзников во Франции, а затем начали оккупацию большей части европейского континента, Сталин вступил в настоящий союз с нацистской Германией, снабжая ее продовольствием, металлами и другими стратегическими материалами. Он даже передал в руки Гитлера некоторых немецких коммунистов, нашедших убежище в Советском Союзе. Столь вероятным казалось, что Гитлер будет продолжать это выгодное сотрудничество с Москвой, что Сталин игнорировал предупреждения, поступавшие от союзников и его собственной разведки о том, что немцы концентрируют войска в Польше для нападения на Советский Союз.

Красная армия, которая в результате чисток осталась без своих самых опытных офицеров, и которой к тому же запретили готовиться к германской агрессии, понесла в первые месяцы войны умопомрачительные потери в живой силе и технике, миллионы красноармейцев оказались в плену.

Оправившись от шока, Сталин возглавил оборону страны. Всякое притворство, будто страна сражается за коммунизм, было быстро отброшено: призвав на помощь религию и воинскую славу царских времен, страну призвали воевать за «Святую Русь». Сопротивлению, сначала казавшемуся безнадежным, придавали силы стратегические просчеты Гитлера и варварские действия агрессоров. Чтобы избежать повторения ошибки Наполеона, устремившегося прямо к Москве, Гитлер повернул одну крупную группировку на север, к Ленинграду, и другую — на юг, в направлении Киева. В ходе этих операций вермахт захватил еще немало пленных, но потерял драгоценное время, и когда возобновил, в конце концов, продвижение к столице, настала зима, и наступление выдохлось. Русские и украинцы, среди которых поначалу было немало приветствовавших приход немцев, вскоре поняли, что нацисты пришли не освободить их от коммунистов, а обратить в еще более жестокое рабство. Они проявили колоссальное мужество и стойкость, сражаясь с врагом, значительно превосходившим их вооружением. Война на восточном фронте, в конце концов, сломала хребет немецкой армии и предопределила исход второй мировой войны. Победа была достигнута ужасной ценой. Командиры Красной армии не жалели солдат, бросая их в бой, не считаясь с потерями. Крупные сражения, как правило,

стоили Красной армии сотен тысяч жертв. В ходе обороны Киева летом 1941 года погибли 616 000 солдат, при наступлении в Донбассе двумя годами позже — 661 000. По подсчетам зарубежных ученых, общие потери Советского Союза в войне составили 20 миллионов человек, 8,7 миллиона из них погибли в боях²⁸. Военные потери в три раза превосходили потери немцев на восточном фронте (2,6 миллиона). Около 5 миллионов советских военнослужащих попали в плен, из них от 1,6 до 3,6 миллиона погибли в немецком плену от недоедания, были расстреляны или погибли в газовых камерах.

Военным трофеем Сталина явились территориальные завоевания. Советские войска оккупировали почти все страны Центральной и Восточной Европы с населением около 90 миллионов человек, превосходившем население Франции и Западной Германии вместе взятых, и установили в них коммунистические режимы. Коммунистическими стали также Югославия и Албания.

Еще более впечатляющим явилось то, что китайские коммунисты, с которыми Москву в течение 25 лет связывали смешанные чувства любви и ненависти, одержали победу в гражданской войне над войсками Гоминьдана, которые опирались на поддержку Соединенных Штатов, и в 1949 году добились контроля над всей территорией Китая. Распространение коммунизма на остальной части мира казалось лишь вопросом времени.

Вторая мировая война была единственным событием в истории Советского Союза, которое сплотило народ и государство: «После германского нападения в июне 1941 года впервые в советской истории офи-

циальные заявления совпали с правдой: немцы *были* жестокими агрессорами, народ *действительно* должен был сражаться за выживание»²⁹. Война придала коммунистическому режиму, как защитнику народа, ту легитимность, которой прежде ему не доставало. Но широко распространившиеся надежды на то, что в результате такого сплочения Сталин смягчит свое правление и предоставит народу больше свободы, не оправдались. В последние оставшиеся ему годы он ничем не собирался поступиться.

Смерть Сталина поставила его преемников в трудное положение. Они понимали, что должны отречься от безумного диктатора и его губительной политики, но в то же время им надо было сохранить систему, которую он возглавлял почти тридцать лет, потому что их власть и привилегии обеспечивались только ею. Они решили проблему, заново привязав коммунизм к Ленину. В 1956 году в секретном докладе на XX партийном съезде, первом после смерти Сталина, Никита Хрущев, новый первый секретарь, разоблачил некоторые преступления, совершенные Сталиным против коммунистической номенклатуры. В результате этих разоблачений Сталин быстро стал никем: его тело было удалено из Мавзолея, где он возлежал рядом с Лениным, Сталинград переименовали в Волгоград, и с оперативностью, которой советская бюрократия могла справедливо гордиться, его бесчисленные портреты, статуи и названия городов в его честь бесследно исчезли. Все говорило о том, что три десятилетия сталинского правления были грандиозной ошибкой, хотя попыток объяснить эту «ошибку» никто не предпринимал. Потому что бы-

ло только два возможных решения и оба казались неприемлемыми: или материалистическая теория Маркса неверна, а история, в конечном счете, определяется политикой и политиками, или же Советский Союз не был государством, построенным на принципах марксизма.

Антисталинская кампания была смелым и, наверное, даже необходимым шагом, но она подорвала легитимность режима, сделавшего возможными массовые преступления: хрущевские разоблачения положили начало медленному, но неуклонному процессу устранения доводов в оправдание коммунизма.

Чтобы компенсировать десталинизацию и вдохнуть новую жизнь в систему, Хрущев приступил к столь неистовому обожествлению Ленина, что оно пережило даже крах Советского Союза. В 1999 году на просьбу назвать десять величайших людей в истории мира, русские на первое место ставили Петра I, а на третье, после Пушкина, Ленина. (Четвертым, вопреки всем стараниям Хрущева, шел Сталин.)

Освободившись от сталинского террора, *номенклатура* обеспечила себе радости жизни, какие, с ее точки зрения, полагались ей ввиду тяжелого груза ответственности и высокого положения. Она с поразительной быстротой избавилась от контроля со стороны руководящих партийных органов.

Хрущев до некоторой степени смягчил режим покойного диктатора, не изменив его базовых институтов или законов: сохранились как однопартийное правление, так и вездесущая тайная полиция и цензура. Тем не менее, жизнь советских граждан стала значительно легче. Миллионы заключенных вышли из

концлагерей на свободу. Многие жертвы репрессий были реабилитированы, что не могло уже помочь им самим, но облегчило жизнь членов их семей. Снова были разрешены ограниченные контакты с иностранцами. Больше иностранных граждан получали визы для въезда в СССР, больше советских граждан получили возможность побывать за границей. Глушение иностранных коротковолновых радиопередач продолжалось, как и раньше, но оно стало не столь тщательным, и советские люди могли получать более реалистическую информацию о жизни за рубежом и внутри страны.

В результате всех этих процессов у людей открылись глаза. В 1970-е годы Михаил Горбачев уже занимал высокое положение в коммунистической иерархии, когда ему довелось посетить Италию, Францию, Бельгию и Западную Германию. Он был ошеломлен увиденным — не только жизненным уровнем на Западе, но и достигнутой там гражданской культурой. Вот почему была поколеблена его «...прежняя вера в превосходство социалистической демократии над буржуазной системой»: «Мы были поражены открытостью и спокойствием людей, с которыми встречались, — вспоминает он в своих мемуарах, — восхищались их свободными суждениями обо всем, в том числе о деятельности своих правительств, национальных и местных политических деятелях». Точно так же на его будущего соперника Бориса Ельцина, первого выборного главу суверенного Российского государства, большое впечатление произвела в 1989 году поездка в Соединенные Штаты. Она оказалась для него «бесконечным рядом крушений» сложившихся стереотипов и устоявшихся представлений. При посещении супермаркета в Хьюстоне он выразил охватившие его

чувства вслух: «Что же они сделали с нашим бедным народом!». Увиденное, подумал его спутник, разрушило у Ельцина остатки коммунистической веры. Оказалось, что Сталин был прав: система могла выжить только в условиях полной изоляции народа, включая и высших должностных лиц, от внешнего мира.

Что касается внешней политики, то наследники Сталина переосмыслили и отбросили стратегию конфронтации, заключив, что капитализм все-таки не барахтается на грани краха: через шестьдесят лет после пророчества Эдуарда Бернштейна политбюро приняло его тезис о том, что социализм восторжествует не в результате революции и не посредством войны, а мирными средствами. Новым лозунгом стало «мирное сосуществование». Иностранцы получили инструкции об образовании коалиций не только с национальной буржуазией третьего мира, но также и с социалистами, которых Ленин считал злейшими врагами коммунизма.

Тем временем послесталинский режим сосредоточился на решении двух задач: наращивании вооруженных сил и проникновении в третий мир.

Хотя этот режим по-прежнему сохранял громадную обычную армию, новое руководство пришло к выводу, что решающее значение в будущей войне будут иметь ракеты, оснащенные ядерным оружием. Этот вывод был отчасти вынужденным ввиду необходимости сокращения военного бюджета, основная часть которого шла на обычные вооруженные силы. Но под это был подведен и теоретический базис. Москва отвергла точку зрения Запада, заключавшуюся в том, что ядерное оружие должно служить только одной цели, а именно сдерживанию, и приложила

громадные усилия для создания ракет, способных поражать цели на других континентах. Эти усилия завершились в 1957 году успешным запуском первого искусственного спутника Земли, что продемонстрировало прогресс Советов в космической технологии, заключавший в себе потенциальную угрозу континентальной части Соединенных Штатов. В течение следующих тридцати лет советское правительство закладывало в военный бюджет колоссальные суммы — по недавним подсчетам, от 25 до 30 и, наверное, даже до 40 процентов национального дохода. Военная мощь, особенно в сфере ядерных вооружений и космических программ, обеспечила Советскому Союзу международное признание в качестве «сверхдержавы». Этот статус был иллюзорным, поскольку опирался лишь на способность режима шантажировать другие державы своим ядерным арсеналом, использование которого было чревато полным разрушением Советского Союза; более того, эта политика крайне истощила экономические ресурсы страны, что предрешило ее окончательный крах.

Политика активного проникновения в третий мир имела одной из целей фланговый охват Запада и удар по бывшим колониям, с которыми Запад поддерживал тесные экономические отношения. Одновременно эта экспансия поднимала и моральный дух страны: перспектива образования коммунистических и прокоммунистических режимов, неотвратимо разрастающихся из советского ядра, породила новую иллюзию, а именно, что наступление коммунизма, дескать, нельзя остановить. Вследствие этого всякое сопротивление режиму внутри страны начинало казаться тщетным. Но эта экспансия стоила очень до-

рого, потому что поддержка стран третьего мира требовала огромных финансовых средств в виде даров и займов, раздававшихся без всяких шансов на то, что они когда-либо будут возвращены. Вложения эти были по меньшей мере сомнительными еще и потому, что, как мы отметим ниже, приобретенные такими методами союзники оказались крайне ненадежными.

В 1964 году коллеги скинули Хрущева: властная элита устала от его неумной активности и предпочла, по словам его сына, «покой и стабильность». Место Хрущева занял Леонид Брежнев, которому предстояло пробыть на посту первого секретаря восемнадцать лет, хотя в последние годы в нем отчетливо просматривался старческий маразм: машина со скрежетом продолжала работать.

Год за годом советский режим приходил в упадок. Экономика пребывала в застое, все более отставая от высокоразвитых индустриальных стран. Когда исчез страх драконовских наказаний, у рабочих не оказалось побудительных причин напрягаться в труде; в ходу было циничное описание сложившегося положения: «Они делают вид, будто нам платят, а мы делаем вид, что работаем». Рабочих, проявлявших трудовое рвение, их же товарищи могли счесть «провокаторами» и крепко побить. Центральный аппарат планирования занимался тем, что умел: производством одних и тех же видов продукции, оставляя без внимания такие новшества, как пластмассы, синтетические волокна, а главное, компьютеры. Упорное сохранение жесткого контроля над информацией вело к тому, что СССР оказывался в стороне от развития информационных технологий, революционизировавших эконо-

мику Запада. Жизненный уровень простых граждан, хотя и был выше, чем в сталинское время, не дотягивал даже до минимума, утвержденного правительством: в конце 1980-х годов почти половина населения Советского Союза зарабатывала менее десяти долларов в месяц. Пьянство было повальным: Советский Союз мог похвастаться наивысшим в мире уровнем потребления алкоголя, а также самым высоким показателем смертности от алкоголизма. Ничто не могло бы стать более красноречивым свидетельством убывающих жизненных сил народа в стране, которая при царизме вправе была гордиться наивысшим приростом населения в Европе: из года в год больше русских (и украинцев) умирало, чем рождалось.

Процветала коррупция: чтобы чего-нибудь добиться, надо было дать взятку чиновникам, ведавшим распределением товаров и услуг. Высокие должности доставались тем, кто больше заплатит. Имеющиеся данные по Азербайджанской республике показывают, каковы были обычные тарифы на занятие всех властных постов, в том числе партийных; выше всего ценились должности, предоставлявшие наибольшие возможности получения взяток и хищения общественной собственности. Русские настолько привыкли к коррупции, что готовы были давать взятки, даже без твердой уверенности, что это им поможет.

Знающие люди рассказывают, например, что одно время на большом московском рынке стояла палатка, в которой сидел торговавший всякой всячиной старик-калека. За некоторую плату он брался устраивать молодых людей в институт. Наделенный магическими способностями открывать двери в любые вузы, этот немощный старик имел солидный доход, ко-

торый обеспечивали ему чадолюбивые родители, охотно вручавшие требуемые суммы. Старый инвалид неукоснительно соблюдал деловую этику и всегда предупреждал клиентов, что он не всесилен, но, разумеется, сделает все, что в его силах, хотя гарантировать успех не может и в случае, если их дочь или сын не будут зачислены в студенты, обещал вернуть деньги. И действительно, когда он терпел неудачу, родители получали деньги обратно. Но часто на его долю один за другим выпадали успехи, и, соответственно, росла его жаждавшая платить клиентура.

Что же он делал за эту плату? Ничего! Пальцем о палец не ударял, никого не искал и ни с кем не говорил, никаких связей ни среди преподавателей, ни в руководстве институтов у него не было. Но он справедливо рассчитывал, что, во-первых, родители, горящие желанием посадить свое дитя на студенческую скамью, не станут полагаться на него одного, испробуют и иные каналы, заручатся, посредством подношений, помощью других благодетелей, повыше. И один из этих рычагов сработает — какой именно, им никогда не узнать. Во-вторых, весьма вероятно, что подстегиваемый амбициями молодой человек хорошо подготовится к вступительным экзаменам и, преодолев все трудности, возьмет препятствие. Ну, а уж если ничего не выйдет, деньги, конечно, будут возвращаться³⁰.

Хищение государственной собственности не отягощалось никакими моральными переживаниями. Вошедшая в обиход народная шутка даже одобряла воровство: «Если вы не воруете у государства, вы обворовываете собственную семью». Подобный образ мыслей привел к разложению всей страны.

Общее послабление позволило смелым духом бросить вызов режиму, так родилось явление, именовавшееся «диссидентством». Диссидентов наказывали обычным способом, который брежневский шеф безопасности Юрий Андропов дополнил такой новацией, как помещение в психиатрические больницы, где диссидентов доводили до одури лекарственными препаратами и подвергали прочим пыткам. Подсчитано, что в конце 1980-х годов штат КГБ составлял 480 000 сотрудников, из них приблизительно четверть миллиона вместе с десятками миллионов осведомителей служили в контрразведке и занимались слежкой внутри страны³¹. Но движение инакомыслящих уже не могло остановиться и, несмотря на их малочисленность, диссиденты продолжали подрывать престиж государства.

Тот же результат имели и процессы, разворачивавшиеся в зависимых от СССР странах Восточной Европы. В 1956 году, когда венгры подняли восстание, чтобы вернуть национальную независимость, Москва сокрушила их военной силой. То же произошло в 1968 году, когда чешские коммунисты попытались демократизировать социализм. Но когда в 1970-е годы в Польше возникло мощное профсоюзное движение «Солидарность», бросившее прямой вызов коммунистическому режиму, Москва уже не решилась вмешаться. Опасаясь, что это движение перекинется на советских рабочих, Москва настояла, чтобы разгром «Солидарности» взяли на себя польские коммунисты. После долгих колебаний в декабре 1981 года польское правительство ввело в стране военное положение и арестовало почти всех лидеров рабочего движения.

В середине 1980-х годов Советский Союз стоял перед лицом кризиса, подлинного, а не созданного

искусственно для оправдания диктатуры. Он был вызван прогрессирующей атрофией всех сфер общественной жизни. Впервые коммунистический режим столкнулся с проблемой, которую нельзя было решить силой. Требовались далеко идущие реформы — иначе сказать, уступки.

Решение оттягивалось избранием на пост первого секретаря дряхлых и иногда больных людей, которые не решались раскачивать лодку. Но в 1985 году больше выжидать было невозможно. Коммунистический блок оказался, если воспользоваться ленинским определением, в «революционной ситуации»: правительства стран блока не могли далее править по-старому, а народ не собирался больше терпеть такое правление. В результате возникла патовая ситуация, которая могла разрешиться революционным взрывом. Чтобы избежать этой опасности, в 1985 году политбюро назначило первым секретарем своего относительно молодого члена Михаила Горбачева. Перед ним стояла задача реанимировать систему, не затронув при этом ее основ. Задача оказалась невыполнимой, потому что любые попытки реформ наталкивались на сопротивление окопавшейся номенклатуры, которая их саботировала. К 1988 году Горбачев и его советники пришли к выводу, что коммунизм не поддается реформированию, и приступили к преобразованию СССР в демократическое социалистическое государство.

Сначала пришла гласность, означавшая конец государственного режима всеохватной секретности и значительное ослабление цензуры. Власть столкнулась с дилеммой: по-прежнему глушить общественное мнение, и тем самым постепенно душировать страну, или же дать свободу, что было чревато разрушитель-

ным взрывом. Горбачев выбрал путь контролируемого, как он надеялся, взрыва. Это оказалось крайне опасным шагом. Андропов, многолетний глава КГБ и первый преемник Брежнева, предупреждал, что ослабление контроля над выражением мнений может погубить весь режим в целом:

Слишком много групп [населения] находились под гнетом в нашей стране ... Если мы сразу откроем все клапаны, и люди станут рассказывать о своих бедах, начнется потоп, сдержать который нам будет не под силу³².

Копившиеся невзгоды, получив выход, действительно выплеснулись наружу, потопив официальные мифы и все покоившееся на них сюрреалистическое существование.

Горбачев не остановился на гласности, он положил конец монополии коммунистической партии, созвав Съезд народных депутатов, часть из них была напрямую избрана гражданами. В первый раз после 1917 года стране было дано право голоса на выборах руководителей. Оказались избранными множество некоммунистов и даже антикоммунистов, в том числе Борис Ельцин, неортодоксальный глава московской партийной организации, который завоевал себе популярность борьбой с привилегиями номенклатуры. Далее события развивались с головокружительной быстротой. В 1989 году рухнула Берлинская стена, символ непроницаемого барьера между Востоком и Западом, потому что Москва отказалась направить войска на помощь восточногерманскому правительству, пытавшемуся удержать власть. Страны-сателлиты одна за другой заявляли о независимости от Москвы. Тщетными оказались попытки удержать от

этого шага советские республики. В декабре 1991 года после неудавшегося путча твердолобых коммунистов, стремившихся предотвратить распад СССР, Ельцин, ранее в том же году избранный президентом Российской республики, объявил Россию суверенным государством, так что распад Советского Союза стал свершившимся фактом. Одним из своих первых указов он поставил коммунистическую партию вне закона. Новое правительство ввело демократию и свободный рынок. Номенклатура, которая могла повернуть события вспять, была подкуплена предоставленной ей возможностью стать владелицей значительной части государственной собственности.

Стремительность развития событий продемонстрировала хрупкость империи, выглядевшей нерушимой; ее распад напомнил крушение царской империи тремя четвертями столетия ранее. В обоих случаях жесткость режима и отсутствие тесной связи с народом оставило его в час испытаний без поддержки.

Коммунизм в России просто изжил себя. Он требовал слишком много и давал слишком мало, порождая апатию, позволяя людям лишь мелкие радости и лишая их перспектив на будущее. К 1980-м годам даже советская элита утратила веру в коммунизм, видя, как остальной мир обходит страну по всем статьям, кроме военных расходов и потребления алкоголя. Она лишилась самоуверенности, оказала слабое сопротивление и, присвоив большую долю государственной собственности, равнодушно восприняла падение режима.

IV

Восприятие коммунизма на Западе

Мартовская революция в России сначала не вызвала большого интереса на Западе: ведущая швейцарская газета «Нойе Цурхер цайтунг», из которой Ленин впервые узнал о беспорядках в своем отечестве, поместила эту информацию на второй полосе как новость не слишком большого значения. Погруженной в кровопролитную войну Европе было не до событий в далекой России, которую после поражений 1915 года не приходилось принимать в расчет в качестве воюющей стороны. Последовавшие все-таки вялые отклики были одобрительными, поскольку связывались с надеждой, что Временное правительство, пользовавшееся на первых порах почти единодушной поддержкой, возобновит военные действия. Соединенные Штаты, всегда готовые приветствовать новых членов сообщества демократических госу-

дарств, первыми признали новое правительство и установили с ним дипломатические отношения.

Одобрительное отношение к революции в России не сразу изменилось и после того, как большевики скинули Временное правительство. Осведомленные о связях Ленина с имперской Германией, союзные державы относились к нему и его режиму с известным опасением, но они настолько были заинтересованы в восстановлении восточного фронта, что готовы были обхаживать любое российское правительство, даже большевистское. Это ухаживание прекратилось в марте 1918 года после подписания Брестского мира, в соответствии с которым Россия вышла из войны. Теперь союзники начали поддерживать белые армии, формировавшиеся на юге России и в Сибири и заявившие о намерении свергнуть прогерманское большевистское правительство и возобновить военные действия против Центральных держав. Помощь в основном сводилась к материальным поставкам. Небольшие воинские контингенты союзников с согласия Ленина высадились в портовых городах Мурманске и Архангельске с целью предотвратить их захват немцами. Американские войска высадились в Восточной Сибири, главным образом, чтобы не допустить захвата этого обширного региона Японией. Если не считать стычек случайного характера, ни англичане, ни американцы в военных действиях не участвовали. Миф о массивной капиталистической интервенции во время гражданской войны в России был позже состряпан Сталиным как часть пропагандистской кампании, направленной против Запада.

Прекращение военных действий в ноябре 1918 года лишило вмешательство союзников в российские

дела какого-либо оправдания. Если англичане продолжали все же помогать белым в ходе гражданской войны, то делали они это в основном по настоянию Уинстона Черчилля, первого лорда Адмиралтейства, который в числе немногих других понимал, какую опасность несет миру коммунизм; точно так же в 1930-е годы он предвидел нацистскую угрозу. Он носился с фантастической идеей международного крестового похода для отстранения коммунистов от власти. Изнуренная войной Европа оставила эти предложения без внимания. В Англии Дэвид Ллойд-Джордж, либеральный премьер-министр, нуждавшийся в поддержке со стороны тори, поддакивал Черчиллю, а сам готов был договориться с Лениным, в котором видел для британских интересов меньшую угрозу, чем в реставрации царизма. К концу 1919 года, когда белые армии были уже близки к поражению, Ллойд-Джордж решил, что с него довольно, и распорядился прекратить поддержку белых. Черчилль, вынужденный подчиниться, все же предупреждал об опасности будущей коалиции Германии, Советской России и Японии:

Мы можем бросить Россию, но Германия и Япония этого не сделают. Новые государства, которые, как мы надеемся, появятся на востоке Европы, будут раздавлены, оказавшись между русским большевизмом и Германией... Через пять лет или даже раньше станет ясно, что мы лишились всех плодов победы.

В 1921 году, Англия, задававшая в таких делах тон, приступила к торговым переговорам с Советской Россией; вскоре последовало и ее дипломатическое признание. Остальная Европа последовала этому

примеру. Соединенные Штаты, единственная из великих держав, отказались признать правительство, провозгласившее своей целью уничтожение международной государственной системы; они сделали это только в 1933 году.

Советское правительство строило свои международные отношения на двух различных уровнях: дипломатии и подрывной деятельности. В 1920-х годах советские «политические представители» забрали в свои руки посольства царского правительства в столицах «буржуазных» стран, где стали вести свою работу с той же благопристойностью, что и дипломаты любой другой страны. Но настоящая их деятельность протекала скрытно: здесь трудились агенты Коммунистического Интернационала, чьей задачей было свержение тех самых правительств, при которых были аккредитованы советские полпреды. Всякий раз, когда зарубежные страны начинали протестовать, Москва с невозмутимым видом заявляла, что коммунистические партии и Интернационал это общественные организации, за действия которых она ответственности не несет.

Если союзники поддерживали антикоммунистические силы в России без большого воодушевления, нерешительно и терзаясь сомнениями, Москва оказывала содействие антидемократическим силам на Западе всеми имевшимися в ее распоряжении средствами.

Третий Интернационал или Коминтерн, который Троцкий называл «генеральным штабом мировой революции», был образован в Москве в марте 1919 года, но оформился лишь годом позже, летом 1920-го, когда Гражданская война фактически завершилась, и коммунисты могли заняться международными дела-

ми. Настроение царило боевое: Красная армия, практически не встречая сопротивления, наступала на Варшаву и, казалось, ничто не могло ей помешать вступить в Германию и Англию, которые, по мнению Ленина, созрели для революции. Резолюция Второго конгресса Коминтерна (1920) начиналась с утверждения, что «пролетариат стоит перед решающей битвой. Эпоха, в которую мы живем, это эпоха открытых гражданских войн. Бьет час решения»¹. В секретном послании Сталину, находившемуся в это время на польском фронте, Ленин писал:

Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию а, может быть, также Чехию и Румынию. Надо подумать внимательно. Сообщите Ваше подробное заключение. Немецкие коммунисты думают, что Германия способна выставить триста тысяч войска из люмпенов против нас².

Последняя фраза этого послания показывает, что Москва намеревалась после захвата Польши двинуть Красную армию в Германию и помочь там своим сторонникам прийти к власти.

Как показали события, Ленин совершенно неверно оценивал положение в Европе. Опыт октября и ноября 1917 года, когда ему пришлось преодолеть колебания своих помощников и совершить государственный переворот, убедил его в том, что осторожность равнозначна трусости; теперь его престиж стоял в партии так высоко, что он увлек за собой даже наиболее скептически настроенных.

На конгрессе Коминтерна в 1920 году присутствовали революционеры из многих стран Европы и дру-

гих континентов, они были готовы порвать с умеренными социалистами и принять руководство российских большевиков, единственных марксистов, преуспевших в создании социалистического государства. Ленин не делал секрета из того факта, что он рассматривает Коминтерн как ответвление российской коммунистической партии, организованное по ее подобию и подчиненное ее приказам. Конгресс 1920 года потребовал от делегатов, чтобы они призвали своих членов к «железной воинской дисциплине» и проявляли «самое полное товарищеское доверие» к центру, то есть к Москве. В качестве ближайшей задачи они должны были проникать во все массовые организации в своих странах и подчинять их себе. С этой целью в профсоюзах коммунисты должны, по словам Ленина, «в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды»³. Конечной целью партий-членов объявлялось содействие Коминтерну в проведении «вооруженного восстания» против существующих буржуазных правительств и замена их коммунистическими режимами. В конечном счете, это должно было привести к образованию всемирной советской социалистической республики.

Конгресс почти единодушно принял перечень двадцати одного условия приема в Коминтерн. Вот самые важные из них:

2. Каждая организация, желающая принадлежать к Коминтерну, обязана ... удалять реформистов и сторонников «центра»;
3. Коммунисты обязаны повсюду создавать параллельный нелегальный аппарат, который в решающую минуту мог бы помочь партии исполнить свой долг перед революцией;

14. Каждая партия, желающая принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязана оказывать беззаветную поддержку каждой советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил;

21. Члены партии, принципиально отвергающие обязательства и тезисы, выставленные Коммунистическим Интернационалом, должны исключаться из партии ⁴.

Поскольку все, чего Москва не одобряла, по определению было «контрреволюционным», статья 14 установила принцип, что для коммунистов всех национальностей интересы и желания Советского Союза должны стоять на первом месте, выше интересов их собственных стран.

Движимый обычной ленинской энергией, Коминтерн осуществил по всей Европе раскол социалистических движений и создание коммунистических партий, которые он тайно финансировал и которыми руководил. В этом отношении Коминтерн добился успеха. Но в том, что касается его конечных целей, Коминтерн потерпел сокрушительное поражение. Во-первых, его заявления о том, что капиталистические страны находятся на грани гражданской войны, оказались совершенно неверными, и ни в одной из стран Запада такая война не вспыхнула, а там, где такая угроза возникала, ее быстро устраняли. Во-вторых, хотя коммунисты добились значительного влияния в мощных профсоюзах некоторых стран, особенно с преобладающим католическим населением (в Испании, Италии и Франции), нигде они не смогли завоевать парламентского большинства. В результате даже там, где коммунистические партии пользовались значительным влиянием, они превратились в постоянную оппозицию, изолированную, а потому

бессильную. Работая по жестким приказам из Москвы и считая социал-демократов главными врагами, они ослабляли как социалистическое, так и коммунистическое движение, и в некоторых странах проложили тем самым дорогу правым диктатурам, первыми жертвами которых сами и становились.

Наиболее ясно это проявилось в Веймарской Германии. Здесь в конце 1920 годов в ожесточенном конфликте друг с другом сошлись три партии: социал-демократы, коммунисты и нацисты. В этой схватке Москва неизменно благоволила нацистам, предпочитая их социал-демократам, которых она именovala «социал-фашистами» и продолжала считать своим главным врагом. В соответствии с этой логикой Москва запретила немецким коммунистам сотрудничать с социал-демократами. На решающих выборах в рейхстаг в ноябре 1932 года социал-демократы получили более 7 миллионов голосов, а коммунисты — 6 миллионов, вместе они имели на полтора миллиона голосов больше, чем нацисты. В парламенте они получили 221 место против 196 у нацистов. Объединив свои силы, две левые партии разгромили бы Гитлера на выборах и не дали бы ему получить пост канцлера. Таким образом, молчаливое согласие между коммунистами и национал-социалистами разрушило демократию в Германии и привело Гитлера к власти.

В 1930-е годы, когда Советский Союз переживал самые болезненные испытания — коллективизацию, голод и Большой Террор, — его образ на Западе заметно улучшился благодаря двум событиям, глубоко травмировавшим Запад и лишившим его веры в собственные силы: депрессии и подъему нацизма. Массовая безработица, поразившая промышленные де-

мократии, казалось, подтверждала предсказание Маркса, что капитализм обречен на глубочайший кризис, который и приведет его к краху. Контраст между коммунистической Россией, осуществлявшей грандиозную программу экономического строительства, обеспечившую полную занятость, и Западом с его остановившейся промышленностью убеждал многих либерально настроенных наблюдателей в том, что капитализм действительно обречен. Коммунизм также завоевывал сторонников, отстаивая за рубежом политику, запрещенную и тяжело наказуемую в СССР, например, право рабочих создавать организации и удовлетворение требований равноправия национальных меньшинств (например, чернокожие в Америке). Такой же эффект имела поддержка Советским Союзом антифашистов во время гражданской войны в Испании.

Большинство европейских коммунистов и тех, кто им симпатизировал, знали, конечно, об отвратительных сторонах коммунистического правления, но разными способами пытались их оправдать: винили во всем внешние обстоятельства, такие как наследие царизма и враждебность «капиталистического» Запада, или же видели в них неизбежные побочные эффекты беспрецедентных усилий, связанных со строительством совершенно нового общества. Писатель Артур Кёстлер, который вступил в Германскую коммунистическую партию в 1932 году и год провел в Советском Союзе (он порвал с коммунизмом в 1938 году), следующим образом объяснял процессы, позволявшие как членам партии, так и сочувствующим закрывать глаза на террор и голод, на которые советский режим обрек свой народ:

Я научился автоматически расценивать все, что меня шокировало, как «наследие прошлого» и все, что мне нравилось, как «ростки будущего». Включив в своем мозгу эту сортировочную машину, европеец в 1932 году все еще мог жить в России и оставаться коммунистом⁵.

Кёстлер сравнивал вступление в коммунистическую партию с духовным преображением:

Сказать, что ты «увидел свет», будет слабым описанием душевного восторга, известного только новообращенным... Кажется, будто новый свет льется со всех сторон и проникает в голову, все мироздание приобретает законченную форму, будто в головоломке, где разрозненные куски волшебным образом соединяются между собой. Теперь есть ответ на любой вопрос, сомнения и конфликты остаются в мучительном прошлом... Теперь ничто не может потревожить внутренний мир и безмятежный покой новообращенного — кроме периодически возникающего страха снова лишиться веры, и тем самым потерять то единственное, ради чего стоит жить, и снова погрузиться в окружающую тьму⁶.

В Северной Европе и Соединенных Штатах, где ни социализм, ни коммунизм практически не имели сторонников, Москва приобрела полезных союзников среди либералов и «попутчиков», в основном интеллектуалов, которые, не вступая в партию, сочувствовали ее целям. Они имели важнейшее значение для коммунистов, потому что, в отличие от членов партии, которых подозревали в том, что они говорят по партийной команде, высказывали личные убеждения. Образ мыслей попутчиков отлично виден на примере Линкольна Стеффенса, который в 1919 году отчеканил знаменитую и часто цитируемую фразу о Советской России: «Я видел будущее, и оно действует».

Выяснилось, что он записал эти слова в поезде, следовавшем через Швецию в Москву, еще до того, как ступил на советскую землю. Позже, отдыхая в Карлсбаде, модном чешском курорте, он написал другу: «Я патриот России, Будущее — там. Россия победит и спасет мир. Я в это верю. Но жить там я не хочу».

Классическими попутчиками были Сидней и Беатриса Вебб, уважаемые английские социалисты, политическая и научная карьера которых восходит к Фабианскому обществу. Супруги Вебб сначала относились к большевистскому режиму враждебно, но в 1932 году радикально изменили свои взгляды. Они отправились в трехнедельную поездку по СССР, где их ждал королевский прием. Их воодушевило все увиденное и, по их собственным словам, «они влюбились в Россию». В 1935 году, работая по печатным материалам, которыми их снабдили российские хозяева, они опубликовали двухтомный трактат «Советский коммунизм, новая цивилизация?» (в издании 1941 года вопросительный знак был опущен). Обращаясь с советскими документами так, как если бы то были официальные английские источники, проверив в советском посольстве каждую страницу «на наличие возможных ошибок», они создали оторванный от действительности отчет о советской жизни, не обнаружив ни малейшего понимания пропагандистского назначения литературы, из которой черпали информацию. Достаточно сказать, что на основании советских писаний они отрицали, что Сталин — диктатор; более того, утверждали они, он правит коллегиально и, по их мнению, имеет меньше власти, чем президент Соединенных Штатов или британский премьер-министр. Полицейский террор, голод и цензуру они

либо игнорировали и минимизировали, или характеризовали как практику, сравнимую с тем, что делается в капиталистическом мире. Но при всем этом их фабианский соратник Бернард Шоу приветствовал пухлый и некритичный трактат объемом почти в 1200 страниц как «первый истинно научный анализ советского государства».

В 1942 году Беатриса Вебб опубликовала более краткий труд на ту же тему «Правда о Советской России», в котором, ссылаясь на советскую «конституцию» 1936 года, называла СССР «самой широкой и уравновешенной демократией в мире».

Супруги Вебб были слишком умны и хорошо знакомы с научными методами, чтобы не отдавать себе отчета в односторонности своих суждений о советском коммунизме. Если они все же не нарисовали более объективную картину, то причину следует искать в отчаянной психологической потребности — иметь перед глазами некий совершенный мир в то время, когда западная цивилизация по всем признакам приближалась к окончательному краху. Чтобы нарисовать этот мир, они мысленно включали ту самую «сортировочную машину», о которой говорил Кёстлер, и которая помогала им отбрасывать всю информацию противоположного толка.

Но, разумеется, не все западные интеллектуалы поддались этому поветрию. Интересно, что глубже всего разглядели картину за коммунистическим фасадом не ученые — будь то естественники или общественники, — а гуманитарии: прозаики, поэты и философы. Не поддавшись абстракциям, с помощью которых интерпретировалась действительность, они увидели ее такой, какова она есть.

Бертран Рассел, видный английский философ, посетил советскую Россию в 1920 году в составе делегации английских лейбористов. Он ждал встречи с советским экспериментом с самыми добрыми чувствами: капитализм, с его точки зрения, был обречен, тогда как «коммунизм нужен миру... Большевизм заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества». Это он написал по возвращении в своей *Практике и теории большевизма*. Но подобные чувства вызывала у него «теория». «Практика», которую разглядел его острый глаз, наполнила его скепсисом: он с огорчением отметил квазирелигиозный фанатизм большевиков, их нетерпимость и догматизм. Он усомнился, можно ли построить коммунизм в такой бедной стране, как Россия, большинство населения которой коммунизму враждебно.

Французский писатель Андре Жид, точно так же говоривший о своем «восхищении» и «любви» к Советскому Союзу, начинал как еще один классический попутчик. СССР был для него «больше, чем обетованной землей»; это была утопия «в процессе превращения в реальность». Он приехал с визитом летом 1936 года, когда шел позорный «судебный процесс» над Каменевым и Зиновьевым. По возвращении во Францию он выпустил тоненькую книжицу «Возвращение из СССР». В этом путаном отчете о поездке, где восхваление и осуждение противоречат друг другу, и отсутствует ясный вывод, Жид оправдывал свое право критиковать советский эксперимент «именно в силу моего восхищения». Находясь в России, писал он, «я лил слезы от переполнявшей меня радости, нежности и любви». И все же...

Жид признался, что его расстроила летняя Москва, где все было в белом и выглядели одинаково. Выскользнув из роскошного отеля «Метрополь», где хозяева разместили его в шестикомнатном номере, он был расстроен, увидев как люди выстраиваются в очереди у магазинов еще до открытия в надежде купить «отвратительные» товары. Он был неприятно поражен «инертностью» масс и преобладающим конформизмом, чудовищным невежеством о зарубежных странах, появлением «мелкобуржуазного» духа, деградацией художников и писателей. Роскошь, которой хозяева окружали почетных иностранных гостей вроде него, и которая находилась в немыслимом контрасте с преобладавшей вокруг бедностью, была ему отвратительна.

Хотя Жид подтвердил свою любовь к Советскому Союзу, он немедленно стал объектом злобных нападок; сначала его обвинили в «поверхностных» и «поспешных суждениях», а потом, когда Москва дала соответствующий сигнал, его назвали «Иудой» и фашистским агентом. Он откликнулся «Запоздалыми мыслями об СССР», где открыто осудил то, во что коммунисты превратили Россию: страна эта «предала все наши надежды».

Европейские социалисты, которых коммунисты безжалостно шельмовали, называя «социал-фашистами», неохотно отвечали контробвинениями из опасения оказать услугу контрреволюции. Второй Интернационал, влачивший между двумя мировыми войнами жалкое существование, не обращал внимания на призывы русской эмиграции твердо выступить против преследования своих товарищей-социалистов в СССР. Конгресс Второго Интернационала в

1923 году заявил, что любая иностранная интервенция против СССР будет нацелена

не на исправление ошибок нынешней фазы русской революции, но на подавление самой революции. Она все не приведет к установлению подлинной демократии, а лишь посадит правительство кровавых контрреволюционеров, которое станет орудием эксплуатации русского народа империализмом Запада.

Можно было бы ожидать, что самые решительные противники коммунизма на Западе найдутся среди деловых людей, но на деле многие из них заняли нейтральную или дружественную позицию по отношению к советскому правительству. Они, прежде всего, были склонны считать коммунистическую идеологию кормом для масс, дурманом, прикрывавшим самые обыкновенные материальные интересы элиты. И даже если коммунисты верят в то, что проповедуют, деловой опыт быстро излечит их от утопии. В 1920 году Ллойд-Джордж выразил эту мысль, оправдывая решение начать торговые переговоры с Москвой:

Нам не удалось вернуть Россию к здравому смыслу силой. Я верю, что мы можем это сделать и спасти ее посредством торговли. Коммерческие операции сами по себе производят отрезвляющий эффект. Простые действия сложения или вычитания денежных величин быстро кончат с дикими теориями⁷.

И, согласно Генри Форду, реакционеру и антисемиту, чем больше будут русские индустриализироваться, тем лучше они будут себя вести, потому что «правила механики [и] правила морали в основе своей одни и те же».

Эгоистические коммерческие интересы подпитывали подобные попытки выдавать желаемое за действительное. Международное деловое сообщество видело в Советской России один из потенциально крупнейших рынков в мире, и когда Москва начала ускоренную индустриализацию, иностранные бизнесмены, страдавшие от депрессии, наперебой бросились выполнять заказы для сталинских пятилеток. Некоторые из крупнейших предприятий, построенных в СССР в 30-е годы, создавались при техническом содействии и под руководством западных фирм. Именно Форд построил первый автомобильный завод в Нижнем Новгороде (Горьком), западные фирмы возвели и гигантские металлургические заводы в Магнитогорске на Урале.

Нацисты въехали во власть на платформе, в которой главное место отводилось антисемитизму и антикоммунизму. В отличие от Советского Союза, прятавшего свое варварство за стеной почти тотальной цензуры, и заявлявшего о приверженности всем тем гуманным и демократическим идеалам, которые сам же и крушил, нацисты, действуя в центре Европы, не могли и не желали скрывать, что они суть не кто иные, как благородные варвары. Поступая таким образом, они немедленно навлекли на себя враждебность лидеров общественного мнения на Западе, и поскольку Советский Союз — по крайней мере, на словах — выступил против нацизма, когда западные правительства занимались его умиротворением, он извлек из этой ситуации немалые выгоды. Самыми эффективными шпионами в пользу Советского Союза до и во время второй мировой войны были люди, которых привлекла антифашистская позиция Москвы.

Отношения между нацизмом и коммунизмом были куда сложнее, чем можно судить по их внешне непримиримой враждебности. Эти движения не только озлобленно противостояли одно другому, но и сотрудничали между собой.

Прежде всего, у них был общий враг, а именно — либеральная демократия с ее приверженностью гражданским правам, частной собственности и миру. Оба тоталитарных режима относились к человеку как расходному материалу для строительства нового общественного порядка и созидания «нового человека». В отличие от Советского Союза, нацистская Германия терпела частную собственность, но относилась к ней как к праву, которое отнюдь не священно, а может быть в любую минуту отменено, и регулировала ее скрупулезно на пользу государства. Оба режима с презрением относились к пацифизму: по словам Ленина, «лозунг мира» это «обывательский, поповский лозунг». Придя к власти, Ленин настаивал на невозможности сосуществования между коммунизмом и «империализмом»: один или другой должен победить, а пока этого не произошло, «ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен»⁸. Что касается Гитлера, то прославление им милитаризма и целеустремленное строительство германских вооруженных сил в порядке подготовки к войне слишком хорошо известны и не требуют доказательств.

Но сходства между нацизмом и коммунизмом было еще больше. Гитлер извлек огромные выгоды из существования советского государства, используя его и как угрозу для запугивания немецких избирателей, и как образец для подражания в становлении

своей диктатуры. Одним из факторов, использованных им в ходе решающих выборов 1932–33 годов, приведших его к власти, был страх захвата власти коммунистами. По его просьбе рейхстаг вручил ему чрезвычайные полномочия, возложив на коммунистов вину за поджог здания рейхстага. Указ о защите народа и государства, который подвел юридическую базу под гитлеровскую диктатуру, просуществовавшую до краха Третьего рейха в 1945 году, ограничивал личные свободы, свободу печати, собраний и объединений, а также право частной собственности и узаконил ее конфискацию. Эти меры, не имеющие прецедента на Западе, но хорошо известные историкам ленинской России, официально наделяли фюрера неограниченной властью, какой де-факто пользовались правители Советского Союза.

Гитлер нашел в Советском Союзе готовую модель однопартийного государства, с помощью которой он осуществлял власть, возложенную на него мартовским указом 1933 года. Этот тип государства традиционно именуется «тоталитарным», термином, введенным итальянским диктатором Бенито Муссолини для обозначения своего фашистского режима. Тоталитарное государство ставит своей целью уничтожение всяких различий между собой и гражданами (обществом), проникая во все сферы организованной жизни и контролируя их. Оно достигает этой цели с помощью правящей партии, которая пользуется политической монополией и управляет, полагаясь на тайную полицию, наделенную неограниченными полномочиями. В таком государстве закон является не средством защиты личности, а механизмом государственного управления.

В последние годы некоторые политологи на Западе стали отрицать реальность тоталитарной модели на том основании, что ни одно государство никогда не могло добиться той степени контроля, какую предполагает данная концепция. Даже в сталинской России, утверждают они, поневоле допускалось существование различных групповых интересов и в какой-то мере учитывалось общественное мнение. При всей справедливости подобных возражений понятия тоталитаризма они не разрушают. Все политические определения относительны. Говоря словами гарвардского политолога Карла Дж. Фридриха,

Историческая уникальность любой конфигурации не означает, что она «полностью» уникальна, потому что ничто не уникально. Все исторические явления относятся к широкому классу аналитических объектов... Достаточно неоднородная структура различных элементов... создает историческую уникальность⁹.

Так, «демократия», то есть власть народа, как давно было отмечено, поддается особому влиянию элит и лоббистов. Никогда не существовало неограниченно свободного рынка, заложенного в понятие капитализма: даже в условиях наименьшего государственного вмешательства в экономику в середине девятнадцатого века правительства в некоторой степени ограничивали и регулировали частное предпринимательство. Тот же стандарт применим и к тоталитарной модели.

Амбиции тоталитарных режимов настолько велики, что оказываются недостижимыми в полном объеме. Но даже когда они реализуются частично, создаются условия, совершенно отличные от самых авторитарных режимов прошлого:

Поскольку тоталитарное правление стремится к невозможному и желает распоряжаться личностью человека и его судьбой, оно может быть реализовано только фрагментарно. В самом его существе заложена недостижимость цели в ее полном виде, оно поневоле должно остаться тенденцией, претензией... Тоталитарное правление не есть глубоко продуманный порядок, работающий с равной эффективностью во всех своих звеньях. Таким он хотел бы быть и где-то он может приблизиться к идеалу, но, если рассматривать его в целом, его претензия на власть реализуема лишь в расплывчатом виде, с разной степенью интенсивности в разное время и в разных жизненных сферах; при этом тоталитарные и нетоталитарные черты всегда переплетены. Но именно поэтому последствия притязаний на тоталитарную власть столь опасны и гнетущи: они столь расплывчаты, столь неисчислимы и столь трудно очерчиваются... Это искажение проистекает из неосуществимого притязания на власть: оно характерно для жизни при таком режиме и затрудняет ее понимание посторонними¹⁰.

Принципиальное различие между тоталитарными режимами коммунистической и «фашистской» разновидности состоит в том, что первый мыслил глобально, а второй все внимание отдавал нации: «фашистские» режимы тоже принимали концепцию классового конфликта, но видели его в борьбе «имущих» и «неимущих» наций. Это сформулировал Муссолини в речи перед палатой депутатов в 1921 году, за год до прихода к власти. Обращаясь к депутатам-коммунистам, он говорил:

Между нами и коммунистами нет политической, но есть интеллектуальная близость. Как и вы, мы считаем необходимым централизованное и унитарное государство, требующее от всех железной дисциплины, с одной только разницей: вы приходите к этому выводу, исходя из понятия класса, а мы — из понятия нации¹¹.

Один из парадоксов истории заключается в том, что попытки коммунистов подорвать Запад привели к прямо противоположному результату. Намеренный раскол социалистических партий ослабил дело марксизма. В то же время советский пример оказал огромное влияние на «фашизм», который использовал коммунистическую опасность для запугивания населения и лишения его прав, и, следуя ленинско-сталинской модели, создал тоталитарный режим, едва не уничтоживший Советский Союз.

Несмотря на то, что в 1930-е гг. Советский Союз и его коммунистическая идеология завоевали немало сторонников на Западе, ничто не свидетельствовало о том, что симпатия к нему может стать реальной силой. Как уже отмечалось, западные коммунистические партии даже там, где они твердо стояли на ногах, оставались в изоляции. В 1935 году, напуганная подъемом антикоммунистических, «фашистских» режимов, Москва изменила свою политику, строившуюся на отношении к социалистам как к злейшим врагам, и приказала коммунистическим партиям вступать в союз с ними, а также и с другими группами, противостоявшими фашизму. Недолговечные правительства Народного фронта, образованные во Франции (1936–37) и Испании (1936–39) не смогли ввести коммунистические партии в главное русло политической жизни.

Выстраивая антифашистские коалиции, Сталин сохранял корректные отношения с Муссолини и Гитлером, увенчавшиеся нацистско-советским Пактом о ненападении 1939 года, когда СССР практически присоединился к державам оси.

Близость тоталитарных режимов, вне зависимости от того, исповедовали они интернационализм и коммунизм или расизм и национализм, нашла выражение в восхищении, которое лидеры этих режимов питали друг к другу. Когда германские и советские армии схватились между собой, Гитлер высказывался в частном кругу о «гении» Сталина и рассуждал о том, не стоит ли с ним объединиться для сокрушения западных демократий¹². Мао Цзэдун, коммунист настолько радикальный, что и Советский Союз представлялся ему отступником от истинной веры, попав на пике культурной революции под огонь критики за уничтожение многих товарищей-коммунистов, отвечал: «Вспомните вторую мировую войну, жестокость Гитлера. Чем больше жестокости, тем сильнее революционный энтузиазм»¹³.

Вторая мировая война, в которой Сталин одержал победу, не считаясь с жизнями своих подданных, не дала ему власти над Европой. Но из войны он вышел во главе большей части восточной половины Европы, оккупированной его войсками, установившими там коммунистические режимы. В течение двух-трех лет после окончания войны Сталин позволял этим странам некоторую меру политического разнообразия под коммунистическим контролем. Но после 1948 года, когда Иосип Броз Тито, коммунистический правитель Югославии, упрочил свою независимость от Москвы и порвал с ней, Сталин навязал своим восточноевропейским подданным однопартийное правление. Польша, Чехословакия, Венгрия, Восточная Германия, Румыния и Болгария, номинально оставаясь суверенными, фактически, с не-

большими отклонениями, превратились в «сателлитов» — клонов советского государства, полностью от него зависели, особенно во внешнеполитических делах. Советская империя расширилась и превратилась в Советский блок.

Запад в целом примирился с советским господством в большей части Восточной Европы, поскольку был не в силах этому помешать. Он молчаливо признал в этом регионе советскую сферу влияния и, если бы Москва удовлетворилась своими послевоенными достижениями, отношения между Востоком и Западом могли стабилизироваться. Если же эти завоевания вылились в то, что стало называться «холодной войной», то произошло это потому, что коммунизм по самой своей природе не мог пребывать в стабильности и довольстве: ему нужны были кризисы, ему требовалась экспансия.

Союз военного времени начал рушиться на заключительном этапе второй мировой войны, когда в ее исходе уже не оставалось сомнений. Распался он в 1945–46 годах, после того как Москва денонсировала договор о ненападении с Турцией 1925 года и предъявила этой стране неприемлемые территориальные требования. Вскоре после этого коммунисты развязали гражданскую войну в Греции. Англия выступила в защиту обеих стран, но, истощенная войной, была не в состоянии держаться этой линии длительное время. В 1947 году по инициативе президента Гарри Трумэна задачу сдерживания СССР взяли на себя Соединенные Штаты, сначала в соответствии с так называемой доктриной Трумэна о помощи Турции и Греции (март 1947 года), а затем на основе плана Маршалла (июнь-июль 1947 года), обеспечившего

существенную финансовую помощь в деле восстановления Западной Европы. В апреле 1949 года Соединенные Штаты предприняли беспрецедентный шаг, вступив в оборонительный союз с десятью западноевропейскими странами и Канадой для взаимопомощи против внешней агрессии (Организация Североатлантического договора или НАТО). Понятно, что под внешним агрессором подразумевался советский блок. Штаб-квартира НАТО разместилась в Париже, ее первым верховным главнокомандующим стал американский генерал Д. Эйзенхауэр. После того как коммунистическая Северная Корея вторглась в июне 1950 года в Южную Корею — как тогда подозревали, а теперь подтвердилось — по инициативе Москвы, союзники объявили Западную Германию суверенным государством и пригласили ее в НАТО (май 1955 года). Москва немедленно ответила созданием Варшавского пакта восьми европейских коммунистических стран. Произошла институционализация холодной войны.

Море чернил было затрачено на создание истории холодной войны. Некоторые историки возлагают вину на Соединенные Штаты и их союзников; другие делят ответственность между Востоком и Западом. Нельзя отрицать, что Запад, прежде всего Соединенные Штаты, неоспоримый лидер союза, иногда чрезмерно реагировали на советскую угрозу: какую бы опасность ни представлял коммунистический блок для глобального баланса сил, никогда не было ни малейшей опасности захвата коммунистами Соединенных Штатов. И все же теперь, когда страсти поутихли, трудно избавиться от впечатления, что подавляющая часть ответственности за холодную войну

ложится на Москву. Все-таки именно Москва громко и ясно провозгласила свое намерение повсюду поддерживать гражданские войны и насаждать коммунистические режимы; пункт 17 в правилах приема в Коминтерн недвусмысленно провозглашал: «Коммунистический интернационал объявил решительную борьбу всему буржуазному миру...». СССР выполнял это намерение всякий раз, как возникала соответствующая возможность, даже когда в разгар второй мировой войны он в угоду своим новым западным союзникам распустил Коминтерн.

И если требуются еще какие-то доказательства, стоит отметить, что едва Советский Союз прекратил свое существование, и власть в России перешла к демократически избранному правительству, отрекшемуся от коммунизма, как холодная война сразу же закончилась. Новый президент России Борис Ельцин в июне 1992 года, выступая в палате представителей конгресса США, заявил:

Мир может вздохнуть с облегчением. Идол коммунизма, повсюду сеявший социальную смуту, вражду и неслыханную жестокость, наполнивший человечество страхом, рухнул. Он рухнул, чтобы никогда не подняться¹⁴.

Похоже, что, по крайней мере, у Ельцина не было сомнений по поводу того, на ком лежала вина за холодную войну.

Коммунизм расплодил множество террористических движений, которые имели мало, а то и вовсе никакого отношения к марксизму или социализму; они служили главным образом для прикрытия криминальной деятельности: похищений людей, вымога-

тельств, убийств. Типичными для этого жанра, весьма распространенного в 1970-е годы, были организации типа группы Баадер-Майнхоф в Германии (теперь стало известно, что ее поддерживала секретная восточногерманская служба), Красных бригад в Италии, Прямого действия во Франции и японской Красной армии. Состоявшие из мелких групп интеллектуалов, эти партии осуществляли террор против известных бизнесменов и политических деятелей, ставя своей целью сокрушение «капитализма». С течением времени все они были ликвидированы.

Эти анархические всплески, вдохновлявшиеся лидерами третьего мира, вроде Мао Цзэдуна и Че Гевары, отражали отчаяние фанатиков в связи с тем, что казалось приспособленческим по отношению к капиталистическому Западу курсом после-сталинского советского руководства. Главное русло радикальной европейской политики пролегло в противоположном направлении — в сторону приспособления коммунизма к современной действительности. Это движение нашло наиболее яркое воплощение в том, что в 70-е годы стало называться еврокоммунизмом.

Сразу после второй мировой войны европейские коммунисты, пользуясь громадным престижем Советского Союза, внесшего большой вклад в победу, завоевали новых сторонников. В некоторых европейских странах они вошли в коалиционные правительства. Однако в 1950–60 годы их влияние пошло на убыль. Тому способствовали многие обстоятельства: разоблачение Хрущевым сталинских зверств, военное подавление попыток чехословаков и венгров избрести собственную разновидность коммунизма,

отождествление коммунизма с антисемитскими преследованиями, в первую очередь в Польше.

Еврокоммунизм был попыткой повысить в глазах избирателей привлекательность коммунизма за счет отмежевания от советских репрессий и экономической отсталости. Еврокоммунисты, наибольшим влиянием пользовавшиеся среди интеллектуалов Франции, Испании и Италии, хотели пойти по пути, более отвечающему европейской политической традиции. Сантьяго Каррильо, генеральный секретарь испанской коммунистической партии, следующим образом охарактеризовал в 1976 году цели этого движения:

Партии, придерживающиеся «еврокоммунистического» направления, согласны в необходимости движения к социализму по пути демократии, многопартийности, парламентских и иных представительных институтов, суверенитета народа, регулярно поддерживаемого всеобщими выборами, независимых от государства профсоюзов, свободы оппозиции, защиты прав человека, религиозной свободы, свободы культурного, научного и художественного творчества и развития широчайших форм народного участия на всех уровнях и во всех сферах социальной деятельности.

То были прекрасные намерения, но для Ленина каждое из них звучало бы анафемой. Поэтому абсолютно некорректно характеризовать это движение «умеренной версией коммунизма»: недолговечные и безуспешные попытки ввести коммунизм в главное русло политической жизни реально означали отказ от всего, за что ратовал коммунизм.

Еврокоммунизм оказался мимолетной вспышкой. В 1980-е годы коммунистические партии по всей Европе вновь оказались на обочине. Их звездным часом

были парламентские выборы в Италии и Франции в 1978–79 годах, когда они получили соответственно 30,4 и 20,6 процента голосов. Однако в наиболее индустриально развитых странах Европы доля их избирателей оставалась ничтожной: 0,05 процента в Великобритании и 0,3 процента в Западной Германии¹⁵. Тенденция к снижению продолжалась.

После развала Советского Союза европейские коммунисты пережили множество перемен и расколов. Твердолобые партии и фракции приписывали этот развал горбачевским компромиссам с капитализмом и продолжали придерживаться сталинского курса. Другие повернулись спиной к традиционному коммунизму. Так, итальянская коммунистическая партия, самая многочисленная и наименее доктринерская, тихо сменила название на «Демократическая партия левых». Большинство других точно так же расстались с коммунистическими лозунгами и символами.

Коммунизм оказался безнадежной идеей: западная политическая культура сплотилась против жесткой идеологии, хотя и западной по происхождению, но получившей свой законченный вид в незападной среде. Коммунизм на Западе растворился в демократическом обществе и затем тихо сошел со сцены.

V

Третий мир

Каждая коммунистическая страна, каждая партия имеет свою историю и свои региональные, местные особенности, но всегда можно заметить, что так или иначе они следуют образцу, созданному в Москве в ноябре 1917 года. Эта родственная связь включает в себе своего рода генетический код коммунизма¹.

Родственная связь, упоминаемая в приведенной цитате, определяется тем фактом, что коммунизм повсюду приходил в жизнь одним из двух путей: либо его навязывала советская армия (как в Восточной Европе), либо он появлялся, обычно с советской помощью, в странах, чья политическая культура (отсутствие устоявшихся традиций частной собственности и власти закона, наследие самодержавия и так далее), как и социальная структура (преобладание крестьянства, недостаточное развитие среднего класса) напоминали положение в России до 1917 года. Хотя коммунизм был скроен для передовых промышленных обществ, на практике он пустил корни только в отсталых аграрных странах. Там он и следовал установившемуся образцу.

Из рецептуры марксизма-ленинизма такие страны брали:

1) единоличное правление партии, монополизирующей власть, организованной на армейских началах и требующей беспрекословного себе подчинения;

2) отсутствие для этого режима правления каких бы то ни было ограничений;

3) отмена частной собственности на средства производства и сопровождающая ее национализация всех людских и материальных ресурсов;

4) пренебрежение к правам человека. Такие режимы представляли партию всемогущей и всезнающей, настаивали, что она всегда права, и не признавали никаких пределов ее власти. Почти неизменно воплощением «партии» становился вождь, который олицетворял партийное дело и превращался в некое божество.

Существует расхожее мнение, что коммунизм рождается из бедности. В действительности дело обстоит иначе: бедные страны не делают выбора в пользу коммунизма. Нигде в мире большинство бедняков, или вообще какое-либо большинство, не отдавало своих голосов за передачу власти коммунистам. Скорее дело обстоит так, что у бедных стран понижена сопротивляемость коммунистическим захватам власти, потому что у них отсутствуют институты, которые в более богатых и продвинутых обществах преграждают путь честолюбивым диктаторам-радикалам. При отсутствии институтов, обеспечивающих богатство, особенно прав собственности и власти закона, страны остаются бедными и в то же время уязвимыми для воцарения самовластных правителей правого или левого толка. Говоря словами одного исследователя, изучавшего наиболее крайний из известных коммунистических режимов, камбоджийский, «отсутствие эффективных структур, связывавших

между собой население и его сменявших друг друга лидеров, предрасположило общество к безудержному применению власти»². Таким образом, те самые факторы, прежде всего беззаконие, которые удерживают страны в бедности, содействуют и коммунистическим переворотам.

Действие этих факторов имело и другие последствия. На Востоке с древнейших времен отсутствие частной собственности на землю означало, что выдвинуться и разбогатеть можно было одним-единственным способом — обратить на себя внимание верховного властителя. (В государственных должностях, соответственно, видели не службу, а средство личного обогащения). Естественно, поэтому, что на соучастие в делах коммунистических режимов, державших в своих руках всю власть и все богатство, смотрели, как на основной способ обеспечить себе общественное положение, как равным образом и благосостояние. (Это относится, конечно, и к России).

На заре двадцатого столетия европейские коммунисты недоумевали, почему это не происходит крах капитализма, предсказанный Марксом и Энгельсом. Ревизионисты решали эту проблему признанием, что в данном конкретном вопросе Маркс и Энгельс допустили ошибку. Однако для ортодоксальных марксистов такое решение было неприемлемо, потому что их учение, объявленное наукой, не позволяло мириться с какими бы то ни было отклонениями или исключениями, существовать оно могло только в своей нерушимой целостности.

Столкнувшись с этой проблемой, Ленин воспользовался работой английского экономиста Дж. А. Гобсона «Империализм», где колониальные захваты тол-

ковались как результат погони капиталистов за новыми экспортными рынками и сферами приложения капитала. Ленин развил этот тезис в книге «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916–17), где он доказывал, что колонии играют важную роль в спасении капитализма от гибели, поддерживая его большую экономику и предоставляя возможности подкупа рабочего класса. Поэтому удар по имперским владениям великих держав становится важной составной частью современной революционной стратегии.

Трудность на пути выполнения этой задачи состояла в том, что в азиатских, африканских, латиноамериканских колониях и полуколониях капиталистических государств было мало либо вовсе не было промышленности и, соответственно, не было сколько-нибудь численно значительного промышленного пролетариата. Из затруднительного положения, когда разжигать пролетарские революции приходилось в странах, лишенных собственной индустриальной базы, Ленин стремился выйти с помощью предложенной им Второму конгрессу Коминтерна программы по колониальному вопросу, исходившей из двух посылок: 1) у этих стран есть возможность непосредственно перейти от «феодализма» к социализму, минуя капиталистическую стадию развития; 2) действующие там коммунисты могут в борьбе против иностранных империалистов вступать в союз (временный, конечно) с местной «национальной буржуазией».

Идеи Ленина встретили серьезные возражения со стороны нескольких делегатов Коминтерна из колониальных стран, для которых их национальная буржуазия была столь же ненавистна, как и иностранные

империалисты. Но Ленин настоял на своем, и Коминтерн взял установку на то, что получило название «национально-освободительных» войн, в которых коммунисты, сохраняя собственные взгляды, вели борьбу за общенациональное дело и сотрудничали с другими антиимпериалистическими силами.

Попытки проводить эту политику на деле неизменно кончались провалами: рассчитывая использовать националистов в своих целях, коммунисты оказывались в положении, когда использовали их самих.

В 1918–19 годах союзные армии оккупировали Западную Анатолию и Константинополь, столицу Османской империи, поверженного партнера Германии в первой мировой войне. Изгнание иностранных пришельцев было провозглашено задачей движения, которое возглавил Кемаль-паша (Ататюрк). В 1920 году Кемаль предложил Москве сотрудничать в борьбе против оккупационных держав. Москва с готовностью согласилась, и в 1921-м подписала с ним Договор о дружбе, по которому стороны обязывались совместно вести борьбу против «империализма». Следуя практике Коминтерна, Москва сочетала это межгосударственное сотрудничество с подрывной деятельностью. Недавно рассекреченный документ из архива КПСС свидетельствует, что даже во время прилюдных лобзаний с турецкими националистами Москва тайно плела заговор, направленный на их свержение. Директива, составленная Лениным в конце 1920 года, гласила:

Не верьте кемалистам; не давайте им оружия; направляйте все усилия на советскую агитацию среди турок и на подготовку прочной и способной победить своими силами советской партии в Турции³.

Кемаль, со своей стороны, радуясь советской помощи и намереваясь построить однопартийное государство по советскому образцу, не имел ни малейшего намерения терпеть коммунистов на турецкой земле. Через два месяца после того, как агент Коминтерна основал Турецкую Коммунистическую партию, он и его сообщники были найдены мертвыми; их гибель почти наверняка была делом рук кемалистов.

Гораздо большее по масштабам, но сходное по своей природе фиаско советская политика потерпела в Китае. Китаю Коминтерн придавал огромное значение, и он вселял необычайно большие надежды. Европейские державы и Япония нещадно эксплуатировали эту самую многонаселенную страну мира. Эксплуатация намывала почву для ксенофобии: Китай кипел ненавистью к иностранцам, которая время от времени взрывалась насилием. Сунь Ятсен, глава Гоминьдана (Национальной партии), правившего Китаем после 1911–12 годов, восторгался Советским Союзом, который сумел стряхнуть с себя чужеземное экономическое и политическое господство. Оставаясь страной преимущественно сельскохозяйственной, Китай, тем не менее, располагал отрядами рабочего класса, занятого главным образом в легкой промышленности и сосредоточенного в Шанхае. Ленин возлагал на Китай огромные надежды, пусть и явно впадая в преувеличение, когда говорил прибывшим из Пекина дипломатам, что китайская революция, в конечном счете, свалит мировой империализм.

Чан Кайши, выдвинувшийся в лидеры Гоминьдана в 1920-е годы, находился под сильнейшим воздействием советского примера и приветствовал потоком

хлынувших в Китай московских «советников». Коммунистическая партия Китая, образованная по указке Москвы в 1921 году и состоявшая почти исключительно из людей образованных и студентов, сохраняла, как того требовали правила Коминтерна, самостоятельность, но после 1923 года многие ее члены на индивидуальной основе вступили в Гоминьдан. Делали они это, следуя указаниям из Москвы, которая рассчитывала таким путем создать в Китае антиимпериалистический фронт. Этой цели соответствовали и предложенная ею Гоминьдану помощь военными и политическими советниками. Между двумя партнерами было, однако, множество разногласий, которые особенно усилились после 1925 года, когда Сунь Ятсен умер, и власть взял в свои руки Чан Кайши. В апреле 1927-го Чан Кайши исключил коммунистов из своей партии и тысячи их уничтожил.

Из такого поворота событий Сталин сделал вывод о бесполезности попыток приручить национализм третьего мира и приспособить его к коммунистическим целям. Исходя из этого, в 1928 году Коминтерн на своем VI Конгрессе отказался от политики поддержки «национальной буржуазии». С этого времени и вплоть до смерти Сталина двадцать пять лет спустя СССР резко сокращал свою деятельность в колониальных и полуколониальных странах. Соответственно, он прекратил сотрудничать с местной «буржуазией», зачислив ее в «лакеи» империалистических держав, и продолжал держаться этой позиции, даже когда колонии добивались независимости. Так, Большая Советская Энциклопедия в томе, вышедшем в 1953 году, называла Махатму Ганди «агентом британского империализма». Зато свою опору СССР видел в

коммунистических партиях, легальных и нелегальных, независимо от их численности. В 1948 году по наущению Москвы коммунисты подняли вооруженные восстания в ряде стран Юго-Восточной Азии — в Бирме, Малайе, Индонезии и на Филиппинах; все они были подавлены. Преуспели коммунисты только в Индокитае (во Вьетнаме), где в 1954 году местная партизанская армия изгнала французов из северной части страны. При жизни Сталина внешняя политика СССР была сосредоточена на наращивании собственной индустриальной и военной мощи и разжигании распрей между великими державами.

Внешне победа, одержанная в 1949-м китайскими коммунистами над Гоминьданом, и захват ими всей континентальной части Китая выглядели грандиозным успехом коммунистического дела. Марксистско-ленинское движение единым махом вовлекло в свои ряды полмиллиарда человек, почти удвоив численность тех, кто жил под властью коммунистов до этого. Но эта победа оказалась спорным достижением, потому что она была куплена ценой единства международного движения: коммунистический Китай вскоре пошел самостоятельным путем, внося раскол в движение. Национализм опять взял верх над верностью классовым интересам.

В октябре 1927 года китайские коммунисты, те, что сохранились после разгрома их организации Чан Кайши, отступили в отдаленные сельские районы. Мао Цзэдун, один из их лидеров, некогда горячий приверженец Гоминьдана, свои следующие двадцать лет провел в политической пустыне, занимаясь строительством партизанской армии. В 1931 году китайские коммунисты провозгласили создание Китайской

Советской республики. Ни тогда, однако, ни во время второй мировой войны Сталин не выказывал намерений их поддерживать. Начать с того, что защита интересов СССР на Дальнем Востоке заботила его больше, чем распространение там коммунизма; а интересы СССР требовали, чтобы Китай был сильным, единым, способным сдерживать Японию. Гоминьдан представлялся Сталину гораздо более подходящим на роль силы, которая сможет это обеспечить, и поэтому он предпочел поддерживать субсидиями Чан Кайши. Позднее Сталину пришлось учитывать опыт с независимой коммунистической партией Югославии, которая под руководством Иосипа Броз Тито в 1948 году отказалась исполнять указания Москвы и порвала с нею. Опасаясь, как бы Китай не превратился в еще одно «титоистское» государство, Сталин пытался убедить Мао прийти к согласию с Чан Кайши. Мао пренебрег этим советом и, стоя во главе крестьянской армии, не прекращал вести военные действия, добиваясь покорения всего Китая.

Сталин продолжал опекать Мао, даже когда тот стал неоспоримым хозяином Китая. Мао так зависел от экономической и военной поддержки со стороны СССР, что вынужден был некоторое время смирять свою гордость и признавать значение Советского Союза как лидера и образца для подражания. Но с приходом к власти Хрущева позиция Мао изменилась, потому что преемники Сталина виделись ему предателями общего дела. В 1959 году отношения между Москвой и Пекином дошли почти до разрыва, в значительной мере из-за отказа Москвы поделиться с Пекином ядерной технологией. Год спустя Хрущев в одностороннем порядке отозвал из Китая своих технических советников.

Мао вскоре разработал некую идиосинкразическую разновидность коммунизма. По словам одного ведущего знатока этой темы, «главные ценности», которые отстаивала идеология Мао, «представляются совершенно чуждыми марксизму», и она всего лишь наглядно показывает «безграничную гибкость всякой доктрины, едва она набирает исторический вес»⁴. Почти по любому важному вопросу Мао ставил Маркса с ног на голову. Вместо опоры на промышленных рабочих как главного творца революции, в ранг ведущего революционного класса он стал возводить крестьянство: мировую революцию, утверждал он, осуществят не европейцы (к числу коих он относил и русских), а народы Азии, Африки и Латинской Америки. Он также отверг изречение Маркса, гласившее, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»⁵, то есть мысли и чувства людей зависят от материальных условий их жизни. В противоположность этому, Мао настаивал, что поведение определяется идеями: «объективные факторы», которым марксизм отводит решающую роль, это в представлении Мао «буржуазное» понятие. Они не могут остановить массы, проникшиеся решимостью что-либо совершить. Соответственно, в знании содержится потенциальное зло, ибо оно мешает быть решительным; это объясняет, почему чересчур много читать вредно. Не изменения экономических и социальных условий, а изменения культурной и интеллектуальной «надстройки» позволят создать новое общество и нового человека. Это был ревизионизм особого вида: если западный ревизионизм, поднявшийся после Эдуарда Бернштейна, стремился подправить учение Маркса, приспособив

ливая его к действительности, то ревизионизм Мао предпочитал на действительность внимания не обращать.

Выдвижение столь неортодоксальных идей повело к разногласиям с Москвой. Двадцатый съезд партии в Москве принял политику разрядки в отношениях с Западом и провозгласил, что война не является больше необходимостью в борьбе за всемирное торжество коммунизма, поскольку мир сам по себе неумолимо движется к коммунизму. Мао не принимал этого нового курса, руководствуясь убеждением, что появление у Советского Союза межконтинентальных ракет оправдывает наступательную политику по отношению к Западу. Как и Ленин, Мао исходил из неизбежности войн с капитализмом. Он отвергал доктрину Хрущева, согласно которой коммунизм может одержать верх, не прибегая к насилию, действуя парламентскими методами. Он предпочитал насилие. («Война это высшая форма борьбы и разрешения противоречий», «Политическая власть рождается из дула винтовки»)⁶.

Соответственно, Мао отметал довод о том, что изобретение термоядерного оружия покончило с войной как политическим действием. Он презрительно отзывался об атомной бомбе, называя ее «бумажным тигром, которым реакционеры стараются запугать народы. Кажется страшным, но в действительности ничего страшного нет»⁷. Далее он заклеил как предательскую начатую в 1968 году политику заключения договоров о контроле над вооружениями, и его возмущало представление, будто термоядерная война проложит конец жизни на земле. С поразительной беззаботностью он писал:

Если дойдет до худшего и половина человечества погибнет, другая половина останется, тогда как империализм будет повергнут в прах и весь мир станет социалистическим; через несколько лет появятся новые 2700 миллионов человек и наверняка даже больше⁸.

Сохраняя верность сталинской линии, он отверг послесталинскую стратегию поддержки режимов, установившихся в бывших колониях, — таких как правление Неру в Индии и Насера в Египте.

Но как ни велики были расхождения в стратегии и тактике, глубинной основой разраставшегося конфликта, который в 1969 году вылился в столкновения на советско-китайской границе, были не они, а вопрос о гегемонии в мировом коммунистическом движении. Москва всегда настаивала, что ей принадлежит безусловное лидерство в этом движении, и от этого своего притязания, формально закрепленного в 1920-м в уставных документах Коминтерна, она никогда не отказывалась. В 1956 году в Варшаве, выступая без протокола, Хрущев поведал, что Сталин говорил Мао, будто Москве должно принадлежать последнее слово во всех делах, касающихся коммунистического лагеря. После 1956 года Мао отказался играть по этим правилам, потому что, как отмечено выше, в преемниках Сталина он видел предателей марксизма-ленинизма. Теперь он считал самого себя не только равным московским правителям, но и полагал, что превосходит их. Даже не став еще правителем Китая, он стал возводить себя в авторы марксистского учения, рассчитанного на страны, лежащие за пределами Запада, в которых совершать революции предстояло крестьянству. Уже в 1945 году, утверждал один из его близких сподвижников, «великим достижением Мао Цзэдуна

стало изменение марксизма как европейского учения и придание ему азиатской формы», в которой оно будет направлять огромную часть человечества, живущую в тех же условиях, что и китайцы. Позднее, стремясь вытолкнуть Советский Союз из Африки, Пекин обратился к расистской аргументации и стал обвинять русских в том, что они, будучи «белыми», совершенно не в состоянии понимать жителей Востока или африканцев. В Китае Мао прославляли как пророка истинной веры. Вполне типичным было название книги, изданной в Пекине в 1966 году: *Сияние мысли Мао Цзэдуна озаряет весь мир*. Таким образом, «то, что начиналось как спор о выборе революционных стратегий, стало зародышем борьбы за власть в международном коммунистическом движении»⁹. Советско-китайский конфликт выявил основополагающий и неисправимый изъян коммунистического дела. Он показал, что коммунисты других стран готовы принимать руководство Москвы лишь до тех пор, пока у них нет существенной внутренней опоры у себя дома, и они зависят от поступления финансовой и военной помощи из Москвы. Но при таком положении вещей их место оказывается на обочине национальной жизни, и они пребывают в бессилии. Если же они завоевывают на родине значительную поддержку, как это случилось в Югославии и в Китае, они становятся самостоятельной политической силой, то есть существенным приобретением для международного коммунизма, но в этом случае не желают больше следовать указаниям русских или признавать верховенство интересов Советского Союза. В результате возникало противоречие: чем больше коммунисты других стран преуспевали, тем более независимыми они станови-

лись, и тем меньше Москва могла ими управлять. Москве поэтому приходилось решать, чьи интересы отстаивать — собственные или международного коммунистического движения. Если советское руководство всерьез намеревалась добиваться распространения коммунизма, ему следовало отказаться от притязаний на ведущую роль и от теории, утверждавшей, что интересы коммунизма и интересы Советского Союза — это одно и то же. Но тогда международное движение распалось бы на части и оказалось во власти центробежных сил, утратив в результате то, что Ленин считал важнейшим достоянием своего режима — строгий централизм.

Стратегия поддержки антиимпериалистических сил третьего мира, которую после смерти Сталина взяли на вооружение его преемники, в 1950-е годы выглядела гораздо более осуществимой, чем за тридцать лет до того, потому что после второй мировой войны имперские державы предоставили независимость большинству своих колоний. В их числе были такие густонаселенные и стратегически расположенные страны, как Индия, Индонезия и Египет. Во главе их стояли неопытные, обычно испытывавшие недостаток в денежных средствах национальные лидеры, которые в политическом суверенитете видели всего лишь первый шаг на пути к подлинной независимости, которая должна опираться на экономическую самодостаточность. Они восторгались Советским Союзом как страной, вырвавшейся из отсталости и набравшей индустриальную мощь; они хотели брать с него пример и гостеприимно встречали советников и помощь из Москвы. В ряде случаев честолюбивые диктаторы смотрели также на Советский

Союз как на гарантию своего пребывания у власти: в обмен на провозглашение своих стран «социалистическими» они получали поддержку спецслужб и вооруженных сил коммунистического блока в противодействии своим внешним и внутренним соперникам.

С 1956 года Москва развернула в третьем мире активную деятельность с целью сколотить против Запада, и особенно против Соединенных Штатов, союз, охватывающий половину мирового населения. Использовались разные средства создания опорных пунктов. В Индии она финансировала строившийся под руководством ее инженеров гигантский сталелитейный завод, в других местах она строила электростанции и пекарни. В Египте Москва содействовала строительству Асуанской плотины, впервые давшей возможность контролировать ежегодные разливы Нила. Такие действия должны были контрастировать со «своекорыстным» поведением капиталистического Запада. Москва вооружала арабов против Израиля и Эфиопию против Сомали. Во всех этих случаях московские «советники» прибывали следом за помощью, что позволяло Москве устанавливать свое физическое присутствие по всему миру. Предоставление помощи рождало также экономическую зависимость, прокладывая путь зависимости политической.

В конечном счете, эта амбициозная и дорогостоящая политика принесла очень скромные плоды. Советский Союз просто не располагал экономическими ресурсами, чтобы играть роль, которая отвечала бы задачам его новой политики в третьем мире. В одну страну за другой, от Ближнего Востока до Африки, Москва бросалась с расчетом обратить в свою пользу тамошний вакуум власти, предоставляла финансо-

вую и военную помощь, и все только для того, чтобы столкнуться с непредвиденным развитием событий, устранявшим ее союзника, либо обнаружить, что он передумал и сменил позицию. Как было кем-то замечено, купить лидеров третьего мира нельзя, их можно только взять взаймы.

Деятельность Москвы в третьем мире имела то главное следствие, что она встревожила Запад и обострила холодную войну. Она также сильно обременила ее казну. Марксисты-ленинцы, считая свое учение наукой, старались анализировать свой опыт и учиться на ошибках, допущенных, по их мнению, не столько в понимании конечных целей движения, которые не могли подвергаться сомнению, сколько в стратегии и тактике борьбы за них. Ленин усвоил из Маркса, что для предотвращения контрреволюции ему следовало беспощадно расправиться со всей институциональной структурой капитализма. Оценивая ревизионизм преемников Сталина, Мао пришел к выводу, что разрушения институтов недостаточно, нужно еще изменить человека. Марксизм, разумеется, всегда считал изменение человека своей высшей и конечной целью. Но Мао решил, что достичь ее надлежит без промедления, и всю систему своего правления он подчинил претворению этой цели в жизнь.

Китайские коммунисты установили тоталитарный режим, скроенный в близком соответствии с советским образцом. Первоначально Мао также в точности копировал сталинскую экономическую политику, проводил коллективизацию сельского хозяйства и осуществлял пятилетние планы индустриализации. Но были и различия. Одно из них состояло в том, что в отличие от советской диктатуры, наследницы ца-

ризма, которую мало беспокоило, что там люди думают, лишь бы они вслух выказывали единодушие и прикидывались верующими, китайские коммунисты преисполнились решимости добиться подлинного интеллектуального и духовного единства народа*. Своими корнями такая установка уходила в конфуцианство с его упором на достижение совершенства и требованием, чтобы основой управления служила нравственность, а не голое принуждение. Но непосредственно эта установка вытекала из опасений Мао, что без переделки умов его подданных, которая позволила бы им полностью усвоить учение Маркса, Ленина и самого Мао, Китай может постигнуть судьба Советской России, то есть он может погрузиться в ревизионизм и сбиться с верного пути.

Теоретические установки Мао проложили путь немислимым экспериментам, которые все окончились провалом, стоили огромных человеческих жертв и подорвали благополучие народа. Китайские граждане, особенно люди умственного труда, заподозренные в отсталых или подрывных мыслях, подлежали систематическому «перевоспитанию», часто в концентрационных лагерях, где они подвергались тому, что вполне удачно называлось «промыванием мозгов». Это было издевательство над думающими людьми с расчетом сломить их дух.

* Многие наблюдатели считали отличительной чертой советского коммунизма верность населения принудительно навязанной идеологии. К этому неверному заключению могло приводить то обстоятельство, что на протяжении первых сорока лет существования советского режима все свои сведения об СССР иностранцы получали практически только из советских источников, которые подчеркивали единодушие и всеобщую верность коммунистической идеологии. В действительности дело обстояло совсем не так.

Те же теоретические послылки послужили семенами, из которых выросла начатая в 1958 году политика Большого скачка. Вдохновляясь желанием показать миру, что Китай превзошел русских в отыскании лучшего и более быстрого пути преодоления экономической отсталости, Мао объявил, что Китай намерен за пять лет обогнать Великобританию по добыче угля и производству стали. Сделать это должны были более полумиллиарда человек, согнанных в двадцать четыре тысячи «народных коммун», где промышленное производство в примитивных домашних условиях сочеталось с сельскохозяйственными работами. Являя собой типичный пример готовности Мао пренебрегать экономической действительностью, этот замысел строился на теореме, представленной в *Изречениях председателя Мао* (называемой обычно *Красной книжечкой Мао* и единственно доступном тогда в Китае издании). Теорема гласила, что китайский народ это *tabula rasa*:

Кроме других своих отличительных черт, 600-миллионный китайский народ характеризуется еще «бедностью и незапятнанностью». Может показаться, что это плохо, но на самом деле это хорошо. Из бедности вырастает желание перемен, желание действовать и желание творить революцию. Что касается чистого листа бумаги, на котором нет ни единого пятнышка, то на нем могут быть написаны самые четкие и самые красивые иероглифы, нарисованы самые яркие и прекрасные картины¹⁰.

И это говорилось о народе, имевшем за спиной тысячи лет государственности.

Людам, проникшимся решимостью чего-то добиться, не может быть никаких преград: один из лозунгов Большого скачка гласил, что «мы заставим

солнце и луну поменяться местами; мы сотворим для человека новые небеса и новую землю». Таким образом, марксизм, который его основоположники создавали как строго материалистическое учение, стараниями самопровозглашенного марксистского диктатора в Китае превращался в доктрину утопического идеализма, подчинявшую действительность воле человека.

Большой скачок породил такой хозяйственный хаос, что от этой политики пришлось отказаться. Просто потрясает, сколькими человеческими жизнями за него заплатили. Получив после смерти Мао доступ к китайским данным о народонаселении, американские демографы установили, что, по меньшей мере, 30 миллионов человек погибли от голода, о разгуле которого внешний мир даже не слышал¹¹. Но неудача Мао не смутила, и его мегаломания приняла патологические размеры. Ощущая свое растущее одиночество в рядах собственной партии, он в 1966 году развернул новую, ни на что не похожую и разрушительную кампанию, направленную теперь против людей умственного труда и партийных чиновников, способных, как он опасался, завести Китай на тот же предательский путь, по которому пошел Советский Союз. Для участия в этом крестовом походе из городской молодежи были созданы красногвардейские отряды, которые должны были осуществить то, что было названо Великой пролетарской культурной революцией, но вернее было бы назвать зловредной культурной контрреволюцией. Это было беспримерное явление, когда правитель, движимый отчасти желанием возродить в народе революционное рвение, а отчасти манией величия, полностью остановил культурную

жизнь в стране. В течение нескольких лет Китай, одна из старейших цивилизаций мира, подвергался разрушениям со стороны варварских орд, которых учили, что все выходящее за пределы их понимания подлежит уничтожению. В разгар кампании закрывались все школы, изымались все книги, кроме учебников и трудов самого Мао. Был введен запрет на исполнение западной музыки. Хунвейбины хватали людей умственного труда, подвергали их публичным унижениям, многих пытали и убивали. Через такие же мучения прошли и тысячи партийных работников. Этому безумному наступлению на интеллект конец был положен только со смертью Мао в 1976 году. Последствием было то, что целое поколение не только осталось без образования, но и было изуродовано морально и психически.

Хотя в Китае каждый, кто осмеливался выступить с критикой Большого скачка или культурной революции, рисковал немедленно угодить в тюрьму, на Западе находились интеллектуалы, благосклонно воспринимавшие варварство Мао и стремившиеся извлекать мудрость из его бесцветных писаний.

Дэн Сяопин, преемник Мао, положил конец этим диким экспериментам. В 1979 году он начал проводить политику реформ в духе свободного рынка, которые возродили дух предпринимательства. С тех пор Китай, оставаясь коммунистическим по идеологии и форме правления, встал на путь приватизации экономики, что, по существу, означает отказ от главного среди основополагающих принципов коммунизма — уничтожения частной собственности.

Революционные движения и режимы неукоснительно склоняются ко все большему радикализму,

все большей жестокости. Это происходит потому, что после нескольких неудач их лидеры, вместо того, чтобы заняться пересмотром оправдывающих само их существование исходных посылок, предпочитают проводить свои идеи в жизнь более твердо в убеждении, что причиной прежних неудач был недостаток решительности. В конечном счете, когда все равно ничего не выходит, наступает усталость, и наследники отцов-основателей успокаиваются и предаются жизненным радостям, но не прежде чем доходят до крайних форм бесчеловечности.

Как в холокосте получила свое выражение самая сущность национал-социализма, точно так же правление красных кхмеров в Камбодже (1975–78) воплотило в себе коммунизм в его чистом виде — показало, чем он становится, будучи доведен до логического завершения. Его лидеры ни перед чем не останавливались на пути к своей цели, состоявшей в том, чтобы создать первое в мире общество истинного равенства. Они готовы были уничтожить столько жителей своей страны, сколько могло показаться необходимым ради выполнения этой задачи. То было самое крайнее проявление присущего коммунистической идеологии высокомерия, веры в безграничную мощь интеллектуальной элиты, руководствующейся марксистским учением и не знающей никаких ограничений в применении силы для полного переустройства жизни. В итоге последовала разруха неимоверных масштабов.

Вожди красных кхмеров получили высшее образование в Париже, где они усвоили представление Руссо о «естественном человеке», равно как и исходившее от Франца Фанона и Жана-Поля Сартра про-

славление насилия в борьбе против колониализма («Надо убивать, — писал Сартр. — Свергнуть европейца, значит, покончить одновременно и с угнетателем, и с угнетенным»). По возвращении в Камбоджу в горах на северо-востоке страны они создали спаянные крепкой дисциплиной вооруженные отряды, набрав в них преимущественно неграмотных и малограмотных юнцов из беднейших крестьянских семей. Бойцам этого войска, состоявшего по большей части из подростков двенадцати-четырнадцати лет, усиленно прививалась ненависть ко всем, кто не был на них похож, особенно к горожанам и представителям вьетнамского меньшинства. Чтобы воспитать у них «любовь убивать и, следовательно, вести войну», их, как и нацистских эсесовцев, заставляли набираться навыков, мучая и убивая животных.

Их время наступило в начале 1975 года, когда красные кхмеры свергли поставленное американцами правительство Лон Нола и захватили столицу страны Пномпень. Основная часть населения не имела никакого представления о том, что ее ждет, потому что в своей пропаганде красные кхмеры обещали простить всех, кто служил прежнему режиму, и объединить все классы в общем противостоянии «империалистам» и землевладельцам. Но едва войска красных кхмеров вошли в Пномпень, они приступили к осуществлению самых свирепых карательных мер. Считая города рассадниками всяческого зла — «притонами предателей и мошенников», как говорил Фанон, — красные кхмеры приказали всем жителям покинуть столицу (2,5 миллиона человек) и другие городские центры. Переселенцам, которых направляли в сельскую местность, разрешалось захватить только

то, что они могли унести на себе. В течение недели все камбоджийские города опустели. Четыре миллиона человек, то есть 60 процентов населения, были отправлены в ссылку, обречены на жизнь в тяжелейших условиях, изнурительный труд и недоедание. Средние и высшие школы были закрыты.

Затем началась резня. В отличие от Мао, которым он восхищался и которому во многих отношениях следовал, лидер красных кхмеров Пол Пот не стал терять времени на «перевоспитание», а сразу приступил к уничтожению тех, кто был в его глазах действительным или потенциальным врагом нового порядка: всех гражданских и военных служащих прежнего режима, бывших землевладельцев, учителей, торговцев, буддийских монахов и даже квалифицированных рабочих. Людей, принадлежавших к этим категориям, официально отнесенных к низшему разряду граждан и лишенных всех прав, в том числе права получать продовольствие, либо просто расстреливали, либо отсылали на принудительные работы, где они падали замертво от истощения. Численность этих несчастных могла превышать две трети населения. Они систематически подвергались арестам, допросам и пыткам, пока не доносили на других, после чего их казнили. Казнили целые семьи, включая малых детей, ибо Пол Пот считал, что инакомыслие и неправильные настроения, проистекающие из социального положения человека, его образования или занятия, суть «зловредные микробы», разносящие заразу. Члены компартии, заподозренные в способности подхватить болезнь, также подлежали устранению. Вьетнамцы, изгнанные полпотовцев из Камбоджи, обнаружили там горы чрепов, принадлежавших жертвам красных кхмеров.

Не были оставлены в покое и крестьяне, которых загнали в созданные на китайский лад «кооперативы». Государство забирало себе все продовольствие, производившееся в этих коммунах, и подобно тому, как это делалось в Египте времен фараонов, складировало его в храмах и других государственных хранилищах, раздавая затем по собственному усмотрению. Тем самым был опрокинут традиционный деревенский порядок, возникла нехватка продовольствия, которая в 1978–79 годах, после необычайно жестокой засухи, породила массовой голод.

Людей убивали все больше и больше на протяжении всех сорока четырех месяцев, что красные кхмеры правили Камбоджей. Казнили за такие преступления, как опоздание на работу, подача жалоб на плохое питание, критика правительства или половое сношение до вступления в брак. По своей садистской жестокости расправы были вполне сравнимы с бесчинствами нацистов. Так, на границе с Вьетнамом

солдаты красных кхмеров могли схватить вьетнамскую женщину, изнасиловать и затем всадить ей кол или штык в промежность. Беременной женщине вспарывали живот, выдергивали неродившегося ребенка и хлестали им по лицу умирающей матери. Йотхи (молодые люди) развлекались также, отрезая груди вьетнамкам, одаренным пышными формами¹².

Сообщалось о случаях, когда детям приказывали убивать родителей.

Счет жертвам этих зверств ужасает. Согласно заслуживающим доверия оценкам, население Камбоджи ко времени захвата власти красными кхмерами составляло 7,3 миллиона человек; к 1978 году, когда

верх взяли вьетнамцы, оно сократилось до 5,8 миллиона. При естественном приросте населения за прошедшие четыре года оно должно было бы превысить 8 миллионов¹³. Иными словами, на совести полотовского режима смерть примерно двух миллионов камбоджийских граждан, то есть более четверти населения страны. Жертвами стали наиболее образованные и самые квалифицированные представители народа. Этот мрачный эксперимент был назван «человеческой трагедией почти беспримерного масштаба, случившейся потому, что политические теоретики навязали свой грандиозный замысел ничего не подозревавшему кхмерскому народу»^{14*}.

Стоит отметить, что нигде в мире не было демонстраций протеста против этих злодеяний, и Организация Объединенных наций не принимала никаких резолюций в их осуждение. Мир отнесся к ним спокойно, потому, надо думать, что подавались они как действия, совершаемые во имя благородной цели.

Марксистский режим Сальвадора Альенде в Чили в 1970–73 годах представляет собой необычный случай, когда коммунистическую революцию пытались совершить в демократической стране демократическими методами.

В 1960-е годы Чили правили христианские демократы, лидер которых Эдуардо Фрей проводил весьма радикальную социальную и экономическую поли-

* Некоторые западные интеллектуалы, не желая признавать ответственность коммунистов за эту беспримерную бойню, возлагали вину на американцев, которые в 1969–73 годах бомбили Камбоджу, пытаясь разрушить укrywавшиеся там силы Вьетконга. Трудно, однако, понять, каким образом гнев камбоджийцев, направленный против американцев, мог привести их к убийству двух миллионов своих соотечественников.

тику. Фрей, в частности, проводил в жизнь программу далеко идущих аграрных преобразований, предполагавшую экспроприацию крупных земельных владений — с выплатой компенсации. Фрей также национализировал значительную часть горнодобывающей промышленности. Эти меры привели к тому, что чилийское общество расколосось на правых, считавших, что дело заходит слишком далеко, и левых, полагавших эти меры недостаточными. Популярность правительства Фрея была также подточена инфляцией, которая ко времени президентских выборов 1970 года достигла 37 процентов.

На этих выборах три ведущих кандидата шли почти вровень друг с другом. Наибольшее число голосов (36,3 процента) получил Сальвадор Альенде, врач, разделявший марксистские взгляды и представлявший Партию народного единства, блок социалистов и коммунистов. Ближайший его соперник, консерватор, получил 34,9 процента голосов. Поскольку ни одному кандидату не удалось собрать абсолютного большинства, решение вопроса об исходе выборов было передано конгрессу. В течение двух последовавших месяцев Альенде заключил сделку с христианскими демократами, согласившимися поддержать его кандидатуру при условии, что он примет определенные обязательства по соблюдению чилийской конституции. Сюда входили уважение закона и сохранение политического плюрализма. Выразив это в Законе о конституционных гарантиях, конгресс дал Альенде возможность занять президентский пост.

Выбранный Альенде «чилийский путь к социализму» с самого начала был, таким образом, обставлен определенными оговорками, мешавшими осуществ-

лению радикальных намерений голосовавших за него социалистов и коммунистов. Восторгавшийся Фиделем Кастро Альенде бы скорее идеалистом-романтиком, чем революционером-фанатиком. Но его сторонники-доктринеры, полные решимости установить «диктатуру пролетариата» советского образца, все время толкали его влево, и по мере все новых неудач, которые он терпел в своей политике, он становился все большим радикалом. Альенде полагал, что он сможет добиться социалистических целей мирными средствами при условии, что проводимые реформы со временем обеспечат ему поддержку большинства народа. Коммунисты поддерживали эту стратегию, уверенные, что в Чили их целей можно достичь мирным путем. На их беду этого не произошло, отчасти потому, что изданные Альенде социалистические законы оттолкнули от него большую часть населения, а отчасти потому, что обратили в руины экономику страны.

Став президентом, Альенде при распределении постов в своем «Объединенном народном правительстве» поручил руководство экономическими министерствами коммунистам, которые занялись национализацией того, что оставалось от горнодобывающей промышленности, банковской системы и большей части обрабатывающей индустрии. Эти меры принимались на основании указов, в обход законодательной власти. Конфискация медных рудников компаний *Анаконда* и *Кеннекотт* оборвала поступление иностранных инвестиций. Советский Союз пришел на помощь, предоставив Альенде займы более чем на полмиллиарда долларов. Другие страны также предложили свою помощь, но она была недостаточна

для спасения подорванных чилийских финансов. Для покрытия различных социальных расходов, в том числе прибавок к зарплате, правительство обратилось к печатному станку, так что последовавшая инфляция превзошла все, что имело место при Фрее: за три года правления Альенде количество денег в обращении выросло в пятнадцать раз, и инфляция превысила 300 процентов в год.

Наряду с национализацией предприятий правительство проводило коллективизацию сельского хозяйства. Поставив перед собой эту цель, оно терпимо относилось к самозахватам земли и даже поощряло их. Следствием стало резкое падение производства продуктов питания, так что урожаи пшеницы сократились почти в половину. Образовалась острая нехватка продовольствия: ко времени падения правительства Альенде страна располагала лишь четырехдневным запасом муки.

Выступлений с протестами становилось все больше. Самое серьезное было организовано владельцами грузовиков — мелкими частными предпринимателями, возражавшими против планов правительства противопоставить им в конкурентной борьбе национальную транспортную компанию. В двух случаях эти стачки с участием до 700 тысяч человек полностью остановили транспортную систему и повергли в бездействие значительную часть экономики страны. В правоверной коммунистической стране такие выступления полагалось бы объявить контрреволюционными заговорами по подсказке ЦРУ и затем с ними расправиться. Но в Чили при Альенде, притом, что правительство контролировало радио и большую часть печати, сохранялась все-таки значительная

свобода информации, которую невозможно было подавить без риска вызвать национальное восстание. Оппозиционные партии действовали и критиковали правительство. А главное, существовали конгресс и верховный суд.

В августе 1973 года палата депутатов 81 голосом против 45 вынесла заключение, что Альенде нарушил конституцию, присвоив себе законодательные полномочия, допустив пренебрежение законами страны и создав ограничения для свободы слова. Верховный суд, со своей стороны, осудил Альенде за подчинение судебных органов политическим целям. За отсутствием в чилийской конституции положений об импичменте президента палата обратилась к вооруженным силам с просьбой восстановить действие национальных законов. Восемнадцать дней спустя во исполнение этого мандата чилийские военные во главе с генералом Аугусто Пиночетом силой удалили Альенде с его поста*. Новый режим представлял собой диктатуру, которая жестоко расправилась с побежденными социалистами и коммунистами.

Куба — первое и единственное удержавшееся коммунистическое государство в Латинской Америке — являет собой интересный пример личной диктатуры неимоверно честолюбивого политика, который на-

* Вопреки слухам, широко распространившимся тогда и не утихавшим впоследствии, ЦРУ не играло никакой роли в свержении Альенде. Правительство США и частные американские компании пытались помочь некоммунистическим кандидатам на выборах 1970 года, предоставляя им финансовую поддержку, уравновешивавшую средства, которые давали Альенде СССР и Куба. В дальнейшем Вашингтон оказывал также финансовое содействие независимой чилийской печати, но с военными, сбросившими Альенде, США никаких связей не имели. Это было чисто внутреннее дело Чили. См. на эту тему James R. Whelan, "Out of the Ashes", Washington, DC, 1989, p. p. 1027–1048.

шел в коммунистической идеологии оправдание своему честолюбию. «Исторически... кастроизм это лидер, который ищет себе движение, движение, добивающееся власти, и власть, жаждущая обрести свою идеологию»¹⁵.

Вопреки распространенному представлению, докоммунистическая Куба не была ни отсталой, ни преимущественно аграрной страной. По уровню жизни она занимала второе место в Латинской Америке (уступая только Венесуэле с ее богатством, выросшем на нефти); жители страны в большинстве своем были грамотными и проживали в городах. Неверно также говорить, будто экономика страны держалась на сахаре: сахар, действительно, был главным экспортным товаром, но на его долю приходилась только треть, а то и меньше трети, национального дохода. Иными словами, того, что широко принято считать типичными предпосылками коммунистических революций — бедности и отсталости — не было*.

Коммунисты овладели Кубой на волне восстания, поднятого в основном средним классом против диктатуры Фульхенсио Батисты, который в 1952 году отменил конституцию, им же самим введенную во время его прежнего своего законного пребывания в

* Может показаться, что развитие событий в Чили и на Кубе не согласуется с высказанным в начале этой главы общим суждением, что более всего коммунизму удавалось преуспеть в странах, не знавших демократии и частной собственности. Но ни в той, ни в другой из этих двух стран приход коммунистов к власти не был результатом социальной революции. В Чили они установили свое правление мирным путем, на основе соглашения с христианско-демократической партией, соглашения, которое они тут же нарушили. На Кубе же, как будет показано ниже, они взяли власть, выступив во главе общенационального восстания, добивавшегося свержения ненавистного диктатора и восстановления демократии.

должности президента (1933–44). Фидель Кастро, сын богатого плантатора и студент Гаванской школы права, поднялся к власти на волне этого недовольства. Настроенный явно в пользу левых, он, сразу надо сказать, никаким коммунистом не был: более того, у него вообще не было никакой идеологии, а только жажда власти. Марксизмом-ленинизмом начинил его аргентинский революционер Че Гевара. Программа Кастро, рассчитанная на объединение вокруг него всех классов общества, делала упор на восстановление конституции 1940 года, что ставилось высшей целью.

Очень скоро, однако, получив диктаторскую власть в результате по-настоящему народной революции, Кастро «покатился» влево. Он установил однопартийное правительство, провел радикальную аграрную реформу и, поощряемый Советским Союзом, экспроприировал в 1960 году всю американскую собственность, на что президент Эйзенхауэр ответил введением торгового эмбарго. Это эмбарго, в свою очередь, сделало Кубу все более зависимой от Советского Союза. Москва, сначала, правда, поддерживавшая Кастро с осторожностью и с опаской оглядывавшаяся на возможную реакцию со стороны США, постепенно оказалось все же втянутой в кубинскую политику, особенно после того, как в апреле 1961 года Кастро провозгласил Кубу «социалистической» страной. Провал организованного Соединенными Штатами вторжения в районе залива свиней (апрель 1961 года) и разразившийся впоследствии Карибский кризис (октябрь 1962 года), который завершился тем, что Вашингтон взял на себя обязательство уважать суверенитет Кубы, прочно закрепили остров

в составе советского блока. Во время этого кризиса Кастро настаивал, чтобы Москва нанесла по Соединенным Штатам упреждающий ядерный удар, выражая готовность пожертвовать Кубой ради всемирного торжества «социализма»¹⁶. Сдерживавшая его Москва стала теперь главной экономической опорой Кубы, стала закупать большую часть кубинского сахара по искусственно завышенным ценам, снабжать Кубу нефтью и множеством промышленных товаров, предоставлять ей щедрые займы. По данным Рауля Кастро, брата Фиделя, Советский Союз успел до своего распада безвозмездно предоставить Кубе военное оборудование стоимостью в 10 миллиардов долларов. Экономически Куба почти полностью зависела от Москвы.

Взамен Кастро неизменно оказывал поддержку любому советскому действию на международной арене, от интервенции в Чехословакию до вторжения в Афганистан; он предоставил Москве места для разведывательных станций прослушивания и подрядился распространять коммунизм по всей Центральной и Южной Америке. На своем учредительном съезде в Гаване в середине 1967 года кастровская Организация латиноамериканской солидарности (ОЛАС) призвала развернуть партизанские войны во всех странах Латинской Америки.

Внутри страны Кастро ввел режим стандартного советского типа. В течение десяти лет после его прихода к власти были национализированы все секторы экономики, кроме сельского хозяйства, треть которого осталась в руках мелких и средних фермеров. Партия обладала монополией на политическую жизнь.

Рабочие, которых заставляли вступать в управляемые государством профсоюзы, лишились прав на создание самостоятельных организаций, на ведение переговоров с работодателем и права на забастовку. Ощутимые успехи были достигнуты в социальной сфере — в образовании, медицинском обслуживании, в обеспечении жильем — в значительной мере за счет средств, накопленных в докоммунистическое время. С инакомыслием справлялись двумя способами: разрешением на эмиграцию значительной части среднего класса и образованием революционных трибуналов и «трудовых лагерей» советского образца.

Хотя обожествление своих вождей было для коммунистов обычным делом, большинству их лидеров свойственно было держаться в тени, как и подобает богам. Но не в случае с Кастро: он был вездесущ, часами держал в плену аудитории, на которые обрушивал свои речи, убеждал, вдохновлял, грозил. Его риторика часто была заострена против Соединенных Штатов, которые он изображал источником зла и которым ставил в вину все, что не ладилось на Кубе.

Жизненный уровень снижался неукоснительно, отчасти в результате сопротивления, преимущественно пассивного, со стороны рабочих и крестьян, а отчасти из-за того, что наиболее предприимчивые и образованные кубинцы эмигрировали в Соединенные Штаты. Сохранение коммунистического режима стало зависеть от советской поддержки.

Казалось бы, при таком положении вещей после развала Советского Союза и отказа наследовавшего ему правительства Ельцина продолжать оказание помощи Кубе, режим Кастро обречен. Тем не менее, ему удалось выжить. Добиться этого он сумел уступ-

ками иностранным капиталистам, которым были предоставлены ограниченные, но достаточно серьезные возможности для вложений капитала на Кубе. Доллар получил свободу хождения на острове. Режим принял серьезные и успешные усилия в развитии туризма, сделав упор на восхваление не только кубинских пляжей и дешевых курортов, но и красоты и доступности местных девушек. В 1992 году в речи в Национальном собрании Кастро превозносил достоинства здешних проституток, заявляя, что его страна имеет самые низкие показатели распространенности СПИДа. Эта кампания, которая в 1999 году привлекла в страну 1,7 миллиона иностранных туристов, сделала Кубу «одним из самых популярных мест для посещения участниками каникулярных секс-туров — точно таким же, как Таиланд»¹⁷.

Если у Мао и даже у Пол Пота можно еще, по крайней мере, на ранних стадиях их политической карьеры, разглядеть социалистические идеалы, то во многих частях третьего мира, особенно в Африке, подобное увлечение идеями поразительным образом отсутствует. Здесь скупаемые честолюбием политики, минимально знакомые с учением коммунизма и его историей, взывают к Марксу и Ленину, добиваясь двух целей: чтобы проложить себе путь к личному обогащению и чтобы заслужить помощь коммунистического блока в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Классический пример такого мошеннического обращения к марксизму преподнес эфиопский диктатор Менгисту Хайле Мариам, который в период с 1974 по 1991 год превратил свою страну в полнейшего советского сателлита. Член группы армейских офицеров, недовольных медленными продвижения-

ми по службе, майор Менгисту принял участие в перевороте, который в сентябре 1974 года отстранил от власти почтенного эфиопского императора Хайле Селассие. Власть перешла в руки комитета, который назывался *Дерг* и в котором Менгисту играл видную роль. Вскоре внутри *Дерга* начались распри, и три месяца спустя Менгисту устроил военный переворот, поставивший его у власти. Он объявил Эфиопию социалистической страной, быстро оправдав эту заявку национализацией банков и страховых компаний. В марте 1975-го он отменил частную собственность на землю и принудительно объединил крестьян в коммуны, скроенные по рецептам Мао.

В 1976 году Менгисту развернул свой собственный «красный террор»: множество его жертв — счет шел на тысячи — составили студенты-марксисты. Их уничтожали с помощью примерно десяти тысяч агентов, присланных спецслужбами Советского Союза и Восточной Германии. Советский Союз, который первоначально захватил себе плацдарм на Африканском Роге, поддержав режим «научного социализма», провозглашенный военной хунтой в соседнем Сомали, теперь бросил эту страну, остановив свой выбор на Эфиопии. В 1977 году, когда сомалийцы вторглись в Эфиопию с намерением аннексировать район Огадена, коммунистический блок обеспечил Менгисту солидной поддержкой, в частности, послав ему на подмогу около пятнадцати тысяч кубинских наемников. Благодаря своей военной помощи коммунистический блок приобрел в Эфиопии большое влияние. Это сыграло решающую роль в отпоре сомалийским вторжениям, как и в подавлении освободительного движения Эритреи.

Однако разрушение экономики, к которому привела принудительная коллективизация, дополнительно осложненное чередой засух, породило в 1984–85 годах голод, который унес в Эфиопии почти миллион жизней. Вслед за крушением Восточной Германии в 1989 году внутреннее положение Менгисту пошатнулось; к 1991 году, когда распался СССР, правитель Эфиопии оказался в изоляции. Свергнутый в том же году, он нашел себе убежище в Зимбабве. Так завершилась история того, о чем говорилось как о «наиболее успешном марксистско-ленинском эксперименте в Африке»¹⁸.

Трудно, однако, в номинально «социалистической» Эфиопии приметить что-либо, кроме беспощадной военной диктатуры, перенимавшей советскую и китайскую практику, подстраивая ее под свои политические нужды.

В 1970-е и 1980-е годы в третьем мире, как и в Западной Европе и Японии, появились террористические движения, нападавшие на институты демократии и капитализма под знаменами марксизма-ленинизма, сталинизма или маоизма, хотя на деле больше общего они имели с анархизмом.

Типичным явлением этого рода явилась коммунистическая партия Перу, широко известная как «Светлый путь». Основанная бывшим преподавателем философии Абимаэлем Гусманом Рейносо и вобравшая в свои ряды молодых интеллектуалов, она взялась наживать политический капитал на недовольстве индейцев и средствами террора воплощать в жизнь свою маоистскую программу. Ее терроризм унес двадцать пять тысяч жизней и сильно навредил перуанской экономике. Когда в 1992 году Гусман был схвачен и брошен за решетку, движение распалось.

В ряде других латиноамериканских стран, в Колумбии, например, «марксизм» служил и служит тому, чтобы прикрывать слоем респектабельности вооруженные банды (так называемые Революционные вооруженные силы Колумбии и армию национального освобождения), которые сочетают террор, похищения людей и вымогательство с наркоторговлей. По имеющимся оценкам, считая с 1964 года, действия этих двух группировок унесли жизни 120 тысяч колумбийцев и заставили два миллиона человек покинуть свое жилье.

Между странами, живущими в условиях коммунизма, обнаруживается поразительное сходство не только в том, каким образом они приходят к установлению таких режимов, но в том, какие это имеет последствия. Все проходят через резкое падение жизненного уровня, часто сопровождающееся голодом: засухи, похоже, связаны с коммунистическими режимами каким-то сверхъестественным родством. Отмене гражданских прав и свобод, оправдываемой заботой о равенстве, сопутствует появление верховного вождя — генералиссимуса или *lider maximo*, — который сосредоточивает в своих руках всю отобранную у его граждан власть и которого возводят в ранг некоего восточного божества. Нечего и говорить, что такой венец дела есть прямая противоположность тому пониманию марксизма, при котором коммунизм представлялся плодом действия безличных экономических сил и выступал творцом безграничной свободы для всех.

VI

Подводя итоги

Марксизм был величайшей фантазией (двадцатого) столетия¹.

Вот мы и подошли к тому, чтобы ответить на вопрос, поставленный в предисловии: что стало причиной крушения коммунизма — промахи, допущенные людьми, или пороки, заложенные в самой его природе? Исторические свидетельства решительно склоняют ко второму. Коммунизм не был хорошей идеей, с которой обошлись негодным образом, он изначально был плохой идеей.

С той поры, как в 1917 году большевики захватили власть в России, попытки создать общество, основанное на коммунистических принципах, десятки раз делались во всех частях мира. Москва щедро помогала им деньгами, оружием и направляющими советами. На деле все они провалились. В конце концов, коммунизм рухнул и в России, и сегодня он жив еще только в горстке стран — в Китае, Северной Корее, Вьетнаме, на Кубе, — но даже и здесь пребывает в

процессе разложения: коммунисты удерживают власть, но ценой далеко идущих уступок капитализму. В свете этого безрадостного опыта разумно предположить наличие некоего изъяна либо в исходных положениях коммунизма, либо в его программах, либо и в том, и в другом.

Приглядимся для начала к распаду Советского Союза, первого коммунистического государства, которое было главным мотором, приводившим в движение все коммунистические силы мира. Опубликованные после 1991 года исследования указывают на ряд причин этого драматического события: застой экономики, появившийся у советских граждан большой доступ к иностранным источникам информации, поражение в Афганистане, неспособность выдерживать свое участие в гонке вооружений и так далее. Диссидентское движение внутри страны, справиться с которым властям оказалось не по силам, а затем движение Солидарности в Польше подорвали дух советского руководства. Вызов коммунизму, смело брошенный президентом Рейганом усугубил замешательство советское правительства, которое уже уверовало, что после своей неудачи во Вьетнаме Соединенные Штаты потеряли вкус к холодной войне и готовы были погрузиться в изоляционизм. Не подлежит сомнению, что каждое из этих обстоятельств сыграло свою роль. Но они не смогли бы сокрушить могучую империю, будь она здоровым организмом. Они возымели действие потому, что организм был больной. Марксизм, теоретическая основа коммунизма, нес в себе семена саморазрушения, подобные тем, которые Маркс и Энгельс ошибочно усматривали в капитализме. Он

опирался на порочную философию истории и нереалистичную психологическую доктрину.

Попросту ложно основополагающее представление марксизма, что частная собственность, которую он стремится уничтожить, есть преходящее историческое явление — некая интерлюдия между первобытным коммунизмом и его высшей фазой. Все имеющиеся свидетельства указывают, что земля, основной источник богатства в первобытные времена, если не оказывалась в единоличной власти монарха, всегда принадлежала племенам, семьям или отдельным людям. Домашний скот, как равным образом и торговля и вырастающий из нее капитал всегда и везде находились в частных руках. Откуда следует, что частная собственность это не преходящее явление, а постоянная составляющая общественной жизни и как таковая неустранима.

Не меньшими изъятиями страдает и марксистское представление о безграничных возможностях перedelывать человеческую природу и, соответственно, представление, будто принуждением и обучением можно создать существа, полностью очищенные от приобретательских устремлений и готовые раствориться в таком обществе, где, как того хотел Платон, «частное и личное совершенно изгнаны из жизни». Если бы даже коммунистические режимы преуспели в величайших усилиях, которые они прилагали, добиваясь этой цели, все равно закрепить достигнутое им бы не удалось. Как установлено дрессировщиками животных, научившись после усиленных тренировок исполнять некоторые трюки, их подопечные, будучи предоставлены самим себе, через какое-то время забывают, чему их учили, и возвращаются к своему

естественному поведению. Более того, притом, что благоприобретенные черты по наследству не передаются, каждое очередное поколение приносило бы с собой в мир отнюдь не коммунистические устремления, и в их числе, конечно же, не самую малозначащую страсть — тягу к приобретательству. В конечном счете, коммунизм потерпел поражение ввиду своей неспособности изменить природу человека. Такого рода заключение вынес в 1920 году Муссолини, который, даже став фашистом, относился к коммунизму с некоторой симпатией:

Ленин это художник, работавший с людьми так, как другие художники работают с мрамором или металлом. Но люди тверже гранита и не такие ковкие, как металл. Никакого шедевра не получилось. Художника постигла неудача. Задача оказалась выше его сил ².

Такие свойства реального мира вынудили коммунистические режимы обращаться к насилию как постоянному способу правления. Чтобы заставить людей отказаться от того, что им принадлежит, и подчинить свои личные интересы государству, необходимо наделить руководящие институты общества безграничной властью. Именно это и имел в виду Ленин, когда говорил, что «диктатура пролетариата» это «ничем не ограниченная, никакими законами, абсолютно никакими правилами не стесненная, непосредственно на насилие опирающаяся власть».

Опыт показывает, что вообще-то существование такого режима возможно: он был навязан России и подвластным ей странам, Китаю, Кубе, Вьетнаму и Камбодже, как и ряду стран Африки и Латинской Америки. Но ценой были огромные человеческие страда-

ния; повлекло это за собой и крушение самой цели, во имя которой устанавливались эти режимы, а именно равенства.

Защищая режим, основанный на принуждении, Ленин исходил из того, что он будет временным и диктаторское государство, выполнив свою задачу, отомрет. Он, однако, не принимал во внимание, что абстракция, именуемая «государством», состоит из людей, которыми, какова бы ни была их историческая миссия, движут и личные интересы. Хотя марксистская социология считает, что государство служит только классу собственников и своих особых интересов не имеет, в действительности его служащие быстро складываются в новый класс. «Партия-авангард», предназначенная открывать путь в новую эру, становится самодовлеющей ценностью и целью.

Государству — вернее сказать, коммунистической партии — не остается иного выбора, кроме как угождать этому новому классу, ибо от него зависит ее пребывание у власти. И в условиях коммунизма чиновничество разрастается стремительно и скачкообразно по той простой причине, что, поскольку все стороны национальной жизни, и экономика не в последнюю очередь, подчинены государству, для управления всем этим требуется многочисленная бюрократия. Эта бюрократия оказывается излюбленным козлом отпущения у всех коммунистических режимов, но ни один не может без нее обойтись. В Советском Союзе в короткие сроки после большевистского переворота режим начал предлагать беспримерные вознаграждения своим ведущим работникам, из которых со временем выросла номенклатура, наследственная привилегированная каста. Таким

образом, была обозначена кончина идеала равенства. Стало быть, для введения равенства имущества необходимо узаконить неравенство прав. Противоречие между целями и средствами встроено в коммунизм и в жизнь каждой страны, где государство прибирает к рукам всю производительную собственность.

Надо признать, что время от времени делались попытки высвободить государство и общество из оков коммунистической бюрократии. Ленин и Сталин прибегали к чисткам, которые при Сталине выливались в массовые убийства. Мао затеял «культурную революцию» с целью разрушить позиции партийных бюрократов. Ни одна из этих попыток успеха не имела. В конце концов, номенклатура одерживала верх, потому что без нее никакое дело не делалось.

Провалом кончались и попытки ввести коммунизм демократическим путем. Как показывает опыт Чили при Альенде, при наличии относительно свободной печати, независимого суда и выборных органов законодательной власти покушение на частную собственность не может дать искомого результата, потому что оппозиция, беспощадно подавляемая при «диктатуре пролетариата», в этих условиях способна организовать сопротивление. С ростом ее рядов ей удалось относительно легко опрокинуть революционный режим. В Никарагуа, где в 1990 году коммунисты-сандинисты были достаточно уверены в собственной популярности, чтобы вынести решение своей судьбы на всеобщее голосование, народ отстранил их от власти.

Заложённая в природу коммунистических режимов бюрократизация была также причиной экономических провалов, которые либо способствовали их

падению, либо заставляли сохранять разве что словесную оболочку коммунизма и расставаться с тем, что она прикрывала. Национализация средств производства имела следствием передачу управления ими в руки чиновников, у которых не было ни умения, ни заинтересованности распоряжаться ими эффективно. Неизбежным результатом становилось падение производительности. Кроме того, неповоротливость, присущая централизованному управлению, не позволяла коммунистической экономике чутко воспринимать технические новшества, чем и объясняется, почему Советский Союз, несмотря на высокий уровень его научных достижений, проморгал ряд важнейших технологических открытий последнего времени. Как указывал Фридрих Хайек, лишь рынок обладает способностью улавливать изменения в экономике и откликаться на них. И только расчет на обогащение может заставить человека напрягать свои силы сверх той меры, которая необходима для удовлетворения его простейших потребностей. В условиях коммунизма действенные стимулы полностью отсутствовали, усердие в работе оказывалось наказуемым, поскольку выполнение производственных заданий влекло за собой лишь повышение этих заданий.

Провалы экономической политики коммунистических режимов имели наиболее трагические последствия для сельского хозяйства, составлявшего основу экономики почти всех стран, оказавшихся под властью коммунистов. Конфискация частной земельной собственности и следовавшая затем коллективизация разрушали традиционные порядки и уклад сельской жизни, приводя к беспримерно массовому голоду. Это имело место в Советском Союзе, в Китае,

Эфиопии и Северной Корее; в каждой из этих стран миллионы людей умерли от голода, людьми же сотворенного. В коммунистической Северной Корее и в 1990-е годы значительная часть детей страдала недугами, вызванными недоеданием; согласно имеющимся оценкам, во второй половине 1990-х от голода в этой стране погибли около двух миллионов человек. Показатель детской смертности составляет здесь 88 на тысячу живорожденных против 8 в Южной Корее, а ожидаемая продолжительность жизни для мужчин равна 48,9 года против 70,4 в Южной Корее. ВВП на душу населения составляет на севере 900 долларов, а на юге — 13 700.

В неспособности коммунизма создать изобилие и ввести равенство, то есть добиться провозглашенных им целей, проявилось не единственное присутствующее коммунизму противоречие. Другим было отсутствие свободы, которая, наряду с изобилием и равенством, входила, по Марксу, в число конечных целей коммунистического общества. Национализация производственных ресурсов превращает всех граждан в наемных работников государства — иными словами, превращает их в иждивенцев правительства. В своей книге «Преданная революция» Троцкий писал по этому поводу: «В стране, где единственным работодателем является государство, эта мера означает медленную голодную смерть. Старый принцип: кто не работает, тот не ест, заменен новым: кто не повинуется, тот не ест».

Признание государством прав своих граждан на принадлежащее им имущество — и четко выраженное уважение к этому праву — ставит пределы власти

государства и гарантирует свободу. И поскольку собственность есть юридическая норма, защищаемая судом, она означает также признание подчиненности государства закону. Отсюда следует, что поставленная коммунизмом цель упразднить собственность неизбежно ведет к упразднению свободы и законности. Национализация производственных ресурсов, отнюдь не освобождая людей от порабощения вещами, как того ожидали Маркс и Энгельс, делает их рабами правителей и, ввиду вечных нехваток, больше чем когда-либо подчиняет материальным интересам.

Но довольно о коммунизме в национальных границах. Немногим лучшие плоды приносила коммунизму его деятельность в мировом масштабе. Рассматривая капитализм как явление всемирное, марксисты стояли на том, что расправа с ним также должна быть всемирным делом: клич «Пролетарии всех стран, соединитесь!», брошенный в 1848 году *Коммунистическим манифестом* и впоследствии подхваченный как социалистами, так и коммунистами, явился установкой на международную солидарность трудящихся.

Их единство оказалось фикцией. Какие бы чувства ни связывали людей с их классом, территориальные и этнические привязанности всегда и повсюду оказываются сильные. Стоит только появиться угрозе, исходящей от чужого государства, как разные классы объединяются. Социалисты усвоили этот урок в 1914 году, когда, вопреки всем клятвам, национальные партии Второго Интернационала, почти все без исключения, поддержали свои «буржуазные» правительства и проголосовали за войну. Ленин еще раз выучил этот урок в 1920 году, когда польские рабочие и крестьяне объединились для защиты своей страны от Красной армии,

вторгшейся в Польшу, чтобы «освободить» их от эксплуатации. Такое повторялось снова и снова.

И происходило это не только в так называемых классовых обществах. Даже в странах, где правили коммунисты и где общество считалось бесклассовым, господство Советского Союза вызывало раздражение, и при всяком удобном случае делались попытки от него избавиться. Впервые это случилось в Югославии, но наиболее выразительно проявилось в Китае. Не прошло и десяти лет после прихода китайских коммунистов к власти, как они заявили о своем праве воплощать в жизнь и распространять собственную модель марксизма и, утверждая это право, почти развернули войну против Советского Союза, прежде бывшего для них наставником и образцом. Красные кхмеры пошли еще дальше, настаивая на своей самодостаточности и утверждая, что их коммунизм не имеет ничего общего ни с русской, ни с китайской его моделями. Подобным же образом европейские коммунистические движения выступили с требованиями плюрализма («полицентризма»), причем еще в то время, когда советское могущество находилось на своей вершине.

Единственный способ, каким Москва могла нейтрализовать эти центробежные силы в международном движении, состоял в том, чтобы держать заграничные компартии в состоянии слабости и, соответственно, полной от нее зависимости; едва возрастала поддержка со стороны избирателей, как эти партии тут же начинали требовать для себя автономии и даже независимости. Отсюда дилемма: международное коммунистическое движение либо оставалось изолированным и немощным, послушным орудием Москвы,

но не очень ей полезным, либо набирало силу и влияние, в каком-то случае высвобождалось из-под власти Москвы, разрушая тем самым единство мирового коммунизма. Это было то самое положение, о котором говорят: третьего не дано.

Эти изъяны, внутренне присущие коммунизму, отмечались многими его приверженцами, что приводило к появлению всякого рода «ревизионизмов». Правовверные коммунисты, однако, в срывах и неудачах видели не свидетельство ошибочности учения, а указание на то, что его проводили в жизнь недостаточно решительно. Подтверждая данное Джорджем Сантяной определение фанатиков как людей, удваивающих свои усилия после того, как забывают, чего они, собственно, добиваются, коммунисты пускались во все более дикий разгул с резней и убийствами. В итоге, продвигаясь от Ленина к Сталину и от Сталина к Мао и Пол Поту, коммунизм оставлял на своем пути все более обширный океан крови.

В общем, коммунизм провалился — и был обречен на провал — по крайней мере, в силу двух причин; во-первых, потому что для введения равенства, то есть для достижения его главной цели, необходимо создавать аппарат принуждения, который требует себе привилегий и тем самым отрицает равенство, и во-вторых, потому что этнические и территориальные привязанности, коль скоро они вступают в противоречие с классовой солидарностью, повсюду и во все времена берут верх, растворяя коммунизм в национализме, чем и объясняется, почему социализм так легко сочетается с «фашизмом». Сознвая эту реальность, коммунистическая партия Российской Федерации, с начала 1990 года ставшая преемницей

КПСС, отказалась от лозунга, зовущего к объединению пролетариев всех стран.

Германо-итальянский социолог Роберт Михельс, предвидевший такой поворот событий, не ошибся в предсказании, что «социалисты могут восторжествовать, но социализм — никогда».

Есть и еще одна, более конкретная причина, по которой, устроенные по чертежам Ленина коммунистические режимы по самой своей природе противились осуществлению коммунистического идеала. Исходя из неизбежности крушения мирового капитализма, Ленин построил свое правление по военному образцу. Советский коммунизм и его подражатели милитаризовали политическую жизнь, подчинив ее центральному командованию. Такое устройство ввиду его неспособности мобилизовать все людские и природные ресурсы, не позволяло эффективно откликаться на прямые физические вызовы режиму и распространять его влияние за границу. Он оказался куда менее эффективным — более того, беспомощным — в ответах на вызовы, с которыми нельзя было совладать посредством применения силы. Когда ожидавшая мировая революция не наступила, советский режим по существу закостенел и со временем столкнулся с такими внутренними трудностями и угрозами, как равнодушие и пассивность населения, что влекло за собой неуклонный упадок экономики и державшейся на ней военной мощи. Справиться с этими бедами можно было только путем смягчения режима.

Но смягчение власти подрывало весь коммунистический режим, представлявший собой цельную организацию, существовавшую только при строго централизованном управлении. Стоило Горбачеву покуситься

ся на эту систему, как в ней образовались трещины, и вскоре она совсем развалилась. Таким образом выяснилось, что коммунизм не поддается реформированию, то есть, иными словами что он не обладает способностью адаптироваться к меняющимся условиям. Присущая ему неподвижность привела его к падению.

Один из вызывающих споры вопросов истории коммунизма касается роли, какую сыграла в ней идеология — точнее, то, что именуется марксизмом-ленинизмом. Некоторые ученые полагают, что направляющей силой движения и режима, который из него вырос, были идеи, и поэтому Советский Союз и маоистский Китай они называют «идеократиями», то есть системами, управляемыми идеями.

Верно, конечно, что коммунизм не мог бы появиться без мифа о золотом веке и без созданного Марксом и впервые воплощенного в жизнь Лениным учения, которое предложило стратегию возвращения на землю этого счастливого времени. Но согласиться с этим еще не значит признать понятие «идеократии», просто потому, что любые идеи — будь то политические или экономические — как только они воплощаются в жизнь, рожают власть и скоро становятся ее орудиями. Капиталистическая экономика была классически описана в *Богатстве народов* Адама Смита. Но никто не станет всерьез утверждать, что капиталисты последних двух столетий выбирали свой образ действий под влиянием представления Смита о «невидимой руке» или руководствуясь каким-либо еще положением его теории. Пафос его идей отвечал интересам капиталистов, и поэтому они их приняли.

Нет оснований считать, что то же самое верно и в отношении марксизма-ленинизма. Представление,

будто миллионы рядовых членов коммунистической партии и государственных функционеров твердо верили в теории, придуманные немецким экономистом девятнадцатого века, держится на самомнении интеллектуалов, среди которых многие действительно, кажется, полагают, будто человечеством движут идеи. При своем первом появлении коммунистические партии обычно малочисленны и часто подвергаются преследованиям; членство в них больше сопряжено с риском, чем с выгодами, и поэтому значительной частью их состава вполне могут двигать идейные соображения. Но, оказавшись у власти, приступив к раздаче привилегий, как и к назначению наказаний, такие партии находят себе массу сторонников, которые поддерживают господствующую идеологию только на словах. Исследование, проведенное в Советском Союзе в 1922 году, показало, что лишь 0,6 процента членов коммунистической партии имели законченное высшее образование и только 6,4 процента — свидетельства об окончании средней школы. На основании этих данных один российский историк сделал вывод, что 92,7 процента состава партии были людьми слишком малограмотными, чтобы выполнять поручаемую им работу (4,7 процента были неграмотными в буквальном смысле слова). И Ленин с горечью признавал такое положение вещей, когда в 1921 году распорядился провести первую «чистку» партии, чтобы освободить ее от «примазавшихся». То была обреченная на неудачу попытка справиться с неизбежным. По мере того, как коммунистическое государство расширяет свои властные полномочия, ее ряды растут за счет притока карьеристов, для которых членство в партии означает обеспеченное положение и льготы. Власть

оказывается главной целью — как и самосохранение. Идеи же становятся теперь не более, чем фиговым листком для прикрытия истинной сущности режима: щеголяя преданностью высоким идеалам, удобно преследовать своекорыстные цели и совершать самые неблагоприятные поступки.

Показательно, что в 1991 году при развале советской власти люди, считавшиеся блюстителями идеологической чистоты, — номенклатура — сдались без боя и под предлогом «приватизации» бросились растаскивать и обращать в свою собственность природные и производственные ресурсы страны. Такое едва ли могло бы произойти, будь аппарат действительно предан марксистско-ленинской идеологии.

Интересное свидетельство о том, сколь подчиненное значение имела марксистская идеология для политической деятельности коммунистов, дает нам биография правившего Советским Союзом с 1953 по 1964 год преемника Сталина Никиты Хрущева, написанная его сыном Сергеем. Со студенческих лет, пишет младший Хрущев,

я постоянно старался и никак не мог понять, что же такое коммунизм... Я добивался, чтобы сущность коммунизма разъяснил мне отец, но и от него не получал никаких вразумительных ответов. Я понял, что суть дела была не очень-то ясна ему самому³.

И если уж лидер коммунистического блока и неутомимый предсказатель его грядущего торжества во всем мире не умел объяснить собственному сыну, что такое коммунизм, какой теоретической просвещенности прикажете ждать от рядовых партийцев и участников движения?

Именно своекорыстие — личное, как и государственное — вот, что двигало коммунистическими режимами и подрезало их уравнивательные идеалы. Как часто и как бесцеремонно советские и китайские лидеры отклонялись от марксистского канона, если того требовали их интересы! В 1917-м Ленин разрешил рабочим брать в свои руки заводы, а крестьянам захватывать землю, хотя эти анархические действия шли вразрез с марксистским учением. В 1921-м он возродил свободный рынок сельскохозяйственной продукции и допустил капиталистическое предпринимательство в производстве потребительских товаров. Сталин наделил колхозников личными земельными участками, и получаемую на них продукцию они могли продавать по договорным ценам. В 1930-е годы он поощрял создание за границей Народных фронтов, что предполагало сотрудничество коммунистов с их злейшими врагами — социал-демократами. Хрущев заменил всемирную классовую войну «мирным сосуществованием». Мао провозгласил, что человеческая воля может брать верх над объективной реальностью, тогда как его преемники призвали своих подданных обогащаться. Все это делалось во имя коммунизма. В каждом случае требования идеологии приносились, по крайней мере временно, в жертву высшим интересам партии, которые всегда и всюду означали одно и то же: сохранение и расширение неограниченной власти.

Затраты на эксперименты со строительством утопий были невероятными, число загубленных жизней — огромно. Общую численность жертв коммунизма издатель-редактор «Черной книги коммунизма» Стефан Куртуа оценивает в 85–100 миллионов человек, что на 50 процентов превышает численность погибших в

двух мировых войнах. В оправдание этих потерь приводились разные соображения, в том числе, например, и то, что, не разбив яиц, яичницу не изжаришь. Люди все-таки не яйца, но беда еще и в том, что никакой яичницы из этой бойни не получилось.

Уцелевшие тоже понесли потери. В попытках добиться полного единообразия коммунистические режимы ссылали, бросали в тюрьмы и принуждали к молчанию тех, кто не желал мириться с навязываемыми порядками — часто людей наиболее способных и предприимчивых. В результате была приведена в действие своего рода эволюция вспять: создавалось положение, при котором наиболее несамостоятельные и послушные получали наилучшие шансы выжить. Предприимчивые, честные и общественно мыслящие погибали. Таким образом, коммунистические общества теряли своих лучших людей, соответственно, оказывались на дороге обнищания.

В России, дольше всех прожившей в условиях коммунизма, одним из следствий стало то, что у населения отобрала веру в собственные силы. Поскольку при советской власти вся общественная практика подчинялась распоряжениям, которые спускались сверху, а инициатива приравнивалась к преступлению, народ утратил способность принимать решения, будь то в крупных или мелких делах (кроме связанных с уголовщиной); люди живут ожиданием приказов. После краткого порыва навстречу демократии, вернулась острая тоска по сильной руке. У народа не оказалась ни способности, ни желания стоять на собственных ногах и самостоятельно определять свою судьбу. И это не самый малый урон, который коммунизм нанес России и всем странам, подвергшимся, подобно

ей, длительной коммунистической дрессировке. Он уничтожил в них также уважение к труду и убил чувство общественной ответственности.

Стремление к собственности — свойство врожденное; уважение к собственности других воспитывается. Об этом ясно говорит изучение психологии детей. Отсюда следует, что если некто обнаруживает неуважение к своим правам собственности — будь то со стороны властей или общества в целом, — он не только перестает считаться с их имущественными интересами, но и становится носителем самых хищнических инстинктов. Так именно и произошло после падения коммунистического режима в СССР, что и стало помехой для перехода к подлинно рыночной экономике, которая зиждется на уважении к правам собственности.

Маркс утверждал, что капитализму присущи неразрешимые внутренние противоречия, обрекающие его на неизбежный крах. В действительности капитализм как система, способная откликаться на меняющиеся обстоятельства и приспосабливаться к ним, умел преодолевать все свои кризисы. Коммунизм, напротив, будучи воплощением жесткой доктрины — псевдонаукой, преобразованной в псевдорелигию и воплощенной в неповоротливом политическом режиме, — показал себя неспособным избавиться от порабощавших его заблуждений и ушел в небытие. Если он когда-либо возродится, это может произойти только вопреки приговору истории и с гарантированной перспективой еще одного провала. Действие в этом направлении будет граничить с безумием того вида, о котором сказано: снова и снова делать одно и то же в надежде получить иные результаты.

Примечания

1. Теория и программа коммунизма

1. *Карл Маркс*, Капитал, т. I, гл. XXIV (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23) с. 772–773.
2. *Фридрих Энгельс*, Успехи движения за социальное преобразование на континенте (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, Москва, 1955), с. 526.
3. *George Lukacs*, History and Class Consciousness (Cambridge, Mass, 1971), 315.
4. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Немецкая идеология (Сочинения, т. 3, Москва, 1955), с. 32.

2. Ленинизм

1. *Naum Jasny*, The Socialized Agriculture of 'the USSR (Stanford, 1949), 145–146.
2. *Richard Pipes*, A Concise History of the Russian Revolution (New York, 1995), 121n.
3. *В. И. Ленин*, Полное собрание сочинений, том 41, с. 383.
4. *Ричард Пайпс*, Русская революция, том II (Москва, 1994), с. 381–382.
5. *Л. Н. Крицман*, Героический период великой русской революции (Москва, 1926), с. 166.
6. *Isaac Steinberg*, In the Workshop of the Revolution (London, 1955), 145.
7. *В. И. Ленин*, Полное собрание сочинений, т. 37, с. 39–41.
8. *В. И. Ленин*, Неизвестные документы: 1891–1922 (Москва, 1999), с. 246.
9. *А. Г. Латышев*, Рассекреченный Ленин (Москва, 1996), с. 40. Этот текст не был включен в Полное собрание сочинений Ленина.
10. *В. И. Ленин*, Полное собрание сочинений, том 42, с. 1.
11. *Clara Zetkin*, Reminiscences of Lenin (London, 1929), 20.

3. Сталин и после него

1. *В. И. Ленин*, Неизвестные документы, с. 545.
2. *Михаил Геллер*, *Александр Некрич*. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней (Лондон, 1986), с. 213.
3. *Alec Nove*, An Economic History of the USSR (London, 1988), 208.

4. *Nicholas Werth in Stephane Courtois, ed.*, The Black Book of Communism (Cambridge, Mass., 1999), 153, 155.
5. *Ibid.*, 162.
6. *Nove*, *Economic History*, 243.
7. *Werth in Courtois*, *The Black Book of Communism*, 159, 167.
8. *M. B. Olcott in Russian Review*, vol. XL, № 2 (1981), 122, 136.
9. *Hoy* (Havana), February 24, 1963, cited in Theodore Draper, *Castroism: Theory and Practice* (New York, 1965), 217–218.
10. *Альфред Мирек*, Красный мираж (Москва, 2000) с. 265–266.
11. *Vladimir Naumov in William Taubman et al., eds.*, Nikita Khrushchev (New Haven, Conn., 2000), 90.
12. *Sheila Fitzpatrick*, Everyday Stalinism (New York, 1999), 127.
13. *Bertram D. Wolfe, ed.*, Khrushchev and Stalin's Ghost (New York, 1957), 124.
14. *David Remnick*, Lenin's Tomb (New York, 1993), 406.
15. *Michael Voslensky*, Nomenklatura: The Soviet Ruling Class (Garden City, N.Y., 1984), 61.
16. *Remnick*, Lenin's Tomb, 172–173.
17. *The New York Times*, August 15, 2000, p. A7.
18. *Р. Г. Пихоя*, Советский Союз: История власти, 1945–1991 (Москва, 1998), с. 140.
19. *Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960* (Москва, 1998), с. 48.
20. *Nove*, *Economic History*, 180.
21. *Карл Маркс*, Классовая борьба во Франции (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7), с. 80.
22. *Louis Fischer in Richard Crossman, ed.*, The God That Failed (New York, 1949), 205.
23. *О. Мандельштам*, Собрание сочинений в трех томах, (Международное литературное содружество, 1967), т. 1, с. 202.
24. *M. Gorki*, Lenine et le Paysan Russe (Paris, 1924), 64.
25. *Henry Picker, ed.*, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, 1941–1942 (Bonn, 1951), 133.
26. *Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева* (Москва, 1991), с. 184.
27. *И. В. Сталин*, Сочинения. (Москва, 1952), т. 7, с. 27 и 14.
28. *John Erickson and David Dilks, eds.*, Barbarossa: The Axis and the Allies (Edinburgh, 1994), 261.

29. *Leonard Schapiro in George Urban, ed.*, Stalinism (New York, 1982), 423.
30. *Andrej Sinjawkij*, Der Traum vom neuen Menschen oder die Sowjetzivilisation (Frankfurt, 1989), 262–263.
31. *Robert W. Pringle in International Journal of Intelligence and Counterintelligence*, Summer 2000, 195.
32. *Markus Wolf*, The Man Without a Face (London, 1997), 218–219.

4. Восприятие коммунизма на Западе

1. *Jane Degras, ed.*, The Communist International, 1919–1943: Documents, vol. I, (London, 1956), 128.
2. *В. И. Ленин*, Неизвестные документы, с. 357.
3. *В. И. Ленин*, Полное собрание сочинений, т. 41, с. 38.
4. *Degras*, The Communist International, vol. 1, 166–172.
5. *Arthur Koestler*, The Invisible Writing (New York, 1954), 53.
6. *In Crossman, ed.*, The God That Fatted, 23.
7. *The Times* (London), February 11, 1920, p. 9.
8. *В. И. Ленин*, Полное собрание сочинений, т. 49, с. 15; т. 38, с. 139.
9. *Carl J. Friedrich, ed.*, Totalitarianism: Proceedings of a Conference Held at the American Academy of Arts and Sciences (Cambridge, Mass., 1954), 49.
10. *Hans Buchheim*, Totalitarian Rule (Middletown, Conn., 1968), 38–39.
11. *Benito Mussolini*, Opera omnia, vol XVII (Firenze, 1955), 295.
12. *Picker, ed.*, Hitlers Tischgespräche, 133.
13. *The New York Times*, August 11, 1990, p. A2.
14. *Ibid.*, June 18, 1992, p. A18.
15. *David Childs, ed.*, The Changing Face of Western Communism (London, 1980), 276.

5. Третий мир

1. *Courtois in The Black Book of Communism*, 754.
2. *Francois Ponchaud in Karl D. Jackson, ed.*, Cambodia 1975–1978: Rendezvous with Death (Princeton, 1989), 152.
3. *В. И. Ленин*, Неизвестные документы, с. 404.
4. *Leszek Kolakowski*, Main Currents of Marxism, vol. III (Oxford, 1978), 495, 521.
5. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Немецкая идеология (Сочинения, т. 3, Москва, 1955), с. 25.
6. *Quotations from Chairman Mao Tse-tung* (New York, 1968), 32–33.

7. *Ibid.*, 77.
8. *Stuart Schram*, Mao Tse-tung (Harmondsworth, U.K., 1966), 291.
9. *Donald S. Zagoria*, The Sino-Soviet Conflict, 1956–1961 (New York, 1964), 385.
10. *Quotations from Chairman Mao Tse-tung*, 19–20.
11. *Jasper Becker*, Hungry Ghosts: China's Secret Famine (London, 1996), p. 11.
12. *Kenneth M. Quinn in Jackson, Cambodia*, 238.
13. *Jackson, Cambodia*, 3 and 150.
14. *Charles M. Twining in Jackson, Cambodia*, 110.
15. *Draper*, Castroism, 48–49.
16. *Sergei Khrushchev, Nikita Khrushchev* (University Park, Pa., 2000), 627.
17. *Silvana Paternostro in The New Republic*, July 10–17, 2000, 20.
18. *Peter Woodward*, The Horn of Africa (London and New York, 1996), 99.

6. Подводя итоги

1. *Kolakowski*, Main Currents, vol. III, 523.
2. *Mussolini*, Opera omnia, vol. XV (Firenze, 1954), 93.
3. *Sergei Khrushchev, Nikita Khrushchev*, 701.

Именной указатель

- Александр II** — 39
Александр III — 41
Альенде, Сальвадор — 163–167, 181
Андропов, Ю. В. — 85, 107, 109
Аристотель — 11, 87
Августин Блаженный — 12
- Батиста, Фульхенсио** — 168
Бернштейн, Эдуард — 30–31, 102, 148
Брежнев, Л. И. — 104, 109
Булганин, Н. А. — 85
Бухарин, Н. И. — 72, 93, 115
- Вебб, Беатриса** — 121, 122
Вебб, Сидней — 121
Вебер, Макс — 35
Волгогонов, Д.А. — 82
- Ганди, Мохандас** — 145
Гевара, Че — 136, 169
Герцен, Александр — 36
Гитлер, Адольф — 32, 92, 94–97, 118, 127–128, 131–132
Гобсон, Джон Аткинсон — 141
Горбачев, М. С. — 85, 101, 108–109, 187
Горький, Максим — 91
Громыко, А. А. — 85
Гувер, Герберт — 66
Гусман Рейносо, Абимаэль — 174
- Дэн Сяопин** — 158
- Ежов, Н. И.** — 84
Ельцин, Б. Н. — 101–102, 109–110, 135, 171
- Жид, Андре** — 123–124
Жорес, Жан — 30
- Зиновьев, Г. Е.** — 60, 72, 82, 115, 123
- Каменев, Л. Б.** — 60, 72, 82, 123
Каррильо, Сантьяго — 137
Кастро, Фидель — 79, 165, 169–172
Кемаль-паша (Ататюрк) — 143
Керенский, А. Ф. — 52
Кёстлер, Артур — 119–120, 122
Киров, С. М. — 79–80
Корнилов, Л. Г. — 52
Крупская, Н. К. — 43
Куртуа, Стефан — 191
- Ленин, В. И.** — 9, 16, 31, 40–47, 51–53, 55–60, 62–73, 80, 82–83, 88, 91, 93–94, 99–100, 102, 111, 112–113, 115–116, 127, 137, 141–144, 149, 152, 154–155, 172, 179–181, 184, 186–189, 191
Ллойд-Джордж, Дэвид — 113, 125
Лон Нол — 160
Лукач, Дьёрдь — 25
- Мандельштам, О. Э.** — 90
Мао Цзэдун — 132, 136, 141, 146–151, 154–158, 161, 172–173, 181, 186, 191
Мартов, Л. — 31, 40, 43–44
Маркс, Карл — 8, 18–19, 21–29, 37–40, 86, 87, 100, 119, 141, 148, 154–155, 172, 177, 183–184, 188, 193
Менгисту Хайле, Мариам — 172–174
Мейерхольд, В. Э. — 80–81
Милюков, П. Н. — 49
Михельс, Роберт — 187
Молотов, В. М. — 80, 94, 96
Муссолини, Бенито — 32, 58, 128, 130–131, 179
- Николай II** — 48
- Петр I** — 33, 100
Пиночет, Аугусто — 167
Платон — 8, 11, 178
Пол Пот — 161, 172, 186
- Рассел, Бертран** — 19, 123
Рейган, Рональд — 177
Риббентроп, Иоахим фон — 92
- Сантаяна, Джордж** — 186
Сартр, Жан-Поль — 159–160
Смит, Адам — 188
Соловьев, Владимир — 12
Сталин, И. В. — 60, 70–76, 78–80, 82–85, 89–100, 102, 112, 115, 121, 131–132, 145–147, 150, 152, 154, 181, 186, 190–191
Стеффенс, Линкольн — 120
- Струве, П. Б.** — 39, 42
Сунь Ятсен — 144–145
- Тито, Иосип Броз** — 132, 147
Троцкий, Л. Д. — 52, 56, 60, 72, 87, 93–94, 114, 183
Трумэн, Гарри — 133
- Уэллс, Герберт Джордж** — 30
- Фанон, Франц** — 158, 160
Форд, Генри — 125–126
Фрей, Эдуардо — 163–164
Фридрих, Карл Дж. — 129
- Хайек, Фридрих** — 182
Хрущев, Н. С. — 85, 91, 94, 99, 100, 104, 136, 147, 149, 150, 190, 191
Хрущев, С. Н. — 190
- Чан Кайши** — 114–147
Черчилль, Уинстон — 78, 113
- Шоу, Джордж Бернард** — 30, 122
Штейнберг, Исаак — 62
- Эйзенхауэр, Дуайт Дэйвид** — 134, 169
Энгельс, Фридрих — 8, 18, 21–26, 38, 40, 87, 141, 177, 184

Содержание

Предисловие	7
I. Теория и программа коммунизма	10
II. Ленинизм	33
III. Сталин и после него	70
IV. Восприятие коммунизма на Западе.....	111
V. Третий мир	139
VI. Подводя итоги.....	176
Примечания.....	194
Именной указатель	198

Научно-публицистическое издание

Ричард Пайпс

Коммунизм

Ответственный за выпуск *О. Карпова*

Редактор *О. Скрипалёва*

Художник *С. Кочеткова*

Компьютерная верстка *Г. Панюшкиной*

Сдано в набор 11.08.2002. Подписано в печать 15.11.2002.

Бумага офсетная. Гарнитура Прагматика. Печ. л. 12,5.

Тираж 1000. Заказ №

Московская школа политических исследований

121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44/2, комн. 22

E-mail: mmps@co.ru

<http://www.mmps.ru>

ЛР № 00972 от 14.02.2000